

Отечественные труды по изучению Библии въ XIX вѣкѣ.

ИЗУЧЕНИЕ у насъ Библии въ теченіе истекшаго столѣтія выразилось въ довольно многочисленныхъ и разнообразныхъ печатныхъ трудахъ, оригинальныхъ и переводныхъ, ученыхъ, популярныхъ и учебныхъ, имѣющихъ видъ объемистыхъ книгъ, брошюръ или журнальныхъ статей.

Настоящій обзоръ не имѣетъ въ виду познакомить со всѣми этими разнородными трудами. Его цѣль — остановить вниманіе на важнѣйшихъ изъ нихъ въ томъ или другомъ отношеніи, со стороны ли метода разсмотрѣнія предмета, тщательности труда, богатства содержанія или важности достигнутыхъ научныхъ результатовъ, короче — на тѣхъ по преимуществу, въ которыхъ съ замѣтною ясностью выразился ростъ отечественной библейской науки. Не надѣмся однако, и при такомъ ограниченіи, избѣжать ненамѣренныхъ опущеній, за которыя напередъ просимъ у авторовъ и у читателей извиненія.

Выразившееся въ печатныхъ трудахъ по Священному Писанію поступательное движеніе нашей библейской науки шло не съ равномерною послѣдовательностью въ продолженіе всего столѣтія: въ теченіе первой его половины наблюдается гораздо меньшая литературная производительность, чѣмъ во второй. Въ виду этого въ настоящемъ очеркѣ будутъ отдѣльно указаны печатные труды по изученію Библии въ продолженіе первой и второй половины столѣтія.

Труды по изученію Библии въ теченіе первой половины столѣтія.

1. Для изученія Библии въ нашемъ отечествѣ окончившееся столѣтіе началось при весьма благопріятныхъ условіяхъ. Послѣ того, какъ изданъ былъ наконецъ (въ 1751 г.) исправленный славянской текстъ Библии, явилось замѣчательное оживленіе въ истолковательной особенно литературѣ по Священному Писанію, продолжавшееся въ теченіе всей второй половины XVIII-го вѣка и перешедшее отчасти въ слѣдующій вѣкъ. Изъ появившихся въ это время различныхъ печатныхъ трудовъ этого рода составилаь «значительно большая истолковательная библіотека, въ которой было и «Руководство къ чтенію книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта» (м. *Амвросія Пододьдова*), и библейская герменевтика на латинскомъ языкѣ (епископа *Антонія Знаменскаго*), и толкованія ¹⁾ на большую часть и притомъ важнѣйшихъ книгъ Ветхаго Завѣта и почти на всѣ книги Новаго Завѣта, на нѣкоторыя изъ послѣднихъ даже не по одному толкованію» ²⁾. Совершившееся въ началѣ XIX-го столѣтія преобразование духовно-учебныхъ заведеній должно было не только поддержать, но и усилить начавшуюся оживленную дѣятельность въ области библейской науки; важное значеніе, какое дано было новымъ уставомъ изученію Священнаго Писанія въ учебномъ курсѣ не только академій, но и семинарій, въ которыхъ этотъ предметъ не считался до этого времени (1808 г.) обязательнымъ, должно было располагать и наставниковъ и учениковъ къ тому, чтобы прилагать больше усилій и посвящать болѣе времени изученію Священнаго Писанія; съ другой стороны, высокія требованія отъ академическихъ профессоровъ, выраженные въ уставѣ

¹⁾ Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ сохранили свое значеніе и для настоящаго времени, напримѣръ «Приточкинъ Евангелійскій» архіеп. *Сильвестра*, впервые напечатанный въ Москвѣ въ 1796 г., а въ 1894 г. вышедшій 4-мъ изданіемъ.

²⁾ Рѣчь архим. Михаила въ изданіи: «Годи́чный актъ въ московской духовной академіи 1-го октября 1877 г.» стр. 20. Подробнѣе объ означенныхъ трудахъ, принадлежащихъ болѣею частью бывшимъ наставникамъ московской и отчасти кіевской академіи, въ послѣдствіи времени первосвятителямъ нашей церкви, см. въ ст. проф. *С. Сольскаго* «Обозрѣніе трудовъ по изученію Библии въ Россіи», помѣщенныхъ въ «Православномъ Обозрѣніи» 1869 г., т. I, стр. 568 и дал.

академіи¹⁾, простиравшіяся, безъ сомнѣнія, и на преподавателей Священнаго Писанія, должны были побуждать, между прочимъ, къ обоснованію толкованія на тщательномъ изученіи подлинныхъ текстовъ священныхъ книгъ и къ изученію вмѣстѣ съ отеческими толкованіями лучшихъ экзегетическихъ трудовъ и пособій къ изученію Священнаго Писанія, принадлежащихъ новому времени. И дѣйствительно первые печатные труды по Священному Писанію, вышедшіе изъ преобразованныхъ академіи, отличаются замѣчательно высокими достоинствами. Тогда какъ толкованія предшествующаго времени состояли главнымъ образомъ²⁾ въ болѣе ясной и понятной передачѣ славянскаго текста, съ приведеніемъ отеческихъ толкованій и присоединеніемъ нравственныхъ наставленій³⁾, подобные по предмету труды новаго времени съ вѣрностью духу православной церкви и назидательностью соединяють научный, изслѣдовательный характеръ, выражающійся вообще въ раскрытіи основаній для такого, а не иного, пониманія словъ Писанія или—рѣшенія библейскихъ вопросовъ. Таковы прежде всего произведенія ректора петербургской духовной академіи архимандрита (впоследствии знаменитаго митрополита московскаго) *Филарета*: «Записки на книгу Бытія» (напечатанныя впервые въ 1816 году), «Опытъ изъясненія псалма LXXII» (впервые напечатан. въ 1814 г.) и «Толкованіе II псалма» (составлено въ 1820 г., напечатано въ Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія за 1873 г.)⁴⁾. Въ этихъ сочиненіяхъ, не смотря на то, что они относятся къ самому раннему періоду литературной дѣятельности ихъ автора, наблюдаются, по сло-

1) Уставомъ требовалось, между прочимъ, «чтобы авторы и учебныя книги избираемы были въ своемъ родѣ самыя лучшіе и чтобы они всегда держались на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами каждой науки».

2) Въ нѣкоторыхъ только экзегетическихъ трудахъ этого времени, напр., въ толкованіяхъ *Принца (Клементьевскаго)*, архіеп. псковскаго, на Псалтирь и на Малыхъ Пророковъ, замѣчается болѣе научный приемъ, состоящій въ обращеніи къ еврейскому тексту и греческому переводу 70-ти.

3) Подробнѣе объ этомъ сказано въ ст. проф. *Солскаго* въ «Правосл. Обзорніи» 1869 г., т. I, стр. 570 и дал.

4) Подробное перечисленіе печатныхъ трудовъ митр. *Филарета* по Свящ. Писанію см. въ «Сборникъ, издаваемъ обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія *Филарета*, митроп. московскаго», т. II, стр. 165—166.

вамъ авторитетнаго дѣлителя экзегетическихъ трудовъ ¹⁾, наблюдаются «строгий, основанный на филологіи, методъ объясненія, здравые критическіе приемы, выдержанность и основательность выводовъ при сжатости и возможной общедоступности изложенія» ²⁾. Изъ этихъ произведеній съ особенною ясностью и полнотою выразились характеристическія особенности новаго истолковательнаго метода въ «Запискахъ на книгу Бытія». Въ нихъ примѣнены къ дѣлу объясненія Священнаго Писанія всѣ тѣ средства и пособія, какими вообще располагаетъ научно приготовленный православный экзегетъ. Въ основу толкованія положенъ буквальный смыслъ, который при объясненіи ветхозавѣтныхъ каноническихъ книгъ опредѣляется прежде всего на основаніи еврейской филологіи путемъ тщательнаго разбора реченій еврейскаго текста; затѣмъ этотъ смыслъ повѣряется древними греческими переводами, особенно переводомъ 70-ти, а отчасти и другими позднѣйшими (сирскимъ, арабскимъ, латинскимъ), по мѣстамъ и чтеніями Самаританскаго текста. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ греч. переводъ 70-ти и слѣдующій ему славянскій не согласуются съ еврейскимъ текстомъ, вопросъ о томъ, какому чтенію нужно слѣдовать, рѣшается путемъ разсмотрѣнія внутренняго содержанія того и другого чтеній; при этомъ разности или соглашаются между собою путемъ толкованія, напримѣръ, въ Быт. II, 2, или отдается преимущество одному изъ текстовъ, какимъ оказывается то грекославянскій, напримѣръ, въ I, 6; IV, 8 и др., то — еврейскій, напримѣръ, въ IV, 7; VI, 3 и др., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — переводъ Акилы (въ IV, 26); только въ немногихъ мѣстахъ читатель оставляется безъ опредѣленнаго указанія относительно того, чтеніе ли еврейскаго текста или одного изъ переводовъ признаетъ авторъ толкованія болѣе точнымъ, напримѣръ въ I, 8. Самое толкованіе обосновывается, кромѣ филологическаго разбора реченій еврейскаго текста и переводовъ, на сопоставленіи объясняемаго мѣста съ другими, сходными по содержанію, мѣстами Писанія и на толкованіяхъ Отцевъ и Учителей Церкви; во многихъ мѣстахъ дѣлаются также справки съ позднѣйшими толкованіями, а отчасти и сочиненіи свѣтскихъ писателей древняго и новаго

¹⁾ Разумѣется профессоръ московской академіи по кафедрѣ Свящ. Писанія архим. Михаилъ, впослѣдствіи еп. курскій, авторъ нѣкоторыхъ толкованій на Евангеліи.

²⁾ Изъ вышепечав. годичнаго акта московской академіи, стр. 23.

времени, особенно тамъ, гдѣ требовались для объясненія библейскаго текста спеціальныя знанія — археологическія, этнографическія, географическія, напримѣръ, при объясненіи Быт. X гл. Понятно, что толкованіе, которое производилось по такому методу умомъ притомъ сильнымъ, стремившимся къ уразумѣнію истины, должно было дать, какъ и дѣйствительно дало, ясное, научно-обоснованное и многостороннее объясненіе дѣлъ Божіихъ и событій изъ исторіи первобытнаго человѣчества, изложенныхъ въ книгѣ Бытія ¹⁾. Если этотъ трудъ подвергался однако въ свое время нѣкоторымъ нареканіямъ, которыя представляются и въ настоящее время имѣющими свою долю правды, напримѣръ, относительно того, какъ въ Запискахъ на книгу Бытія обосновывается пониманіе предмета творческой дѣятельности во 2-й день и какое соединено здѣсь представленіе съ раздѣленіемъ первобытныхъ водъ ²⁾, то этотъ частный пунктъ, какъ и нѣкоторые другіе,

¹⁾ Обстоятельную характеристику дѣятельности митроп. Филарета, какъ толкователя Св. Писанія, см. въ вышеназв. юбилейномъ «Сборникѣ», т. II, стр. 164—202.

²⁾ Обосновывая свое пониманіе предмета творенія во 2-й день, какъ именно тверди, согласно съ переводомъ 70-ти, авторъ Записокъ на кн. Бытія въ подтвержденіе этого ссылается, между прочимъ, на понятія древнихъ о небѣ, причемъ приводитъ выраженія изъ халдейской и греко-римской космогоній. На это рецензентъ, которымъ былъ, какъ предполагаютъ (см. «Христ. Чит.», 1881 г., т. 2-й, стр. 765—767; тоже въ въ вышеназв. юбил. Сборникѣ, т. II, стр. 110), прот. Г. П. Павскій, замѣчаетъ: «Что это за причина? Какая герменевтика учитъ, что истинное значеніе словъ, употребленныхъ Моисеемъ къ выраженію откровеннаго ему самимъ Богомъ понятія о небѣ, есть именно то, которое сходнѣе съ астрономическими бреднями о небѣ древнихъ народовъ?.. Причина, которая показалась автору слишкомъ важною, дѣйствительно почитается таковою въ новѣйшія времена, но кѣмъ? вольнодумными, чтобы не сказать, безбожными изъяснителями Свящ. Писанія» («Христ. Чит.», тамъ же, стр. 772). Иронія, которая слышится въ этихъ словахъ, авторъ Запис. на кн. Бытія не заслуживаетъ, конечно; но вѣрно то, что доказательство, избранное въ подтвержденіе совершенной точности и сообразности съ библ. бытописаніемъ употребленнаго въ данномъ мѣстѣ у 70-ти выраженія, соответствующаго славянскому: *твердь*, не умѣстно дѣйствительно и что этимъ доказательствомъ и въ настоящее время пользуются именно библеисты отрицательнаго направленія. Не только остроумно, но въ существѣ дѣла и справедливо также замѣчаніе рецензента о выраженіи въ Запискахъ на кн. Бытія представленія относительно раздѣленія *водъ подъ твердію отъ водъ надъ твердію*; пониманіе этихъ водъ не въ собственномъ смыслѣ, а въ значеніи не-

оказывающіеся недостаточно повѣренными ¹⁾, не закрываютъ намѣченныхъ отчасти выше высокихъ достоинствъ толкованія приснопамятнаго святителя, справедливо названнаго «первымъ въ Россіи опытомъ ученаго изъясненія св. Писанія» ²⁾.

Другимъ замѣчательнымъ также научнымъ трудомъ по изученію священнаго Писанія, относящимся къ тому же времени, является «сочиненіе С.-Петербургской духовной академіи студента *Герасима Павскаго*: Обзорніе книги Псалмовъ, опытъ археологической, филологической и герменевтической, 1814 года». По своему научному характеру этотъ трудъ знаменитаго впоследствии библеиста и филолога не безъ основанія ставится нѣкоторыми ³⁾ рядомъ съ «Записками на книгу Бытія»; онъ дѣйствительно «отличается всѣми достоинствами самостоятельнаго ученаго изслѣдованія; въ немъ подвергнуты разсмотрѣнію тѣ именно стороны въ изученіи Псалтири, которыя или совершенно опущены или недостаточно разсмотрѣны» ⁴⁾ въ предшествующихъ трудахъ, каковы вопросы о происхожденіи и составѣ Псалтири, въ частности—вопросы: о писателяхъ псалмовъ, о предметахъ пѣсней Псалтири, объ языкѣ ихъ и псалмахъ пророческихъ. Рѣшая эти вопросы путемъ научнаго изслѣдованія, основаннаго на изученіи еврейскаго текста и отеческихъ толкователей, авторъ «сдѣлалъ весьма важный шагъ впередъ въ дѣлѣ научнаго объясненія Псалтири» ⁵⁾, хотя въ виду уже

устроеннаго міроваго вещества, привело автора къ изложенію такой теоріи образованія земли и другихъ міровыхъ тѣлъ, которая несоотвѣтствуетъ характеру библ. повѣствованія и можетъ возбуждать только различныя недоумѣнія, указанныя рецензентомъ. Не лишены мѣткости и силы и другія критическія замѣчанія на этотъ трудъ митроп. Филарета (см. «Христ. Чт.» 1881 г. тамъ же, стр. 775—782).

¹⁾ Таково, наприм., объясненіе первоначальныхъ *неба и земли* въ не собственномъ смыслѣ; основательный разборъ этого толкованія сдѣланъ былъ достопочтеннымъ профессоромъ нашей академіи *Н. Н. Глоріантовымъ* и напечатанъ при жизни митроп. Филарета въ «Христ. Чт.» 1861 г. въ ст. «Взглядъ современной геологіи о происхожденіи міра и будущей его судьбѣ при свѣтѣ Божественнаго откровенія».

²⁾ Названіе это дано историкомъ отечественной литературы *А. Галаховымъ*; см. вышеуказ. юбилейный сборникъ, т. II, стр. 198.

³⁾ Разумѣется рѣчь архим. Михаила въ вышеуказ. годовичномъ актѣ моск. академіи, стр. 23.

⁴⁾ Свящ. *Н. Н. Вишняковъ*. «О происхожденіи Псалтири», стр. 19.

⁵⁾ Тоже, стр. 20.

самой краткости сочиненія (82 стр.) нельзя въ немъ найти разрѣшеніе многихъ вопросовъ, получившихъ особое развитіе въ позднѣйшее затѣмъ время.

2. Начавшееся такъ плодотворно, научное изученіе Библии не представляетъ, къ сожалѣнію, въ продолженіе слѣдующаго, довольно значительнаго, времени такихъ многочисленныхъ и цѣнныхъ литературныхъ трудовъ, какихъ можно бы ожидать по обычному ходу вещей. Обзорѣвая дальнѣйшій ходъ отечественной литературы по библейской наукѣ, наши библеисты указываютъ обыкновенно на ея крайнюю скудость¹⁾. Въ теченіе почти сорока лѣтъ отъ изданія «Записокъ на книгу Бытія» и до 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія появилось дѣйствительно въ печати крайне ограниченное число печатныхъ трудовъ этого рода. А именно—въ это время вышли:

а) *по толкованію цѣльныхъ книгъ Св. Писанія* собственно одно сочиненіе прот. *Г. Сковрцова* «Записки на посланіе къ Ефессяамъ», 1838 г. (безъ имени автора²⁾). По своему содержанію это небольшое сочиненіе (159 стран.) отличается научностью метода и выдержанностью православнаго характера толкованія: славянскій текстъ апостольскаго посланія сравнивается съ греческимъ подлинникомъ, причемъ отмѣчаются греческія чтенія, несходныя съ тѣми, какимы слѣдовали славянскіе переводчики; въ основаніе объясненія положены—точное опредѣленіе значенія греческихъ реченій, употребленныхъ апостоломъ, и отеческія толкованія; видно изъ сочиненія и знакомство его автора съ современными ему иностранными толкователями (Михаелисомъ и мн. др.), мнѣнія которыхъ кратко приводятся и оцѣниваются. — По изложенію сочиненіе состоитъ изъ краткихъ объясненій на отдѣльныя выраженія и имѣетъ вообще характеръ конспективный; послѣдовательный ходъ рѣчи апостола передается

¹⁾ *Архим. Михаилъ* въ своей актовѣ рѣчи; см. вышеназв. годичный актъ московск. академіи, стр. 24, гдѣ приведены слова ректора акад. *А. В. Горскаго*, выражающія такой же взглядъ на предшествующее время въ этомъ отношеніи, и проф. *С. Солскій* въ названной выше ст. въ «Прав. Обзорѣ» 1869, т. I, стр. 814.

²⁾ Принадлежность названнаго толкованія прот. *Г. М. Сковрцову*, магистру петерб. академіи 2-го курса, профессору кievской академіи и университета, указана, какъ въ Обзорѣ русск. духовн. литературы *Филарета*, архіеп. чернигов., изд. 3-е, стр. 496, такъ и у проф. *С. Сольскаго* въ назван. статьѣ.

посредствомъ надписаній, предпосылаемыхъ объясненію отдѣльныхъ реченій и кратко выражающихъ общее содержаніе известной группы стиховъ. Въ концѣ книги изложено содержащееся въ этомъ посланіи вѣроученіе, расположенное въ порядкѣ членовъ Символа вѣры, и правоученіе—въ порядкѣ десяти заповѣдей. Происхожденіе посланія отнесено къ 62 г. 1-го христ. вѣка, какъ опредѣляется оно и въ настоящее время у библейстовъ положительнаго направленія.

Недостатокъ новыхъ, въ собственномъ смыслѣ истолковательныхъ трудовъ, отчасти восполняютъ: принадлежащія *Филарету*, архіеп. рязанскому, «Бесѣды на Евангеліе Матвеея» (изд. въ 1829 г.) и—«Іоанна» (въ 1832 г.), отличающіяся тѣмъ, что въ нихъ преобладаетъ нравственно-назидательный элементъ ¹⁾, и принадлежащія прот. *А. Прокоповичу* «Мысли при чтеніи посланій ап. Павла къ Солунянамъ» (Сиб. 1819 г.),—къ Галатамъ» (1820 г.),—къ Колоссянамъ» 1820 г.),—къ Ефесеямъ» (1821 г.); согласно съ самымъ заглавіемъ, эти сочиненія состоятъ главнымъ образомъ изъ назидательныхъ размышленій, извлекаемыхъ изъ содержанія апостольскихъ посланій, научнаго же объясненія текста послѣднихъ въ нихъ не дается; въ этомъ отношеніи они представляютъ «небогатый подарокъ» ²⁾.

б) По *теоріи толкованія* или герменевтикѣ явились въ это время три сочиненія на русскомъ языкѣ и два на латинскомъ, а именно: *Феохтиста*, архіеп. курскаго, «Драхма отъ сокровища божественныхъ Писаній Ветхаго и Новаго Завѣта, то есть: Сокращеніе правилъ, при чтеніи Священнаго Писанія, къ знанію потребныхъ. Въ пользу священно-и церковно-служительскихъ дѣтей курской семинаріи, въ высшихъ классахъ обучающихся» (1809 г.); «Compendium Hermeneuticae sacrae, usibus juvenutis accommodatum» (1814 г.), т. е., «Сокращенная свящ. герменевтика, приспособленная къ употребленію юншества»; *Delineatio Hermeneuticae sacrae, ad usum studiosorum Sacrae Scripturae accommodata* ³⁾ (1828 г.),

¹⁾ См. вышеназв. ст. профес. *Сольскаго* въ «Прав. Обзор.» 1869 г., т. 1, стр. 814.

²⁾ *Филарета*, арх. черниг., *Обзоръ русск. дух. литературы*, стр. 431.

³⁾ Это соч. издано безъ имени автора, которымъ былъ, какъ известно, архим. *Іоаннъ (Доброзраковъ)*, ректоръ петерб. семинаріи, впоследствии епископъ пензенскій (*И. Чистовичъ*, *Исторія петерб. академіи*. 1857 г., стр. 278, 334).

т. е. «Начертаніе свящ. герменевтики, приспособленное къ употребленію изучающихъ Свящ. Писаніе»; «Библейская Герменевтика или толковательное Богословіе. Сочин. проф. с.-петербургской семинаріи *И. Савваитова*» (1844 г.); и *Иматія*, архіеп. воронежскаго, «Примѣчанія къ чтенію и толкованію Свящ. Писанія, по указанію самаго Писанія и толкованій отеческихъ» (1848 г.). Первое изъ этихъ сочиненій представляетъ краткое изложеніе важнѣйшихъ свѣдѣній по Богословію, исагогикѣ и собственно герменевтикѣ; изъ послѣдней изложены здѣсь только свѣдѣнія о видахъ смысла Свящ. Писанія. Въ этомъ отношеніи авторъ различаетъ, какъ главные, буквальный и таинственный смыслъ и кромѣ этого еще нѣсколько другихъ, какъ-то: грамматическій, риторическій, логическій, пророческій и т. п.; давая понятіе о каждомъ изъ нихъ, авторъ приводитъ мѣста или отдѣлы Писанія, въ которыхъ заключается тотъ, а не другой смыслъ; при этомъ сравненія славянскаго текста съ греческимъ не дѣлается; не приводится и толкованій отеческихъ; въ нѣкоторыхъ примѣчаніяхъ встрѣчаются только реченія еврейскаго текста, сопровождаемыя иногда своеобразнымъ толкованіемъ, напр., «бара состоитъ, по мнѣнію автора, изъ буквъ, означающихъ Отца, Сына и Духа» (стр. 4) ¹⁾. Въ концѣ книжки (74 стр.), въ качествѣ «прибавленія» напечатано опроверженіе высказаннаго въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ (въ «Цвѣтникѣ») взгляда на патріарха Авраама, какъ «идолопоклонника». По своему содержанію и способу изложенія «Драхма» представляетъ одинъ изъ первыхъ опытовъ обработки библейской герменевтики на русскомъ языкѣ; при тогдашней скудости общедоступныхъ пособій къ объясненію Священнаго Писанія, она могла быть не лишнею. Сочиненіе посвящено было «Коммисіи духовныхъ училищъ», какъ «посильное упражненіе». — Вторая и третья изъ названныхъ книжекъ, бывшія учебниками, сходны между собою по содержанію и расположенію учебнаго матеріала. Въ той и другой излагаются свѣдѣнія о смыслѣ Священнаго Писанія, о сред-

¹⁾ Основаніемъ для такого толкованія послужило, конечно, то, что евр. гл. «бара» (=созволила) состоитъ изъ 3-хъ согласныхъ буквъ. Едва ли пужно и прибавлять, что такой составъ этого глагола не можетъ служить основаніемъ для приведеннаго толкованія въ виду того, что въ евр. и другихъ семитскихъ языкахъ глаголы въ основныхъ формахъ состоятъ обыкновенно изъ 3-хъ согласныхъ буквъ.

ствахъ и пособіяхъ къ его объясненіи и о толкованіи. Различаются онѣ тѣмъ главнымъ образомъ, что въ первой изложеніе предмета болѣе кратко, отрывочно и менѣе ясно, чѣмъ во второй, которая отличается въ этомъ отношеніи логичностью, отчетливостью и ясностью; въ первой примѣры изъ Свящ. Писанія приводятся въ видѣ голословныхъ ссылокъ, во 2-й выписываются самыя слова Писанія и нерѣдко по славянскому, а не латинскому, тексту; о главномъ руководительномъ началѣ при объясненіи въ первой не говорится, во второй оно указывается въ «аналогіи вѣры»; на церковное преданіе особо и здѣсь не указывается однако, кромѣ Никео-Цареградскаго символа вѣры (§ 84, 85). Въ первомъ изъ этихъ сочиненій съ большою полнотою перечислены только пособія по еврейской филологіи, библейской критикѣ, исторіи, хронологіи и др. вспомогательнымъ для толкователя отраслямъ знанія, за исключеніемъ впрочемъ отеческихъ толкованій о которыхъ ничего почти не сказано (*Compendium...* стр. 64); вмѣсто этого во 2-мъ сочиненіи довольно подробно перечислены толкованія Отцевъ и учителей церкви, восточныхъ и западныхъ, равно какъ и позднѣйшихъ католическихъ и протестантскихъ толкователей; названы также изданія катень и конкорданцій на Свящ. Писаніе.

Къ «Начертанію свящ. Герменевтики» архим. *Іоанна* близко примыкаетъ и трудъ *И. И. Савваитова*. Онъ представляетъ частію переводъ, частію переработку перваго. Сравненіе того и другаго съ очевидностью показываетъ сходство между ними ¹⁾, но не полное во всемъ: есть во второмъ трудѣ сокращенія ²⁾, дополненія ³⁾; есть и переработка, соответствующая тѣмъ воззрѣніямъ на значеніе церковнаго преданія, которыя получили у насъ особенное развитіе въ сороковыхъ годахъ минувшаго вѣка ⁴⁾. Эти воззрѣнія, не выступавшія въ первомъ сочиненіи, весьма замѣтны во второмъ. Такъ, при изложеніи—въ этомъ послѣднемъ—правиль, какими нужно руководиться въ дѣлѣ объясненія мѣстъ изъ ветхов. книгъ въ смыслѣ прообра-

¹⁾ Ср., наприм., стр. 14, 15, 25, 32 Библ. Герменевтики Савваитова съ стр. 18, 20, 28—29, *Delineatio.*, гдѣ замѣчается сходство не только въ порядкѣ изложенія мыслей, но и въ самыхъ выраженіяхъ.

²⁾ Ср., наприм., стр. 18—19 Библ. археологіи съ стр. 23 *Delin.*

³⁾ Ср., наприм., стр. 27—28 Библ. археологіи, съ стр. 30 *Delin.*

⁴⁾ Относительно сущности и выраженія этихъ воззрѣній см. далѣе (стр. 25—26).

зовательномъ, введено такое правило, по счету пятое: «Когда святая церковь въ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ и святые отцы въ своихъ писаніяхъ указываютъ таинственное, прообразовательное значеніе ветхозавѣтныхъ событій, тогда сія событія должно изъяснять, какъ прообразы событій новозавѣтныхъ»... (стр. 34). Въмѣсто этого въ «Начертаніи свящ. Герменевтики», при объясненіи другого правила ¹⁾, сказано было только, что «отцы церкви единодушнымъ своимъ согласіемъ подтверждаютъ прообразовательный смыслъ такихъ мѣстъ» ²⁾; къ этому архим. *Іоаннъ* счелъ нужнымъ прибавить въ примѣчаніи, что «этотъ однако послѣдній критерій» (т. е., правило, изложенное здѣсь въ 1-мъ примѣч.) «опирается только на авторитетъ св. отцевъ церкви и не имѣетъ значенія равнаго съ предшествующими правилами, утверждающимися на божественномъ словѣ» ³⁾. Равнымъ образомъ, общимъ руководственнымъ началомъ при толкованіи Свящ. Писанія въ «Начертаніи свящ. Герменевтики» признается «аналогія вѣры» ⁴⁾ и «источникъ, изъ котораго она почерпается» указывается въ «свящ. писаніи, какъ содержащемъ всѣ преданныя Богомъ небесныя истины» ⁵⁾; между тѣмъ въ «Библейской Герменевтикѣ» говорится, что «главнымъ началомъ и, такъ сказать, пробнымъ камнемъ изъясненія свящ. писанія необходимо должно признать *согласіе съ правилами отцы* или сообразность изъясненія мѣстъ писанія съ ученіемъ святой, православной, апостольской церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины» ⁶⁾. Мысль о значеніи церковнаго пре-

¹⁾ Въ *Delineatio...* (стр. 43) это правило имѣетъ такой смыслъ: «когда всѣ историческія обстоятельства такъ ясно относятся ко Христу и въ такой полной степени соотвѣтствуютъ Ему, что всякій при чтеніи не можетъ не думать о Немъ, или—когда встрѣчаются такія необыкновенныя и полная тайны событія, что отклоняютъ мысль отъ буквального ихъ пониманія, то нужно думать, что Св. Духъ чрезъ столь очевидныя сокровенныя указанія сообщалъ свои тайны». Къ этому правилу, 5-му и послѣднему въ *Delineatio*, 6-му въ *Библ. Герменевтикѣ*, и сдѣлано замѣчаніе со ссылкой на авторитетъ св. Отцевъ.

²⁾ *Delineatio...* стр. 44.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ «Аналогія вѣры» или согласное во всѣхъ книгахъ свящ. Писанія ученіе вѣры; въ свящ. Писаніи этому соотвѣтствуетъ *образецъ видѣнія и истины* (Рим. II, 20), *образъ ученія* (VI, 17), *образецъ здраваго ученія* (2 Тим. I, 13).

⁵⁾ *Delineatio...* 103—104

⁶⁾ *Библ. Герменевтика*, стр. 110.

данія для толкованія Свящ. Писанія такъ сильно здѣсь выдвинута, что значеніе самого Свящ. Писанія при этомъ совершенно затѣняется, какъ это видно еще изъ слѣдующихъ словъ автора «Библ. Герменевтики»: «Должно понимать и изъяснять Свящ. Писаніе согласно съ свящ. преданіями, которыя приняты все-ленскою церковію наравнѣ съ Писаніемъ, согласно съ святыми православными соборами и писаніями св. отцевъ церкви»¹⁾. Впрочемъ, когда авторъ «Библейской Герменевтики» опредѣляетъ «источникъ согласія съ правиломъ вѣры» (стр. 110), то этотъ источникъ указываетъ только въ Свящ. Писаніи и въ подтвержденіе правильности такого разумнѣя ссылается на древнихъ отцевъ и учителей церкви, которые «всѣ разсужденія» возводили «къ Свящ. Писанію и на немъ старались утверждать свои доводы» (стр. 111). Такія не вполне согласныя между собою разсужденія даютъ основаніе думать, что вновь воспринятая мысль объ особомъ значеніи церковнаго преданія въ дѣлѣ толкованія Свящ. Писанія не получила еще у автора правильной постановки, въ какой она является въ послѣдующихъ изданіяхъ «Библейской Герменевтики», въ которыхъ главнымъ руководительнымъ началомъ является, во-первыхъ, само Свящ. Писаніе и, во-вторыхъ, церковное преданіе²⁾).

Сочиненіе архіеп. *Ипатія*, послѣ обстоятельнаго «Вступленія» состоитъ также изъ трехъ частей: 1-я о Св. Писаніи, какъ предметѣ чтенія и толкованія; 2-я о средствахъ къ разумнѣю онаго, и 3-я о толкованіи. Давая въ 1-й части понятіе о смыслѣ Писанія, авторъ, подобно своимъ предшественникамъ, кромѣ главныхъ двухъ видовъ смысла—буквальнаго и таинственнаго—различаетъ, какъ особые, «переносный, пророчественный, духовный, живой, выводный»; самыя опредѣленія этихъ различныхъ видовъ толкованія страдаютъ замѣтно недостаткомъ ясности и отчетливости. Средства къ толкованію указываются «общія и частныя, внутреннія и стороннія»; «державнымъ же правиломъ есть разумъ единый, святыя, соборныя и апостольскія церкви» (стр. 130). Въ 3-й части къ видамъ толкованія причисляются: система Богословія, разсужденіе, проповѣдь, бесѣда, посланіе, размышленіе». Лучшее въ этомъ трудѣ составляютъ довольно многочисленные при-

¹⁾ Тамъ же, стр. 113.

²⁾ См., наприм., изд. 1859 г., стр. 37.

мѣры толкованія болѣе трудныхъ мѣстъ Св. Писанія, которые приведены въ разъясненіе излагаемыхъ правилъ и которые могутъ служить нѣкоторымъ пособіемъ въ этомъ дѣлѣ. Не всё однако изъ этихъ примѣровъ даютъ надлежащее объясненіе ¹⁾). Способъ выраженія довольно тяжелый и невыработанный; встрѣчаются, наприм., выраженія: «мѣстность тайнаго смысла» (стр. 39) или: «личное отношеніе книги» (стр. 75) и т. п. — При разсмотрѣніи опытовъ библиограф. Герменевтики слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что ни въ одномъ изъ нихъ не были даже приведены составленныя московскимъ митроп. Платономъ правила толкованія или «Инструкція для толкователя Свящ. Писанія» ²⁾), хотя эти правила, не смотря на ихъ краткость, представляютъ замѣчательное явленіе, какъ произведеніе здравой, вѣрующей, русской мысли.

И в) По Библейской исторіи въ продолженіе того же времени напечатаны: архим. Филарета (Дроздова) «Начертаніе церковно-библейской исторіи, въ пользу

¹⁾ Видимая разность, наприм., между сказаннымъ въ Дѣян. IX 7. (*ушасъ убо слышаше*) в XXII, 9 (*ушасъ же не слышаша*) объясняется у автора (стр. 141) тѣмъ, что греч. гл. ἀκούω (= слышу) «поставляется съ родит. падежемъ лица, а съ винительнымъ — вещи: почему очевидно, что здѣсь въ первомъ мѣстѣ» (гдѣ читается: ἀκούοντες τῆς φωνῆς) «голосъ берется какъ бы за лицо, а во второмъ» (гдѣ τῆν φωνήν οὐκ ἤκουσαν) — «за вещь, или предметъ». Особенность греческаго словоупотребленія гл. ἀκούω указана авторомъ вѣрно; но она одна не даетъ надлежащаго объясненія разности, такъ какъ остается безъ объясненія то, почему въ перв. мѣстѣ, гдѣ голосъ «берется за лицо», сказано о спутникахъ Савла, что они слышали этотъ голосъ, а во второмъ, гдѣ голосъ «берется за предметъ», сказано о нихъ же, что не слышали его. Не достающее у автора объясненіе дается тѣмъ свидѣніемъ, что греч. глаголь «слышу» употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повозав. книгъ въ значеніи: «понимаю», напримѣръ въ Ев. Мрк. VIII, 18 (*уши и муще не слышите*), 1 Кор. XIV, 2 (*глаголюй бо языки не челоукомъ глаголетъ... никтоже бо слышитъ*); въ этомъ же смыслѣ употребленъ глаголь «слышать» и во 2-мъ мѣстѣ, которое получаетъ при этомъ смыслѣ, совершенно согласный съ первымъ мѣстомъ: спутники Савла не поняли голоса или слышаннаго имъ. Нужно замѣтить, что это лучшее изъ существующихъ объясненій указанной разности было уже во время автора пзвѣстно въ нашей отечественной литературѣ (см. «Жизнь» ап. Павла, изд. 1826 г., стр. 30), по почему-то не было принято имъ во вниманіе.

²⁾ См. Филарета, архіеп. Черниг., Обзоръ рус. д. литер., стр. 411 Эта инструкція напечатана въ Исторіи Моск. д. Акад., въ вышеуказ. рѣчи архим. Михайла и въ Юбилейн. Сборникѣ, т. II, стр. 174 и дал., гдѣ доказывается, что въ Зап. на кн. Быт. правила мит. Платона были примѣнены самымъ дѣломъ къ толкованію первой библии книги

юношества, обучающагося въ духовныхъ училищахъ» (первое изданіе вышло въ 1816 г.); и архим. *Иннокентія (Борисова)*: «Жизнь святаго апостола Павла, составленная на основаніи достовѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ, съ присовокупленіемъ по мѣстамъ археологическихъ и нравственныхъ замѣчаній» (1826 г.) и «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа»¹⁾.

Эти три сочиненія, различныя по содержанию, назначенію и способу изложенія, служатъ—каждое въ своемъ родѣ—образцовыми произведеніями отечественной литературы по библейской исторіи и ея украшеніемъ.

«Начертаніе церковно-библейской исторіи» содержитъ краткое изложеніе ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, доведенной до конца апостольскаго вѣка. Оно составлено по весьма широкому плану и содержитъ изложеніе не только библейскихъ событій, но особо—вѣроученія, Богочтенія, состоянія просвѣщенія, состоянія жизни общественной и семейной, вмѣстѣ съ хронологіей и свѣдѣніями о библейскихъ событіяхъ у языческихъ писателей. Программа такъ широка и полна, что и въ настоящее время она можетъ быть восполнена развѣ нѣсколько въ отдѣлѣ вѣроученія, который ограничивается въ «Начертаніи» изложеніемъ мессіанскихъ пророчествъ и не даетъ свѣдѣній о другихъ истинахъ вѣроученія; а въ другихъ отношеніяхъ эта программа можетъ быть даже сокращена, наприм. относительно особаго изложенія свѣдѣній языческихъ писателей о библейскихъ событіяхъ. Кромѣ широты плана весьма важное достоинство «Начертанія» состоитъ въ томъ, что въ немъ историческій матеріалъ излагается не въ сыромъ съ научной точки зрѣнія видѣ, а въ переработанномъ, съ указаніемъ смысла, значенія и взаимнаго отношенія библейскихъ событій. Своеобразный, краткій и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма выразительный способъ изложенія затрудняетъ, правда, во многомъ усвоеніе этого учебника въ позднѣйшее время, когда значительно измѣнился складъ рус-

¹⁾ Послѣднее сочиненіе впервые явилось въ печати въ видѣ отдѣльныхъ статей въ «Христ. Чтенія» за 1828 и 1830 гг. (т. XXIX, XXX и др.) При печатаніи первой изъ нихъ редакціею журнала замѣчено: «статья сія изъ новаго сочиненія... которое готовится къ изданію въ свѣтъ» (т. XXIX, 107); въ свое время сочиненіе не было однако издано; особое изданіе сдѣлано было только «въ 1858 г. по смерти автора» (*Филарета*, архіеп. черниговскаго, *Обзоръ русск. д. литературы*, 1884 г. стр. 484).

ской рѣчи сравнительно съ временемъ автора, но это во всякомъ случаѣ внѣшняя сторона, не неотдѣлимая отъ внутренней, по которой этотъ трудъ остается и доселѣ у насъ образованнымъ учебникомъ библейской исторіи и относительно широты плана и по научному способу изложенія. Признанная ¹⁾ зависимость «Начертанія» отъ соч. протестантскаго библеиста Буддея не затемняетъ достоинствъ этого труда Филарета, потому что онъ пользовался этимъ и другими пособіями, какъ ученый, опѣивалъ и повѣрялъ чужіе взгляды, а потому сохранилъ и при этомъ пользованіи свою самостоятельность въ рѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ, примѣромъ чего можетъ служить выраженное въ «Начертаніи» понятіе о перевозданныхъ небѣ и землѣ, несходное съ высказаннымъ у Буддея, производство имени Моисея изъ египетскаго языка вмѣсто еврейскаго по Буддею и т. п. ²⁾. Научная справедливость побуждаетъ однако не умолчать и о томъ, что не всѣ взгляды, высказанные въ «Начертаніи» представляются при современномъ состояніи знаній твердо обоснованными и удобопріемлемыми; сказанное, наприм., объ еврейскомъ языкѣ, какъ «первоначальномъ», о безбожии Каинитовъ, о Нимродѣ, какъ современникѣ Вавилонскаго столпотворенія, объ обратномъ послѣ Елима станѣ израильтянъ у Чермнаго моря и нѣкоторыя другія представленія требуютъ въ настоящее время исправленія.

Трудъ Иннокентія. «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа» начинается «вступленіемъ», посвященнымъ рѣшенію вопроса, почему іудейскій народъ не узналъ своего Мессіи, и затѣмъ представляетъ послѣдовательное изложеніе евангельской исторіи, начиная съ послѣдняго путешествія Спасителя въ Іудею и кончая Его распятіемъ. По своему внутреннему характеру и способу изложенія, это сочиненіе отличается продуманностью, научною обоснованностью и вмѣстѣ съ этимъ теплою религіознаго чувства. Въ немъ живая вѣра въ евангельскую истину соединена съ знаніемъ отеческихъ твореній и извѣстныхъ въ то время другихъ пособій, могущихъ служить къ ея подтвержденію; сильное проникновеніе въ смыслъ и значеніе словъ и дѣлъ Господа, Его учениковъ и враговъ, соединено съ увлекательнымъ—особенно для того времени тяжелой рѣчи—изло-

¹⁾ См. вышеназв. юбилен. Сборникъ, т. II, стр. 126.

²⁾ Тамъ же, стр. 128.

женіемъ, чуждымъ сухости и изысканнаго многословія, понятнымъ для всякаго, нѣсколько образованнаго читателя. Въ частности, въ разборъ спорныхъ пунктовъ авторъ не входитъ, ограничиваясь раскрытіемъ положительной стороны евангельской исторіи. Отвѣтъ на нѣкоторые трудные вопросы, наприм., на вопросъ о томъ, почему крестная молитва Спасителя къ Богу Отцу оставлена безъ отвѣта, дается словами Отцевъ церкви, какъ представляющими самое лучшее объясненіе «жалобной» молитвы Іисуса, которое, по словамъ автора ¹⁾, «надобно знать и всегда помнить Его послѣдователямъ». Извѣстный въ нашей литературѣ не вполне одобрительный отзывъ ²⁾ объ этомъ сочиненіи нельзя признать справедливымъ; въ немъ слышится отголосокъ сужденій 30-хъ годовъ, когда, подъ вліяніемъ напряженной борьбы съ не православными дѣйствительно мнѣніями въ литературѣ, заподозривались и сочиненія, не заключавшіе на самомъ дѣлѣ подобныхъ взглядовъ. Такъ, сдѣланное въ разсматриваемомъ трудѣ сближеніе таинственной тьмы во время распятія Господа съ «необыкновеннымъ помраченіемъ воздуха, предшествующимъ нерѣдко землетрясеніямъ» ³⁾, не заключаетъ въ себѣ мысли объ этомъ явленіи, какъ о совершившемся вслѣдствіе только естественныхъ причинъ, такъ какъ, по словамъ автора, причинившее эту тьму сгущеніе облаковъ произведено было «сверхъестественною силою» ⁴⁾; противъ возможнаго со стороны іудеевъ или христіанъ предположенія, «что необыкновенныя знаменіе сами собою стеклись и окружили гробъ Іисуса» ⁵⁾, авторъ самъ ратуетъ и указываетъ на совершившееся послѣ распятія воскресеніе мертвыхъ. Изъ этого, какъ и изъ всего разсужденія автора о необычайныхъ знаменіяхъ во время крестной смерти Спасителя, справедливымъ можетъ быть только одно заключеніе, что указанное сближеніе имѣетъ свою

¹⁾ «Христ. Чтен.» т. XXX, стр. 248—249.

²⁾ Разумѣется отзывъ *Филарета*, архіеп. черниг., въ вышеназв. соч. стр. 483—484, гдѣ, вмѣстѣ съ похвалою за живое и увлекательное изложеніе, указано на то, что въ разсматриваемомъ соч. «толкованіе словъ евангельскихъ иногда произвольно и даже вовсе несогласно съ духомъ откровенія. Таково, напр., описаніе голгоетскаго мрака, раздранія занѣсы храма. Потому-то запрещено дѣлать новое изданіе «Христ. Чтен.» 1828—1830 гг.»

³⁾ «Христ. Чтен.» т. XXX, стр. 234—235, прим.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 356.

цѣлью — гадательно, конечно — указать тѣ естественныя силы, которыя послужили орудіемъ для совершенія этихъ знаменій, и чрезъ это, по возможности, приблизить представленіе о нихъ къ нашему пониманію. Подобную же цѣль, нужно думать, имѣеть и сказанное у автора о ближайшей причинѣ раздранія завѣсы Храма, которою служило, по его словамъ, не «новое чудо, а сила землетрясенія, потрясая сводъ храма» ¹⁾. И здѣсь мысль объ естественной случайности событія совершенно устраняется тѣмъ, что объ его высокой знаменательности сказано у автора: «раздранная самимъ Богомъ завѣса, открытое невидимою силою Святое Святыхъ, являли всѣмъ, особенно священникамъ, что Богъ не благоволяетъ болѣе обитать во мглѣ..., что не приступный престоль страшнаго Іеговы долженъ сдѣлаться престоломъ благодати, приступнымъ для всякаго. Евр. X, 19; VII, 19, 20» ²⁾. Такое объясненіе раздранія завѣсы храма, помимо замѣчательныхъ начальныхъ его словъ, ясно указываетъ на особую божественную цѣль, съ какою оно совершено, а вмѣстѣ съ этимъ — и не таковую же, т. е. сверхъестественную причину, для которой естественная сила землетрясенія могла быть только служебнымъ орудіемъ. Приведенное объясненіе того значенія, какое имѣеть въ исторіи божественнаго домостроительства человѣческаго спасенія раздраніе завѣсы храма, само по себѣ таково, что могло быть высказано лицомъ, столько же вѣрующимъ, сколько и знающимъ Св. Писаніе и Отцевъ церкви, хотя на послѣднихъ и нѣтъ въ данномъ мѣстѣ у автора ссылокъ ³⁾.

Такимъ же характеромъ относительно пріемовъ изслѣдованія и способа изложенія отличается и «жизнь св. апостола Павла». Это сочиненіе представляетъ краткое жизнеописаніе апостола отъ его рожденія до мученической кончины, полагаемой около 67 года, какъ опредѣляется время этого событія и въ настоящее время. Предметомъ сочиненія служить исключительно благовѣстническая дѣятельность учителя языковъ; содержанія его ученія авторъ не касается; не затрогиваетъ вопросовъ и о текстѣ приводимыхъ имъ или указы-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же, стр. 355.

³⁾ Мѣста изъ твореній Отцевъ Церкви см. въ соч. прот. П. Матвеевскаго: «Евангеліе исторія о Богѣ Слово Сынѣ Божіемъ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ», стр. 749.

ваемыхъ мѣсть новозавѣтныхъ книгъ, за исключеніемъ мѣста въ посл. къ Галатамъ (II, 1), въ которомъ допускается возможнымъ признать за первоначально чтеніе: «*чрезъ четыре лѣта*» вмѣсто: *четырнадцать*. Вопросъ о томъ, какъ совершилось обращеніе Савла въ христіанство, разсматривается обстоятельно, и съ положительной, и съ отрицательной стороны, въ послѣднемъ отношеніи—чрезъ разборъ опытовъ естественнаго объясненія этого событія. Главными пособіями и здѣсь служили отцы и учителя церкви, равно какъ и новѣйшія въ то время ученія сочиненія. Заключеніемъ книги служатъ «замѣчанія касательно внѣшняго вида ап. Павла, его природныхъ дарованій, характера, писаній подлинныхъ и подложныхъ».

3) При всемъ несомнѣнномъ достоинствѣ нѣкоторыхъ изъ названныхъ трудовъ, общее ихъ число оказывается, какъ видно изъ предшествующаго, очень не значительнымъ для такого немалаго времени, какъ полстолѣтіе. Правда, это количество восполняется статьями по Свящ. Писанію, помѣщавшимися въ духовныхъ журналахъ того времени (въ «Христ. Чтеніи» съ 1821 г., «Воскресномъ чтеніи» съ 1837 г. и Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. Отцевъ съ 1843 г.), но восполняется въ незначительной степени потому, во 1-хъ, что «такихъ статей, особенно серьезныхъ, вообще говоря, не очень много, и, во 2-хъ, значеніе большей части изъ нихъ не очень высоко»¹⁾; притомъ журнальныя статьи, какъ посвящаемыя отдѣльнымъ вопросамъ или мѣстамъ Св. Писанія, могутъ служить только пополненіемъ къ цѣльнымъ трудамъ по различнымъ отраслямъ библейской науки, но не могутъ ихъ замѣнять. Въ виду этого число трудовъ по Св. Писанію, явившихся въ печати въ теченіе первой половины прошлаго столѣтія справедливо признается «очень скуднымъ»²⁾. Въ этой скудости несправедливо было бы однако видѣть проявленіе одной невѣжественной косности или небреженія нашихъ предковъ къ слову Божію и разумному его слушанію или чтенію. Къ не малому нашему утѣшенію, были, помимо этого, другія причины, отъ дѣйствія которыхъ произошла такая «непомѣрная скудость», напоминающая «совсѣмъ почти пустыню», въ ко-

¹⁾ Рѣчь архим. Михаила въ вышеназв. годичномъ актѣ московской академіи, стр. 26.

²⁾ Оттуда же.

торой изрѣдка только, на большихъ разстояніяхъ, встрѣчается нѣсколько одинокихъ деревьевъ.

Одною изъ причинъ этого явленія былъ предпринятый во второмъ десятилѣтіи минувшаго вѣка (съ 1816 г.), по личному, какъ извѣстно ¹⁾, почину императора Александра Благословеннаго, переводъ Библіи на русскій языкъ. Это великое въ исторіи нашей духовной жизни дѣло, само по себѣ составляющее плодъ изученія Библіи и представляющее одинъ изъ видовъ ея толкованія, со времени своего возникновенія заняло наши лучшія, наиболѣе подготовленные къ этому силы. Надъ переводомъ Четвероевангелія ²⁾, которымъ начать переводъ, трудились: ректоръ петербургской академіи архим. *Филаретъ*, ректоръ петербургской семинаріи архим. *Поликартъ*, профессоръ первой, архим. *Моисей* и профессоръ свящ. *Г. П. Павскій*. Въ образованномъ при Библейскомъ обществѣ, которому Св. Синодомъ предоставлено было право изданія новаго перевода, переводномъ комитетѣ, разсматривавшемъ переводы разныхъ лицъ и дававшимъ окончательный видъ тексту, самыми дѣятельными членами были тѣже—архим. *Филаретъ* и *Г. П. Павскій*. Переводъ ветхов. книгъ потребовалъ, конечно, большаго количества силъ; онъ раздѣленъ былъ между тремя бывшими тогда дух. академіями (кромѣ петербургской между кievскою и московскою); для ускоренія дѣла, къ переводу привлекаемы были и наставники нѣкоторыхъ семинарій ³⁾.

¹⁾ Кромѣ сказаннаго объ этомъ у *П. А. Чистовича* въ «Исторіи перевода Библіи... ч. I, стр. 38, см. въ соч. того же автора: «Руководящія дѣятеля дух. просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія». 1894 г., стр. 156, 157, 162, 167 и др., а также въ соч. *Н. К. Шильдера*, «Императоръ Александръ первый его жизнь и царствованіе»: 1897, т. 3-й, стр. 116—117 и др. Мысль о переводѣ Библіи на рус. языкъ сама по себѣ не была повою въ это время; отчасти она приводилась въ исполненіе и раньше; съ замѣчательною убѣдительною ея богословски доказываютъ еще архіеп. *Феофанъ Прокоповичъ* въ началѣ XVIII-го вѣка («Христ. Чтеніе» 1877 г., т. I, стр. 308—312). Историческая важность починъ Императора Александра I-го въ дѣлѣ перевода Библіи на рус. языкъ состоитъ въ томъ, что воля его открыла широкій путь для осуществленія этой мысли и возбудила къ дѣятельному участію въ этомъ дѣлѣ, наиболѣе приготовленныхъ изъ среды нашихъ соотечественниковъ.

²⁾ *П. А. Чистовича* «Исторія перевода Библіи... I, 43. Кто трудился надъ переводомъ прочихъ новозавѣтныхъ книгъ, мы не нашли свѣдѣній въ имѣющихся у насъ печатныхъ пособіяхъ.

³⁾ Тамъ же, стр. 51.

Понятно, что занятіе этимъ дѣломъ, требовавшимъ полнаго вниманія и напряженія силъ умственныхъ и нравственныхъ, отвлекало тѣхъ, кто былъ призванъ къ нему, отъ другихъ, литературныхъ собственно, трудовъ по толкованію или разработкѣ другихъ отраслей библейской науки. Дѣятельность по переводу свящ. книгъ на русской языкъ продолжалась однако не долго, приблизительно около 10 лѣтъ (съ 1816 г. по 12 апрѣля 1826 г., когда Высочайшимъ повелѣніемъ пріостановлена была дѣятельность Библейскаго общества); слѣдовательно одно это обстоятельство не можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ указанной скудости.

Другою, еще болѣе важною, причиною разсматриваемаго явленія служатъ строгія правительственныя мѣры, которыя были приняты въ то время противъ дальнѣйшаго распространенія различныхъ не православныхъ воззрѣній, называемыхъ обыкновенно мистическими. Прежде всего онѣ вызваны были литературною дѣятельностью разныхъ лицъ, принадлежащихъ отчасти къ Библейскому обществу и занимавшихъ въ немъ вліятельное положеніе, наприм. А. Лабзина, В. Попова и др. Проникнутые въ большей или меньшей степени воззрѣніями, не согласными вообще съ ученіемъ и установленіями православной церкви, многочисленныя и разнообразныя сочиненія, между которыми находились и толкованія на кн. Св. Писанія ¹⁾, въ силу особыхъ распоряженій были отобраны, подвергнуты разсмотрѣнію особыхъ комитетовъ и запрещены ²⁾. Въмѣстѣ съ этимъ усилена была до крайности цензура книгъ духовнаго содержанія ³⁾. Такимъ образомъ въ концѣ первой четверти столѣтія наступило такое время, когда «призванная и непризванная цензура всюду подозрѣвала вольномысліе, неправославіе» ⁴⁾, когда люди, власть имѣвшіе, не только критиковали, но и останавливали выпускъ въ свѣтъ даже катихизисовъ, составленныхъ *Филаретомъ* и одобренныхъ уже Св. Синодомъ ⁵⁾, когда носился слухъ о запрещеніи «Записокъ на кн. Бытія ⁶⁾, когда открываемы были увлеченія раціонализ-

¹⁾ О названіяхъ и содержаніи этихъ соч. см. тамъ же, стр. 123, 129, 140 и дал., а также у *Филарета*, архіеп. Черн., въ «Обзорѣ рус. д. литературы», стр. 445—450.

²⁾ Тамъ же, у *Чистовича*, стр. 147.

³⁾ Рѣчь архим. *Михаила* въ «Годнч. актѣ Моск. акад.», стр. 82.

⁴⁾ Вышеназв. юбилейный сборникъ, т. II, 110.

⁵⁾ Тамъ же, у *Чистовича*, стр. 108, 117—118.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 119.

момъ у автора «Послѣднихъ дней жизни Іисуса Христа ¹⁾). Такія мѣры строгости и проявленія чрезмѣрной подозрительности не могли, понятно, не сопровождаться гибельными послѣдствіями для развитія — между прочимъ — молодой нашей библейской науки. «Усиленіе цензуры, сдѣлавшейся мнительною, подозрительною, и придирчивою слишкомъ, заставляло и людей», остававшихся вѣрными ученію православной церкви, «быть осторожными, опасаться, даже страшиться подозрѣній, придирокъ, даже преслѣдованій и — любить, яко безбѣдное страхомъ, молчаніе» ²⁾). Вслѣдствіе этого и вышло то, нежелательное явленіе на нивѣ библейской науки, что, слишкомъ усердно и порывисто вырывая плевелы, не давали рости и пшевицѣ.

Съ конца 40-хъ годовъ явилось еще новое неблагопріятное также для изученія Библии обстоятельство, обязанное своимъ происхожденіемъ одной изъ высшихъ церковно-административныхъ сферъ. Оно состояло въ «усиленномъ стремленіи возвысить церковное и научное значеніе преданія въ одинаковомъ достоинствѣ съ Священнымъ Писаніемъ и даже съ предпочтеніемъ его Священному Писанію въ вопросахъ о достовѣрности священнаго текста и правильномъ его изъясненіи» ³⁾). Прислушиваясь къ этому вѣянью, достаточно проявившемуся въ извѣстныхъ церковныхъ изданіяхъ того времени ⁴⁾, нѣкоторые изъ вліятельныхъ нашихъ богослововъ ⁵⁾ усиленно старались указывать въ Священномъ Писаніи «мнимые недостатки безъ указанія въ тоже время на истинныя

¹⁾ Рѣчь архим. *Михаила* тамъ же, стр. 33.

²⁾ Тамъ же, стр. 32.

³⁾ *И. Чистовичъ*, «Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи»... 338.

⁴⁾ Въ концѣ 4-го десятилѣтія были изданы Св. Синодомъ: «Граматы Восточныхъ патріарховъ» вмѣстѣ съ «взложеніемъ вѣры», гдѣ, между прочимъ, находится мысль о недозволении читать Свящ. Писаніе всѣмъ безъ разбора и — о свидѣтельствѣ церкви, какъ авторитетномъ голосѣ преданія имѣющемъ не меньшую силу, какъ и божественное Писаніе, а также — «Православное исповѣданіе вѣры» митроп. Петра Могилы, введенное въ качествѣ учебнаго руководства для дух. семинарій.

⁵⁾ Разумѣется ректоръ петербургской академіи, архим. *Анастасій Дроздовъ*, впоследствии архіеп. Астраханскій), составившій въ смыслѣ этого направленія «Сокращенную Герменевтику», въ которой онъ «желая», какъ догадывались современники его, «сдѣлать угодное людямъ века сего» (см. вышеназв. соч. «Руководящіе дѣятели... стр. 338), умалялъ значеніе Свящ. Писанія въ дѣлѣ разумнѣя истины вѣры. Замѣча-

его совершенства»¹⁾). Въ сочиненіи, предназначавшемся въ качествѣ классической книги для духовныхъ семинарій, высказывалось, на примѣръ, что «въ Священномъ Писаніи содержатся не всѣ догматы», что въ немъ «догматы намѣренно прикрыты нѣкоторою темнотою», что Священное Писаніе «не излагаетъ образа здраваго ученія», что оно поэтому» не можетъ служить началомъ или пробнымъ камнемъ истиннаго разумѣнія Священнаго Писанія»; вслѣдствіе этого для объясненія «темнаго» въ Священномъ Писаніи нужно обращаться «къ церковнымъ правиламъ, богослужебнымъ книгамъ и къ Отцамъ Церкви»²⁾). Такіе и подобныя имъ взгляды, высказываемыя лицами вліятельными въ духовной средѣ, не могли, понятно, не распространяться въ ней и не производить съ своей стороны охлажденія къ научному изученію Библии, которая отодвигалась въ то время далѣе, чѣмъ на второй планъ³⁾).

Къ этому присоединилось «совсѣмъ не ко времени», какъ справедливо замѣчено⁴⁾), еще одно печальное явленіе, совершившееся въ скромномъ кругу учащихъ и учащихся, — но получившее широкую огласку и сопровождавшееся тяжелыми послѣдствіями не только для ближайшихъ его участниковъ, но и для самаго дѣла изученія Слова Божія. Явленіемъ этимъ было такъ называемое «дѣло Павскаго». Оно возникло вслѣдствіе допоса, сдѣланнаго бакалавромъ московской духовной академіи іеромонахомъ Агаангеломъ, о распространеніи литографированныхъ экземпляровъ русскаго перевода учительныхъ и пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта, заключающаго въ надписяхъ такіе взгляды на содержаніе отдѣльных мѣстъ или главъ названныхъ книгъ, которыя возбуждали недоумѣнія по своему несходству съ принятымъ толкованіемъ⁵⁾). По существу своему, это дѣло относилось къ на-

тальный критическій разборъ этого сочиненія напечатанъ въ изданіи: «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митроп. московскаго», т. III, стр. 70 и дал.

1) Тамъ же, стр. 75.

2) Тамъ же, стр. 72, 73, 83.

3) *Чистоемъ*, Исторія перевода Библии .. 1, 167.

4) Рѣчь, архим. *Михаила* въ назв. выше «Годишн. актъ Моск. акад.», стр. 33.

5) Особенности надписей, предпосланныхъ въ литографированномъ переводѣ главамъ или отдѣламъ библ. книгъ, побужденія къ составленію ихъ въ данномъ видѣ и объясненія прот. Г. И. Павскаго на вопросы

учному толкованію Священнаго Писанія и прямой, самый цѣлесообразный, путь для рѣшенія возникшихъ недоумѣній былъ научно-литературный: появившимся новымъ у насъ взглядамъ нужно было противопоставить критическій разборъ ихъ; нужно было рассмотреть ихъ основанія, тѣ вліянія, подъ дѣйствіемъ которыхъ они возникли, и путемъ ли печати или литографіи обратить этотъ разборъ въ ту ограниченную среду ученыхъ и учащихся, въ которой обращались литографированные экземпляры перевода. вмѣсто этого былъ избранъ, къ великому сожалѣнію, другой путь, — судебно-административный, который, по существу своему, не могъ ни убѣдить въ ошибочности понятій, выраженныхъ въ надписяхъ, ни предложить дѣйствительнаго средства къ удовлетворенію той потребности, которая вызвала распространеніе литографированныхъ экземпляровъ перевода. Начавшееся формальное разслѣдованіе по этому дѣлу съ распространеніемъ его по всей Россіи, розыски экземпляровъ, допросы, внушенія «и отчасти преслѣдованія»¹⁾, въ какой строжайшей тайнѣ ни велось это дѣло, могли только усилить смущеніе умовъ и внушить невольный страхъ къ той области богословскаго вѣдѣнія, къ которой относились злополучные литографированные экземпляры. Понятно, что такое настроеніе «не могло не отразиться ослабленіемъ у нѣкоторыхъ, вѣроятно, у многихъ, энергіи въ дѣлѣ литературнаго развитія библейской науки у насъ... и работы по этой части не могли не останавливаться опасеніями со стороны ихъ авторовъ; подготовительныя же силы парализовались вѣчными опасеніями»²⁾.

Не избѣжнымъ слѣдствіемъ всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ и было характеризующее разсматриваемыя пятьдесятъ лѣтъ оскуденіе печатныхъ трудовъ по библейской наукѣ и въ частности — по толкованію Библіи. Послѣдующимъ поколѣніямъ оставило это полустолѣтіе только два-три произведенія, относящіяся къ самому его началу и представляющіяся въ видѣ прекрасныхъ деревьевъ при входѣ въ пустыню, разстилающуюся на большое протяженіе. Конечно, и тѣ неблагопріятныя обстоятельства, которыя остановили правильный

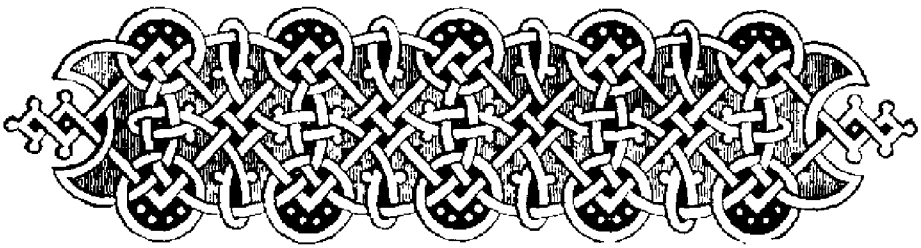
слѣдственной комиссіи довольно обстоятельно изложены въ назван. выше соч. *И. А. Чистовича*. Исторія перевода Библіи... Ч. I, стр. 197—226.

¹⁾ Рѣчь архим. *Михаила* въ назван. выше «Годишн. актѣ Москов. д. академіи»... 33.

²⁾ Тамъ же, стр. 33—34.

рость отечественной библейской науки, созданы главнымъ образомъ нашей же русской жизнью,—недоразумѣніями, личными стремленіями и страстями дѣйствовавшихъ въ это время русскихъ по преимуществу людей; но во всякомъ случаѣ они въ значительной степени снимаютъ тяжесть обвиненія въ невѣжественной косности и равнодушіи нашихъ предковъ къ единому на потребу. Кромѣ указанныхъ двухъ-трехъ замѣчательныхъ сочиненій, это полустолѣтіе оставило еще драгоценное наслѣдіе; это — опытъ русскаго перевода новозавѣтныхъ и отчасти ветхозавѣтныхъ книгъ, сдѣланный, по волѣ Императора Александра Благословеннаго, Россійскимъ Библейскимъ Обществомъ. Этого опыта, показавшаго способность и готовность русскаго ума и сердца трудиться надъ изученіемъ драгоценнѣйшаго изъ существующихъ на землѣ письменныхъ памятниковъ, не забудетъ отечественная исторія вмѣстѣ съ славными именами тѣхъ, кто были начинателемъ и исполнителями этого святаго дѣла.

Федоръ Елеонскій.

Отечественные труды по изученію Библии въ теченіе второй половины XIX вѣка ¹⁾.

В АДЕРЖАННЫЙ неблагоприятными обстоятельствами ростъ нашей литературы по изученію Библии замѣтно сталъ увеличиваться съ наступленіемъ второй половины столѣтія. Въ противоположность неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, съ этого времени начались другія, которыя не только разсѣяли опасенія и страхи, окружавшіе узкія врата библейской учености, но ясно указывали на путь чрезъ эти врата, какъ путь, благословляемый нашей Церковью въ лицѣ ея іерарховъ, даже — требуемый ею отъ тѣхъ, кто самъ хочетъ руководить другихъ въ дѣлѣ правильнаго разумѣнія Слова Божія.—Такъ, въ 1858 г. появилась въ журналѣ Московской дух. академіи знаменитая записка москов. митр. Филарета ²⁾, пролившая сильный свѣтъ на дѣло изученія у насъ Библии и указавшая путеводную нить для посвящающихъ ему свои труды. Она написана была еще въ 1845 г. (8 мая) и вызвана, какъ извѣстно ³⁾, крайними про-

¹⁾ Начало ст. см. въ Январск. кн. Христ. Чтенія.

²⁾ Разумѣется записка „о догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго семидесяти толковниковъ и славенскаго переводовъ Священнаго Писанія“, впервые напечатанная въ „Прибавленіяхъ къ изданію творевій св. Отцевъ въ русск. переводѣ“. Часть семнадцатая, стр. 452—483.

³⁾ *Н. Чистовичъ*. Исторія перевода Библии на русскій языкъ. 1899 г. стр. 131—132.

явленіями происходившаго въ то время у насъ возвратнаго (или такъ называемаго регрессивнаго) движенія отъ мистическихъ увлеченій высшими идеями христіанства и мечтами объ единой для всѣхъ Христовой вѣрѣ; въ противоположность этимъ увлеченіямъ явилось тогда у нѣкоторыхъ стремленіе возвысить значеніе вообще церковности и въ частности — славянской Библии, которую вмѣстѣ съ греч. переводомъ 70-ти предполагалось провозгласить самодостовѣрною, подобно латинской Вульгатѣ, т. е., отъ имени Церкви объявить существующій славянской переводъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета исключительнымъ, единственнымъ источникомъ, изъ котораго русскій православный христіанинъ можетъ почерпнуть въ церкви, въ школѣ и дома, познаніе Слова Божія. Противъ такого стремленія, какъ несогласнаго съ духомъ православной Церкви, и направлена записка митр. Филарета. Въ ней, съ признаніемъ догматическаго достоинства, т. е., несомнѣнной истинности, за греческимъ переводомъ 70-толковниковъ, указаны и доказаны — словами Самого Спасителя, Его апостоловъ и свидѣтельствами Отцовъ Церкви — «справедливость, польза и необходимость» усвоенія такого же достоинства и еврейскому тексту ¹⁾. Вмѣстѣ съ этимъ митр. Филаретъ указалъ въ частности на то, что произведенное уже Св. Синодомъ, при изданіи Елисаветинской Библии, сличеніе славянскаго перевода съ еврейскимъ текстомъ нельзя признать совершенно законченнымъ; напротивъ, оно должно быть продолжаемо для «употребленія» вновь открываемыхъ «древнихъ пособій, бывшихъ прежде въ неизвѣстности», «и въ защиту священной истины, къ обличенію превратныхъ толкованій». «Хотя Св. Синодъ, говоритъ митр. Филаретъ, при пересмотрѣ славянскаго перевода Библии сличалъ оный, гдѣ нужно, и съ еврейскимъ текстомъ, однако и теперь есть въ славянскомъ переводѣ тексты, въ которыхъ сіе сличеніе не только полезно для ясности, но и нужно для оправданія точности пророческихъ свидѣтельствъ. Даже въ тѣхъ мѣстахъ ветхаго завета, которыя Св. Синодомъ исправлены по еврейскому тексту, «сличеніе славянскаго текста съ еврейскимъ и греческимъ оказывается иногда необходи-

¹⁾ Попытка нѣкоторыхъ достоуважаемыхъ отечественныхъ библеистовъ — истолковать сущность записки митр. Филарета въ смыслъ исключительной вѣрности перевода 70-ти и обязательности его для православной Церкви обстоятельно рассмотрѣна и опровергнута въ ст. проф. П. И. Горскаго-Илатонова въ Правосл. Обзор. 1877 г., стр. 69—82.

мымъ», въ доказательство чего приведены нѣкоторые мѣста славянскаго перевода, требующія изслѣдованія и исправленія чрезъ сличеніе ихъ съ еврейскимъ текстомъ и греческимъ переводомъ 70-ти. Эта записка митр. Филарета, принятая Св. Синодомъ безъ возраженій ¹⁾ и положившая конецъ вызвавшимся ея намѣреніямъ, имѣетъ весьма большое значеніе для развитія отечественной библейской науки: какъ выражавшая воззрѣніе авторитетнѣйшаго іерарха нашей Церкви и какъ принятая Св. Синодомъ, а слѣдовательно согласная съ его воззрѣніемъ, она выводила нашу библейскую науку изъ тѣснаго круга греко-славянскаго перевода и открывала ей болѣе широкій путь въ сравнительномъ методѣ изученія библейскаго текста, по которому принимается во вниманіе не одинъ греческій или еврейскій текстъ, а тотъ и другой, вмѣстѣ съ другими древними переводами, какъ свидѣтелями принадлежащихъ имъ чтеній. Она не только указывала, но неопровержимымъ образомъ доказала необходимость дальнѣйшаго сличенія славянскаго перевода Библии по названному методу. Короче сказать, записка митр. Филарета дала прочное внутреннее обоснованіе для научной постановки важнѣйшей изъ отраслей библейской науки—для толкованія Библии и вообще для пользованія еврейскимъ текстомъ.

Другимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для развитія отечественной библейской науки во второй половинѣ XIX вѣка былъ синодальный переводъ Библии на русскій языкъ съ подлинниковъ, т. е., переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ съ еврейскаго главнымъ образомъ текста, новозавѣтныхъ—съ греческаго. Начинателемъ и главнымъ двигателемъ этого великаго въ исторіи нашей духовной жизни дѣла былъ, какъ извѣстно ²⁾, тотъ же незабвенный митр. Филаретъ, а главными его сотрудниками и довершителями ³⁾ начатаго—петербургскіе митрополиты: Григорій и Исидоръ. Важнѣйшее значеніе этого перевода, который самъ по себѣ представляетъ самое крупное явленіе въ исторіи изученія у насъ Библии во второй половинѣ минувшаго столѣтія, состоитъ, безъ сомнѣнія въ томъ, что онъ весьма много облегчилъ пониманіе Свящ. Писанія, устранивъ большое препятствіе къ этому, заключающееся въ

¹⁾ И. Чистовичъ. Тамъ же, стр. 131.

²⁾ И. Чистовичъ. Тамъ же, стр. 262 и дал.

³⁾ Послѣ кончины митр. Филарета 19 ноября 1867 г.

непонятности — для огромнаго большинства наших соотечественниковъ — славянской рѣчи. Русскій переводъ Библии приблизилъ, такъ сказать, Слово Божіе къ уму и сердцу русскаго человѣка, который дѣйствительно понималъ и оцѣнилъ этотъ даръ Божіей милости, какъ свидѣлствуютъ объ этомъ — и широкое распространеніе книгъ Свящ. Писанія въ русскомъ именно переводѣ и многочисленныя, извѣстныя по отчетамъ библейскихъ обществъ ¹⁾, примѣры готовности, съ какой приобретаютъ русскій Новый Заветъ и русскую Библию люди простые, иногда даже неграмотные, и некрещенные инородцы, равно какъ примѣры благотворности чтенія свящ. книгъ на образъ жизни и благосостояніе читающихъ. Переводъ Библии на русскій яз. имѣлъ важное также значеніе и для отечественной библейской науки въ томъ прежде всего отношеніи, что возбудилъ живой интересъ къ занятію библейскими предметами, расширилъ кругъ любителей Слова Божія, сдѣлалъ это занятіе дѣломъ не нѣкоторыхъ только, посвятившихъ себя на служеніе Церкви, а многихъ другихъ; въ этомъ расширеніи круга лицъ, интересующихся Свящ. Писаніемъ, естественно могло найтись большее — сравнительно съ прежнимъ — число лицъ, расположенныхъ и способныхъ заниматься библейскою наукою; самое занятіе ея весьма облегчалось, благодаря русскому переводу Библии: тамъ, гдѣ славянскій текстъ представлялъ большія трудности для пониманія, занимающійся могъ теперь обратиться къ русскому переводу, который даетъ большею частью удобопонятный смыслъ. Оживленіе въ занятіяхъ Свящ. Писаніемъ произведено русскимъ его переводомъ вслѣдствіе того особенно, что при явившихся двухъ переводахъ однѣхъ и тѣхъ же священныя книгъ неизбежно выступили немалочисленныя разности въ передачѣ буквальнаго текста, которыя не могутъ не останавливать на себѣ вниманія; онѣ естественно возбуждали вопросъ о происхожденіи такого несходства и о способахъ къ его устраненію; а рѣшеніе такого вопроса можетъ достигаться только чрезъ углубленіе въ смыслъ библейскаго текста и чрезъ изу-

¹⁾ Примѣры этого рода помѣщаются въ отчетахъ «Общества для распространенія Свящ. Писанія въ Россіи», выходящихъ ежегодно съ 1869 г.; важнѣйшіе изъ нихъ приведены въ соч. *В. Астафьева*: «Опытъ исторіи Библии въ Россіи, 1892 г., стр. 203—226. Подобныя примѣры налагаются и въ годичныхъ отчетахъ — на англійскомъ языкѣ — «Британскаго и иностраннаго Библи. общества», имѣющаго въ Россіи агентство.

ченіе сохранившихся памятниковъ послѣдняго, т. е., можетъ быть достигаемо только путемъ научнаго изученія Библии, къ которому такимъ образомъ и приводилъ русскій ея переводъ.—Благотворное вліяніе на развитіе отечественной библейской науки произвелъ также новый академическій уставъ 1869 г., значительно расширившій программу изученія Свящ. Писанія и возвысившій требованія отъ академическихъ преподавателей. Новымъ уставомъ усилено было преподаваніе Свящ. Писанія чрезъ учрежденіе двухъ—вмѣсто одной—самостоятельныхъ кафедръ по этой наукѣ, чрезъ учрежденіе особой кафедры библейской исторіи и введеніе въ академическій курсъ преподаванія библейской археологіи (преподаваніе двухъ послѣднихъ наукъ раздѣлено было между двумя отдѣленіями по уставу 1869 г.; по уставу 1884 г. библейская исторія отнесена къ разряду общеобязательныхъ наукъ). Вслѣдствіе этого увеличилось, конечно, и число лицъ, трудящихся надъ изученіемъ Библии, и количество библейскихъ свѣдѣній, получаемыхъ студентами академіи, вліяющее на складъ міровоззрѣнія, а отчасти и—направленіе послѣдующихъ занятій. Особенно важнымъ для возвышенія академической науки вообще и въ частности библейской—было усиленіе научныхъ требованій отъ академическихъ преподавателей, состоящее въ томъ, что ординарные профессора (въ томъ числѣ и ректоръ академіи по уставу 1869 г.) должны имѣть степень доктора по преподаваемымъ ими или близкимъ къ нимъ богословскимъ наукамъ, а вмѣстѣ съ этимъ—предоставленіе совѣту академіи права одобрять сочиненія академическихъ наставниковъ и воспитанниковъ къ напечатанію и публичной защитѣ для полученія ученыхъ степеней (по уставу 1884 г. нѣкоторыя изъ этихъ требованій ослаблены вообще, не безъ ущерба, конечно, для отечественной науки).—Не маловажнымъ содѣйствіемъ къ усиленію литературныхъ трудовъ вообще по богословскимъ наукамъ, въ частности по библейской наукѣ, послужили наконецъ учрежденныя во второй половинѣ минувшаго столѣтія поощрительныя преміи за ученые богословскія сочиненія. Первымъ, сколько извѣстно, учредителемъ въ нашемъ отечествѣ премій этого рода былъ извѣстный ревнитель православной науки и незабвенный дѣятель на научномъ поприщѣ, с.-петербургскій митр. Григорій (Постниковъ), давшій (въ 1859 г.) и особыя темы для премируемыхъ сочиненій ¹⁾. Про-

¹⁾ См. Христ. Чт. за 1876 г., Протоколы Совѣта академіи, стр. 10.

должателемъ этого добраго начинанія былъ знаменитый въ исторіи нашей богословской науки московскій митр. Макарій (Булгаковъ), пожертвовавшій огромную сумму (120,000 + 90,000 р.) для учрежденія общихъ премій за ученые сочиненія по богословскимъ и другимъ наукамъ и—особыхъ при 4-хъ духовныхъ академіяхъ; при послѣднихъ существуютъ, кромѣ этихъ премій, и другія, учрежденныя иными ревнителями отечественной богословной науки для увѣковѣченія своего имени или учрежденныя другими лицами для увѣковѣченія именъ ревнителей богословской науки, наприм., при петербургской академіи—премія Литовскаго митр. Іосифа,—протопресвитера Іоанна Леонтьевича Янышева,—М. В. Чубинскихъ и др. Преміи за ученые богословскія сочиненія имѣютъ, безспорно, весьма большое значеніе въ дѣлѣ развитія научной литературы въ виду именно незначительнаго расхода у насъ подобныхъ сочиненій путемъ продажи: кто предпринимаетъ подобное изданіе, тотъ, кромѣ своихъ личныхъ трудовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, долженъ жертвовать значительную денежную сумму на печатаніе своего сочиненія; преміи служатъ вознагражденіемъ за такіе труды на пользу отечественной науки и ободреніемъ въ ихъ перенесеніи. Поэтому учрежденіе премій за ученые богословскія сочиненія составляетъ крупное явленіе въ дѣлѣ развитія отечественной богословской, вчастности—библейской науки, которое по праву можетъ стоять на ряду съ другими благопріятными для нея условіями.

Благодаря этимъ условіямъ, возникшимъ во 2-й половинѣ минувшаго столѣтія и произведшимъ такое же живительное дѣйствіе, какъ дождь послѣ засухи, отечественная библейская наука ожила и развилась въ зеленѣющее многолѣтнее дерево, принесшее уже много полезныхъ плодовъ, знать которые не только полезно, но и необходимо для дѣятелей новаго столѣтія. Научно-литературныхъ трудовъ по изученію Библии за полстолѣтіе собралось такое значительное количество, что, при обзорѣнн, необходимо ихъ разсортировать по отдѣленіямъ. По этому разсмотримъ отдѣльно труды по изученію кн. Ветхаго и Новаго Завѣта и вчастности тѣ и другіе по различнымъ отраслямъ библейской науки, каковы: Введеніе въ кн. Свящ. Писанія или Исагогика, толкованіе, вѣроученіе или библейское Богословіе, библейская исторія и библейская археологія съ относящимися къ ней другими отраслями библейскаго вѣдѣнія.

Труды по изученію книгъ Ветхаго Заѣта.

Вчастности, во I-хъ, по Исагогикѣ. Отечественные труды по этой отрасли библ. науки посвящаемы были главнымъ образомъ разработкѣ исагогическихъ свѣдѣній относительно отдѣльныхъ ветхоз. книгъ. Въ собственномъ смыслѣ научнаго Введенія въ кн. Ветх. Заѣта, которое могло бы замѣнить собою изданное въ концѣ XVIII в. «Краткое руководство къ чтенію книгъ Ветхаго и Новаго Заѣта» митр. Амвросія¹⁾, отечественная литература XIX-го в. не представляетъ. Этотъ пробѣлъ восполняетъ однако до нѣкоторой степени трудъ проф. Кіевской д. академіи А. А. Олесницкаго: «Руководственный о Священномъ Писаніи Ветхаго и Новаго Заѣта свѣдѣнія изъ твореній святыхъ Отцовъ и Учителей Церкви» (1894 г., стр. II + 224). Согласно съ заглавіемъ, это сочиненіе представляетъ сводъ руководственныхъ свѣдѣній о кн. Свящ. Писанія, какія находили нужнымъ сообщить своимъ читателямъ или слушателямъ св. Отцы и Учители Церкви. Свѣдѣнія изложены по порядку свящ. книгъ въ нашей Библіи вмѣстѣ съ нѣкоторыми пояснительными или дополнительными замѣчаніями, внесенными уважаемымъ авторомъ, знатокомъ Свящ. Писанія и отеческихъ твореній. Во введеніи къ сочиненію, послѣ указанія важности руководственныхъ свѣдѣній о кн. Свящ. Писанія, дается понятіе о Библии, о божественномъ происхожденіи содержащихся въ ней книгъ, о раздѣленіи на каноническія и неканоническія. Затѣмъ послѣдовательно, словами Отцовъ и Учителей Церкви въ русскомъ переводѣ, излагаются свѣдѣнія о писателяхъ свящ. книгъ, названія ихъ послѣднихъ и содержанія ихъ; послѣднее излагается обыкновенно словами Синодсисовъ св. Аѳанасія Александрійскаго и—Іоанна Златоустаго; вмѣстѣ съ изложеніемъ содержанія указываются свято-отеческія толкованія на ту или другую изъ книгъ Свящ. Писанія и особо-знаменательныя въ нихъ мѣста, объясняемыя Св. Отцами въ прообразовательномъ смыслѣ. Свѣдѣнія, почерпаемыя изъ отеческихъ твореній, авторъ, по мѣстамъ, дополняетъ своими замѣчаніями относительно, наприм., словъ Втор. XXXIV, 10 (стр. 26),—такъ называемой у насъ второй книги Ездры (—45),—стихотворной формы учительныхъ книгъ Ветхаго Заѣта

¹⁾ Первое его изданіе было въ 1791 г.

(—50—52), — еврейскаго текста и греческаго перевода 70-ти толковниковъ, причѣмъ излагается свято-отеческое воззрѣніе на послѣдній, какъ на имѣющій «догматическое достоинство», но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ потерпѣвшій различныя измѣненія и поврежденія, а вслѣдствіе этого нуждавшійся въ неоднократныхъ исправленіяхъ «на основаніи сохранившихся неразслѣбными еврейскихъ списковъ» (стр. 122—123). Вызываемая такимъ разсужденіемъ мысль о высокомъ, или, по выраженію м. Филарета, «догматическомъ достоинствѣ» еврейскаго текста въ сочиненіи автора осталась однако не выраженной съ полною ясностью, хотя толкованія знаменитыхъ Отцовъ Церкви, наприм., Василя Вел., особенно Иоанна Златоуста ¹⁾ даютъ достаточное основаніе для усвоенія имъ такого воззрѣнія на еврейскій текстъ. Недосказанное въ этомъ отношеніи на указанныхъ выше страницахъ сочиненія авторъ отчасти восполняетъ въ концѣ книги, гдѣ излагаетъ исторію отечественной Библии (стр. 211—212). Какъ видно изъ содержанія сочиненія ²⁾, послѣднее представляетъ вполне законченное цѣлое, заключающее важнѣйшія для православнаго читателя Библии свѣдѣнія о содержащихся въ ней свящ. книгахъ. Этимъ сочиненіемъ положено самое лучшее начало для болѣе полнаго введенія къ книгамъ Ветхаго Завѣта, соотвѣтствующаго требованіямъ современной библейской науки.

Къ подготовкѣ матеріаловъ для такого труда чрезъ рѣшеніе исагогическихъ вопросовъ относительно отдѣльныхъ книгъ В. Заѣта по преимуществу и направлены были труды отечественныхъ библействовъ въ разсматриваемое время. Разсмотрѣніе ихъ начнемъ съ Пятюкнижія. Исагогическимъ вопросамъ относительно этой свящ. книги, справедливо признаваемымъ у библействовъ труднѣйшими при научномъ ихъ рѣшеніи, посвященъ трудъ профессора Москов. д. академіи, архимандрита (впослѣдствіи епископа) Михаила, изданный послѣ его смерти подъ заглавіемъ: «Библейская наука. Книга вторая. Пятюкниженіе Моисеево. Академическія чтенія... Издано подъ редакціей Н. И. Троицкаго. Тула. 1899 г.» — Сочиненіе посвящено главнымъ образомъ разбору мнѣній критики о со-

¹⁾ См., наприм. издаваемое редакціей Христ. Чтенія «Полное собраніе твореній Св. Отца нашего Иоанна Златоуста», т. V, стр. 958—963.

²⁾ Содержаніе руководственныхъ свѣдѣній о книгѣ Новаго Заѣта будетъ указано при обзорѣ литературы относительно послѣднихъ.

ставѣ Пятокнижія и характерѣ заключающихся въ немъ историческихъ свѣдѣній о первобытныхъ временахъ. Вѣстности—въ немъ изложены прежде всего свѣдѣнія объ особенностяхъ еврейской исторіографіи, объ единомышленномъ свидѣтельствѣ іудеевъ, Христа Спасителя, Его апостоловъ и ближайшихъ къ нимъ по времени христіанскихъ писателей о Пятокнижіи, какъ о писаніи Моисея, о возникшихъ въ позднѣйшее затѣмъ время сомнѣній въ этомъ отношеніи, получившихъ особенно-большое развитіе у изслѣдователей критическаго направленія въ XVIII и XIX вѣкахъ. Взгляды этихъ библеистовъ и подвергаются затѣмъ разбору, именно взгляды ихъ на нѣкоторыя мѣста Пятокнижія, во 1-хъ, какъ на интерполяціи или вставки, сдѣланныя, по мнѣнію критики, въ позднѣйшее, чѣмъ когда жилъ Моисей, время, каковы нѣкоторыя, встрѣчающіяся въ Пятокнижіи географическія названія и историческія указанія, и, во 2-хъ, какъ на мѣста, несогласныя съ другими одинаковаго по предмету содержанія (стр. 12—72). Дальнѣйшія чтенія профессора были посвящены разбору мнѣній критики объ источникахъ Пятокнижія и вѣстности разсмотрѣнію основаній для различенія въ немъ отдѣльныхъ записей, какъ составныхъ частей, изъ которыхъ образовалось Пятокнижіе; изъ этихъ основаній авторъ съ большимъ вниманіемъ останавливается на неодинаковыхъ божественныхъ именахъ (стр. 77—85), чѣмъ на особенностяхъ возрѣній и словоупотребленія, указываемыхъ критикой въ различныхъ отдѣлахъ Пятокнижія (стр. 86—88). Справедливость своихъ антикритическихъ замѣчаній авторъ подтверждаетъ при этомъ разборомъ разностей, указываемыхъ въ Быт. I—II и VI—IX гл. (стр. 89—97). Третій отдѣлъ сочиненія: «Сказаніе о твореніи міра» (стр. 97—104) состоитъ изъ общихъ довольно замѣчаній, направленныхъ къ уясненію историческаго характера этого повѣствованія и опроверженію пониманія его въ смыслѣ народнаго сказанія или міоа. Болѣе содержателенъ слѣдующій отдѣлъ: «Сказаніе о первыхъ людяхъ» (стр. 104—122), представляющій разборъ различныхъ объясненій библ. повѣствованія о грѣхонадевіи. Замѣчанія на «Быт. главы IV—IX» (стр. 122—129) состоятъ частію въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ недоумѣній, вызываемыхъ содержаніемъ этихъ главъ, наприм., относительно браковъ сыновъ Божіихъ съ дочерьми человѣческими, частію въ указаніи особенностей библейскаго повѣствованія о по-

тогѣ, свидѣтельствующихъ объ его исторической точности. Послѣдній отдѣлъ: «О сыновности Моисеева культа» (стр. 129—157) представляетъ раскрытіе внутренняго значенія обрядовыхъ установленій закона Моисеева, какъ имѣвшихъ смыслъ не только символовъ, но и типовъ или прообразовъ совершеннѣйшаго, духовнаго служенія Богу. Такое содержаніе книжки показываетъ уже ея характеръ и значеніе. Она не представляетъ, хотя бы краткаго, разсмотрѣнія всѣхъ главныхъ вопросовъ, существующихъ въ наукѣ, относительно Пятокнижія: разборъ мнѣній критики объ его происхожденіи доведенъ только до половины; замѣчанія, направленные къ подтвержденію исторической достовѣрности библ. повѣствованія, ограничиваются первыми 9-ю главами кн. Бытія; изъ всего дальнѣйшаго затѣмъ содержанія Пятокнижія, избранъ одинъ предметъ—символическое и типическое значеніе ветхозавѣтныхъ богослужебныхъ установленій. Тѣ предметы, которыхъ касался авторъ, раскрыты большею частью довольно обстоятельно и отчетливо, за исключеніемъ впрочемъ нѣкоторыхъ мѣстъ ¹⁾. Въ своихъ разсужденіяхъ авторъ является весьма строгимъ защитникомъ происхожденія Пятокнижія отъ Моисея, приписывая ему и такія мѣста, въ которыхъ авторъ «Записокъ на кн. Бытія» усматривалъ позднѣйшія вставки со стороны «избранныхъ Духомъ Святымъ продолжателей и хранителей Священнаго Писанія» ²⁾, наприм.,—Быт. XXXVI, 31—43 (стр. 23—26). Когда составлены были эти чтенія о Пятокнижіи, не указано г. издателемъ; можно однако догадываться, что составленіе ихъ относится къ началу второй половины минувшаго столѣтія, когда могла быть извѣстна у насъ такъ называемая у критиковъ «гипотеза дополненія», какъ послѣднее слово критической науки, чѣмъ является эта гипотеза въ чтеніяхъ ав-

¹⁾ Наприм. на стр. 89, гдѣ о словахъ Быт. II, 4, (: Вотъ происхожденіе неба и земли...) говорится такъ, что остается неяснымъ, принимаются ли они за начало дальнѣйшаго повѣствованія или за окончаніе предшествующаго, или на стр. 95, гдѣ не представленъ составъ библ. сказанія о потоцѣ по предполагаемой критикою записи злогиста и—іеговиста, вслѣдствіе чего разборъ критическихъ мнѣній объ этомъ является не совсѣмъ понятнымъ.

²⁾ Въ предпосланномъ у митроп. Филарета объясненію кн. Бытія «предуготовленія» къ мѣстамъ этого рода отнесены: Быт. XIII, 18, XXXVI, 31,—43; Исх. XVI, 35 и Втор. XXXIV.

тора (стр. 73), не упоминающаго нигдѣ о библейстахъ критическаго направленія послѣ Эвальда (наприм. на стр. 11 и др.). Пособія, которыми пользовался профессоръ при своихъ чтеніяхъ, вообще не указываются, за исключеніемъ мимоходныхъ замѣчаній о нѣкоторыхъ, имена которыхъ названы, наприм., Бунзена (стр. 91), Геверника (стр. 97), — Делича (—128). Антикритическія замѣчанія автора направлены вообще противъ такъ называемой литературной критики, задававшейся цѣлью — опредѣлить происхожденіе вѣтхозавѣтныхъ книгъ чрезъ разсмотрѣніе ихъ, какъ литературныхъ памятниковъ, чрезъ разсмотрѣніе ихъ языка и особенностей содержанія. Въ новѣйшее время этотъ видъ критики утратилъ отчасти свое значеніе, со времени появленія сочиненій Графа, Кюенена и Вельгаузена, и уступилъ свое мѣсто такъ называемой высшей или исторической критикѣ ¹⁾. — Лучшимъ, по нашему мнѣнію, отдѣломъ въ этомъ выпускѣ библ. науки является разборъ сказанія о первыхъ людяхъ.

Тому же предмету посвящено сочиненіе доцента С.-Петербургской дух. академіи *Θ. Елеонскаго*, вышедшее подъ заглавіемъ: «Разборъ мнѣній современной отрицательной критики о времени написанія Пятокнижія. Выпускъ 1-й: разборъ такъ называемыхъ анахранизмовъ въ Пятокнижіи, 1875 г.» Это сочиненіе, составившееся изъ статей, напечатанныхъ въ Христ. Чтеніи 1871—1875 гг., написано по программѣ, еще болѣе ограниченной, чѣмъ предшествующее; въ немъ разсмотрѣны вообще тѣ мѣста Пятокнижія, которыя въ чтеніяхъ архим. Михаила разумѣются подъ интерполяціями, хотя число мѣстъ, подвергнутыхъ разсмотрѣнію, значительно больше и самое разсмотрѣніе представляетъ нѣкоторыя особенности. Въ первомъ отношеніи можно указать, наприм., на мѣста Пятокнижія, въ которыхъ изложены столь важныя и съ критической точки зрѣнія постановленія относительно мѣста Богослуженія, относительно левитства и судебной власти; во второмъ отношеніи — на то, что при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ спорныхъ мѣстъ допускается мысль о внесеніи ихъ въ Пятокнижіе послѣ Моисея, каковъ, наприм., законъ Второзаконія XVII, 14—20 (стр. 287) или названіе города Дана въ Быт. XIV, 14 (стр. 314). Самому изложенію предмета предпо-

¹⁾ О приемахъ и взглядахъ этой критики см. въ Христ. Чтеніи 1899 г. за июль и декабрь, 1900 г. за декабрь.

слано введеніе, въ которомъ изложена исторія библейской критики, доведенная нѣсколько далѣе, чѣмъ въ предшествующемъ сочиненіи; указаны равнымъ образомъ и пособія, которыми пользовался авторъ ¹⁾).

Историческимъ книгамъ посвященъ 3-й выпускъ «Библейской науки», заключающій въ себѣ также академическія чтенія архим. Михаила. Въ чтеніяхъ изложены обычныя исагогическія свѣдѣнія о кн. І. Навина, Судей, Руевъ, о 4-хъ кн. Царствъ, — Паралипоменонъ и 1-й Ездры. По своему содержанію эти чтенія не отличаются богатствомъ данныхъ и научною обработанностью. Если относительно болѣе трудныхъ вопросовъ принимаются во вниманіе тѣ или другія недоумѣнія, то въ разрѣшеніи послѣднихъ не замѣчается по мѣстамъ надлежащей обоснованности, а въ нѣкоторыхъ изъ выводовъ устойчивости. При рѣшеніи, наприм., вопроса о писателѣ кн. І. Навина довольно обстоятельно изложены (стр. 2—22) доказательства за — и противъ мнѣнія объ І. Навинѣ, какъ писателѣ этой священной книги, но при этомъ нѣкоторыя

¹⁾ По вопросу о происхожденіи Пятикнижія есть въ нашей литературѣ еще переводное сочиненіе, вышедшее подъ редакціей бывшаго ректора Казанской духовн. академіи, прот. *А. Владимірскаго*, подъ заглавіемъ: «Защита Моисеева Пятикнижія противъ возраженій отрицательной критики». 1870 г. Сочиненіе написано протестантскимъ пасторомъ *Арно* и состоитъ изъ трехъ отдѣловъ; въ первомъ — приведены внутренніе доказательства подлинности Пятикнижія, во второмъ — внѣшнія, въ третьемъ — косвенныя, состоящія изъ опроверженія мнѣній отрицательной критики. Этотъ послѣдній отдѣлъ, самый большой въ книгѣ (стр. 43—162), содержитъ вмѣстѣ съ исторіей критики разборъ важнѣйшихъ ея возраженій противъ написанія Пятикнижія самимъ Моисеемъ. Въ концѣ книги напечатаны три приложенія, состоящія изъ критическихъ замѣчаній на сочин. англійскаго епископа Колензо и свѣдѣній о Самаританскомъ Пятикнижіи и египетскихъ памятникахъ, какъ устраляющихъ возраженія противъ подлинности Пятикнижія. Важнѣйшее достоинство сочиненія состоитъ въ широтѣ его программы, обнимающей всѣ важнѣйшія стороны вопроса о происхожденіи Пятикнижія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ставился въ половинѣ прошлаго вѣка, и въ ясности изложенія. Въ своихъ разсужденіяхъ авторъ является вообще строгимъ защитникомъ подлинности Пятикнижія, за исключеніемъ весьма немногихъ въ немъ мѣстъ, признаваемыхъ за позднѣйшія вставки (стр. 78; 82). Не всѣ, конечно, опроверженія возраженій критики отличаются полною убѣдительностью; но для общаго ознакомленія съ совокупностью вопросовъ, возбуждаемыхъ Пятикнижіемъ, и ихъ рѣшеніемъ у защитниковъ его подлинности и отрицателей это сочиненіе и въ настоящее время имѣетъ значеніе.

изъ возраженій противъ этого мнѣнія устраняются такимъ образомъ, что трудно согласиться относительно этого съ авторомъ. Ссылка, наприм., противниковъ мнѣнія о написаніи самимъ Иисусомъ Навиномъ книги его имени на находящееся въ ней (XIX, 47) свидѣніе о завоеваніи г. Ласема Давитянами, какъ совершившееся послѣ смерти Навина (Суд. XVIII, 1; 7; 28—29), устраняется у автора тѣмъ, что въ завоеваніи Ласема по кн. Навина и — Ланса по кн. Судей пужно «видѣть два событія, совершенно различныя, изъ коихъ одно случилось при Навинѣ, другое—послѣ, во время Самсона» (стр. 12). Съ этимъ объясненіемъ нельзя согласиться потому, во 1-хъ, что рассказъ Судей XVIII гл. не заключаетъ никакихъ указаній на предшествующее завоеваніе Давитянами г. Ланса; и, во 2-хъ, потому, что завоеваніе Ласема = Ланса на достаточныхъ основаніяхъ относится не ко времени Самсона, а къ началу времени Судей ¹⁾. Указаніемъ на время этого событія въ началѣ правленія Судей служить особое, извѣстное знающимъ еврейскій языкъ, начертаніе въ Суд. XVIII, 30 имени Манасси, объясняемое талмудистами въ томъ смыслѣ, что подъ этимъ Манассіею нужно разумѣть Моисея, внукомъ котораго слѣдовательно былъ Ионаанъ, совершавшій Богослуженіе въ домѣ Михи и затѣмъ въ г. Данѣ, изъ чего слѣдуетъ что завоеваніе этого города произошло при жизни втораго поколѣнія послѣ Моисея, соответствующаго *другому роду который не зналъ Господа* (Суд. II, 10), т. е., вскорѣ по смерти Навина. Впрочемъ относя завоеваніе Ланса ко времени Самсона, авторъ не настаиваетъ на этомъ, признавая «неизвѣстнымъ въ точности, къ какому времени относятся событія» (стр. 31), изложенныя въ Суд. XVII—XXI; и это признаніе автора нуждается также въ дополнительномъ замѣчаніи, что время этихъ событій можетъ быть опредѣлено съ весьма большою вѣроятностью, какъ въ настоящее время и опредѣляется обыкновенно.— Выводъ, къ какому пришелъ авторъ чрезъ разсмотрѣніе доказательствъ защитниковъ и противниковъ мнѣнія о написаніи I. Навиномъ книги его имени, состоитъ въ признаніи большей вѣроятности за взглядомъ первыхъ; но положительно

¹⁾ Въ нашей литературѣ это пониманіе ясно выразилъ нижегородскій прот. М. А. Владиміръскій въ соч. «Опытъ краткаго толкованія на книги I. Навина, Судей, Руевъ и на 12-ть начальныхъ гл. I-й кн. Царствъ» (1884 г.), стр. 179.

обоснованнымъ авторъ не считаетъ его; «положительно нужно сказать, по его мнѣнію, относительно этого только то, что послѣднія рѣчи свои самъ Навинъ написалъ въ книгу Закона... Все, что есть въ книгѣ могъ описать самъ Навинъ, но описалъ ли?» (стр. 22). Задавая себѣ такой вопросъ, авторъ ясно этимъ обнаруживаетъ не оставляющее его душу сомнѣніе въ вѣроятности высказаннаго имъ взгляда. Для устранения своего сомнѣнія онъ обращается затѣмъ къ іудейскому преданію, которое называетъ, какъ извѣстно, самого І. Навина писателемъ книги его имени; но и послѣ этого не достигнуто полнаго убѣжденія, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсужденія о достовѣрности содержанія этой свящ. книги, гдѣ авторъ употребляетъ такое выраженіе: «хотя бы она писана была и не самимъ Навиномъ» (стр. 23), возможность чего авторъ слѣдовательно допускаетъ въ концѣ концовъ. Такая неустойчивость въ сужденіяхъ произошла, думается, отъ того, что авторъ хотѣлъ остаться вѣрнымъ іудейскому преданію о писателѣ этой книги, принимаемому многими Отцами и Учителями Церкви, а въ тоже время не могъ не сознавать значенія находящихся въ книгѣ не только по переводу 70-ти (стр. 14), но и по еврейскому тексту (стр. 7—8; 11—13 относительно XV, 13—19 и XIX 47) указаній на событія, совершившіяся по смерти І. Навина. Преданіе, на сторонѣ котораго были многіе изъ Отцевъ древней христіанской Церкви, имѣетъ, безспорно, высокое значеніе для православнаго библеиста, но стремленіе къ сохраненію его должно стоять не выше указаній, заключающихся въ самыхъ книгахъ Библии. Блаженный Феодоритъ зналъ, безъ сомнѣнія, и цѣнилъ не меньше насъ преданіе о писателѣ книги Навина и однако писателемъ ея онъ признавалъ не преемника Моисея по водительству народомъ, а другое лице, жившее послѣ него; такое же мнѣніе выражено и въ Синопсвѣ Афанасія Александрійскаго ¹⁾. Другіе вопросы рѣшаются впрочемъ авторомъ съ меньшими колебаніями; происхожденіе, наприм., кн. Судей отнесено ко времени — приблизительно — прор. Самуила (стр. 38), хотя не приписано самому Самуилу на основанія того, по видимому, что іудейское преданіе почитаетъ эту книгу «произведеніемъ когъ-либо изъ раннихъ пророковъ, не называя его по имени» (стр. 33); на самомъ дѣлѣ іудейское преданіе

¹⁾ А. Олестинаго. Руководственный о Свящ. Пис. свѣдѣнія.. стр. 26.

приписываетъ именно пр. Самуилу написаніе книги Судей¹⁾. Не точныя свѣдѣнія автора относительно іудейскаго преданія въ данномъ отношеніи замѣчаются отчасти и въ словахъ его о писателѣ кн. Руувъ (стр. 44). Замѣчанія о текстѣ ветхов. историческихъ книгъ не отличаются также обиліемъ свѣдѣній (стр. 28; 62; 85; 102). Составленіе этихъ чтеній относится къ первымъ, вѣроятно, годамъ профессорской дѣятельности автора.

Восполненіемъ недосказаннаго въ рассмотрѣнныхъ чтеніяхъ объ историческихъ книгахъ В. Завѣта служатъ явившіяся въ послѣдующее затѣмъ время сочиненія объ отдѣльныхъ изъ этихъ книгъ. Таково — соч. «студента IV курса Кіевской духовной академіи *Арсенія Царевскаго*», имѣющее заглавіе: «Происхожденіе и составъ первой и второй книгъ Паралипоменонъ» (1878 г.). Въ первой его части (стр. 4—57) авторъ доказываетъ то, что эти свѣдѣнія книги написаны не позднѣе Ездры. Обосновывая это, онъ сначала критически разсматриваетъ основанія другого мнѣнія — о позднѣйшемъ ихъ происхожденіи, — а затѣмъ приводитъ положительныя доказательства принимаемую имъ взгляда. Разборъ основаній мнѣнія о позднѣйшемъ, чѣмъ время Ездры, происхожденіи кн. Паралипоменонъ авторъ ведетъ тономъ очень рѣшительнымъ, хотя и не вездѣ убѣдительно, въ подтвержденіе чего останавливаетъ вниманіе читателя только на томъ, какъ авторъ объясняетъ и оцѣниваетъ одно изъ классическихъ мѣстъ кн. Паралипоменонъ, особенно важное при рѣшеніи вопроса о времени ихъ происхожденія. Оно находится въ I Парал. III, 19—24. Изложенное здѣсь родословіе Зоровавеля оказывается состоящимъ изъ такого значительнаго числа поколѣній²⁾, которое

¹⁾ См. наприм. *Mon. Traditio rabbinorum veterrima de librorum U. Test. ordine atque origine*, 1884, стр. 22.

²⁾ По ливѣйшему еврейск. тексту въ этомъ родословіи указаны слѣдующіе родоначальники: Хананія, сынъ Зоровавеля; Фелатія и Исаія, сыны Хананія; послѣ нихъ (ст. 21-я) названы: сыны Рефаиц. — Арнава, — Овадиц, — Шеханіц, далѣе — (ст. 22) Шемаиц, сынъ Шеханіц; Неаріц, сынъ Шемаиц, — Еліоенац, сынъ Неаріц и наконецъ 7 сыновъ послѣдняго. По этому родословію, если перечисленныхъ лицъ считать представителями слѣдовавшихъ одно за другимъ поколѣній, писателю кн. Паралипоменонъ потомство Зоровавеля было извѣстно до 10-го поколѣнія. Это число поколѣній обыкновенно уменьшаютъ однако комментаторы, слѣдующіе еврейскому тексту, въ виду своеобразной формы, въ какой изложена часть этого родословія въ ст. 21-мъ, который буквально съ еврейскаго яз.,

явно превышает небольшое число лѣтъ, прошедшихъ отъ перваго возвращенія іудеевъ изъ плѣна подь предводительствомъ Зоровавеля до втораго возвращенія при Ездрѣ¹⁾. Сторонники мнѣнія о позднѣйшемъ времени Ездры происхождения кн. Паралипоменонъ и указываютъ на это родословіе, какъ на одно изъ доказательствъ своего мнѣнія. Въ отвѣтъ на это защитники происхождения этихъ книгъ во время Ездры, слѣдующіе еврейскому тексту, подвергаютъ послѣдній въ указанныхъ стихахъ 3-й гл. I Паралипоменонъ критическому разбору и при этомъ открываютъ въ немъ явную неправильность рѣчи въ данномъ мѣстѣ, состоящую, въ томъ, во 1-хъ, что въ ст. 21-мъ предъ словами: «сыны Рефаи» нѣтъ никакой соединительной частицы, которая указывала бы на отношеніе перечисляемыхъ именъ къ предшествующимъ имъ непосредственно лицамъ, и, во 2-хъ, на то, что послѣ заключительныхъ словъ 21-го ст.: «и сыны Шеханія» ст. 22-й начинается по еврейск. тексту тѣми же словами: «сыны Шеха-

но съ удержаніемъ принятаго въ русскомъ Синодальномъ переводѣ начертанія именъ, переводится: «и сынъ (въ вѣют. рукописяхъ евр. т. «сыны» по *Bertheau*. Die Bücher der Chronik) Хананія Фелатія и Исаія; сыны Рефаи; сыны Арпана; сыны Овадіа; сыны Шеханія». Такъ какъ названныя здѣсь послѣдніе четыре лица или семейства поставлены рядомъ съ сыновьями Хананія, на одной, такъ сказать, линіи съ ними и ничѣмъ не указано на происхожденіе послѣдующихъ отъ предыдущихъ (читается: «сыны», а не «сынъ его»), то на этомъ основаніи Рефаи, Арпанъ, Овадіа и Шеханія признаются у комментаторовъ не родоначальниками преемственно слѣдовавшихъ поколѣній, а представителями родовъ, соответствующими по времени названнымъ предъ ними Фелатія и Исаи, т. е., жившими одновременно съ ними, въ виду чего эти четыре имени исключаются изъ числа преемственныхъ представителей поколѣній въ потомствѣ Зоровавеля, которое такимъ образомъ оказывается состоящимъ изъ 6 родовъ, представителями которыхъ были: Хананія, Шеханія, Шемаія, Непарія, Еліоепай и сыновья послѣдняго. См. комментарий вышеназваннаго *Bertheau* въ *Kurzgef. Exeget. Handbuch zum A. Testament*, XV Lieferung. 1854, или—*Oettli* въ *Kurzgefasster Kommentar zu den heiligen Schriften A. u. Neuen Testam.* herausgeg. von *Strack* und *Zöckler*. Alte Testament. VIII Abteilung. 1889, стр. 22.

¹⁾ Первое возвращеніе іудеевъ изъ плѣна, по принятому у библеистовъ лѣтосчисленію, совершилось въ 536 г., второе — при Ездрѣ въ 458 г., т. е., черезъ 77 годовъ. Шесть поколѣній, если назначать для каждаго изъ нихъ 20 лѣтъ, требуютъ во всякомъ случаѣ гораздо большаго времени, чѣмъ 77 лѣтъ, а слѣдовательно писатель кн. Паралипоменонъ внесеніемъ этого родословія въ свою книгу указываетъ на время позднѣйшее, чѣмъ когда жилъ Ездра.

ніи», и при этомъ вмѣсто нѣсколькихъ сыновей названъ одинъ Шемаія. На основаніи такихъ несообразностей, наблюдаемыхъ здѣсь въ еврейскомъ текстѣ, послѣдній признается его сторонниками «не имѣющимъ въ данномъ мѣстѣ смысла и, очевидно, поврежденнымъ», вслѣдствіе привнесенія въ него позднѣйшей вставки, начинающейся съ словъ: «сыны Рефаія» и простирающейся до конца главы. При такомъ взглядѣ на это мѣсто 1-й кн. Паралипоменонъ родословіе Зоровавеля весьма сильно сокращается; оно оказывается состоящимъ изъ двухъ только поколѣній въ лицѣ Хананія и его двухъ сыновей (таково объясненіе комментатора Кейля, какъ указываетъ авторъ). Это объясненіе и принявъ авторъ разсматриваемаго сочиненія и, согласно съ нимъ, признавъ чтеніе даннаго мѣста 1-й кн. Паралипоменонъ «поврежденнымъ» и основанное на немъ мнѣніе, «что родъ Зоровавеля проводится здѣсь (т. е., въ 21 ст.) чрезъ шесть генераций» лишеннымъ «всякаго основанія» (стр. 16—18). Въ русскомъ читатель такое признаніе можетъ возбудить большое недоумѣніе, такъ какъ, обращаясь къ славянской Библии, онъ находитъ въ данномъ мѣстѣ кн. Паралипоменонъ шесть именъ, перечисляемыхъ такъ, какъ обыкновенно въ Библии перечисляются родоначальники поколѣній, преемственно слѣдующіе одинъ за другимъ: сыны же Ананіимы (т. е. Хананія по рус. перев.): *Фалтіасъ* (=Фелатія), и *Іесія* (=Исаія) *сынъ его*, *Рафалъ* (=Рефаія) *сынъ его*, *Орна* (=Арнанъ) *сынъ его*, *Аодіа* (=Овадіа) *сынъ его*, *Сехемія* (=Шеханія) *сынъ его*. Въ такомъ же видѣ передано это родословіе въ греческомъ текстѣ 70-ти, а также и въ русскомъ переводѣ Синодальнаго изданія ¹⁾. По существующимъ у насъ переводамъ оказывается такимъ образомъ, что въ 1 Парал. III, 21, родословіе Зоровавеля проводится дѣйствительно черезъ 6 поколѣній и какихъ-либо признаковъ «поврежденія» въ чтеніи этого мѣста по нашимъ переводамъ не замѣчается. А если 21-й ст. заключаетъ указаніе на 6 поколѣній, то съ присоединеніемъ къ нимъ именъ—сына Зоровавеля (Хананія въ ст. 19-мъ) и—4-хъ преемственно слѣдовавшихъ—послѣ Шеханія—представителей поколѣній (: Самеи или Шемаи, Ноадіи или Неа-

¹⁾ Разница между славянскимъ и русскимъ переводами замѣчается здѣсь, кромѣ начертанія именъ, въ томъ только, что *Іесія* по первому—сынъ Фалтіаса, а по второму—его братъ, согласно съ еврейскимъ текстомъ

ри, Еліонея или Еліоная и 7-ми сыновъ послѣдняго), это родословіе оказывается доведеннымъ до 11-го рода по греко-славянскому и русскому переводамъ. Какъ же при этомъ смотрѣть на родословіе Зоровавеля и какъ согласить этотъ длинный рядъ поколѣній съ мнѣніемъ о происхожденіи кн. Паралипоменонъ не позднѣе времени Ездры, въ разсмотрѣніе этого авторъ не входитъ, хотя такое разсмотрѣніе имѣеть у насъ особенную важность. Не зная указаннаго особаго чтенія 21-го ст. по греко-славянскому переводу авторъ не могъ; ссылку на послѣдній онъ имѣлъ въ тѣхъ комментаріяхъ иностранныхъ библействовъ, наприм., Кейля, которыми онъ пользовался. Западные толкователи не придаютъ этому особому чтенію важнаго значенія, такъ какъ руководятся еврейскимъ текстомъ. Примѣру ихъ послѣдовалъ однако и нашъ авторъ потому, вѣроятно, что не нашелъ иного средства выйти изъ затрудненія, кромѣ умолчанія, хотя иной способъ къ этому давно указанъ отечественными библейстами, признающими въ данномъ мѣстѣ кн. Паралипоменонъ позднѣйшую вставку ¹⁾. Положительныя доказательства мнѣнія о происхожденіи кн. Паралипоменонъ во времена Ездры указываются, во 1-хъ, въ томъ, что канонъ ветхов. книгъ «несомнѣнно получилъ свой теперешній видъ во времена Ездры и современныхъ ему пророковъ» (стр. 44), а слѣдовательно къ этому времени должны были получить происхожденіе и книги Паралипоменонъ, какъ вошедшія въ канонъ, и, во 2-хъ, въ томъ, что конецъ кн. Паралипоменонъ (2 Парал. XXXVI, 22—23) тождественъ по содержанію съ началомъ 1 кн. Ездры, изъ чего выводится заключеніе, что писатель послѣдней имѣлъ у себя при ея написаніи книги Паралипоменонъ (стр. 52), а такъ какъ 1-ая кн. Ездры, говоритъ авторъ, «по единодушному мнѣнію всѣхъ лучшихъ древнихъ и новыхъ изслѣдователей Свящ. Писанія написана самимъ же Ездрой» ²⁾,

¹⁾ См. митроп. *Амвросія* «спраткое руководство къ чтенію кн. В. и Н. Завѣта». 1808 г., стр. 78; сходно съ этимъ и въ начертаніи церковно-Библейской исторіи, митр. *Филарета*, періодъ 9-й, о кн. Паралипоменонъ.

²⁾ О библейстахъ настоящаго времени нельзя этого сказать; нѣкоторые изъ нихъ, принадлежащіе не къ худшимъ, относятъ написаніе кн. Ездры и Нееміи къ 4 вѣку, см. наприм. вышеназв. *Kurzgef. Commentar zu den heiligen Schriften. Alte Testam. VIII Abteilung*, стр. 151

то «слѣдовательно и кн. Паралипомевонъ написаны никакъ не позже, а скорѣе раньше. Ездры, по всей вѣроятности, въ промежутокъ времени между 536... и 458 г. до Р. Хр.» (стр. 56). Значеніе перваго изъ этихъ доказательствъ ослабляется продолжающимся у библеистовъ разнообразіемъ мнѣній о времени заключенія ветхоз. канона, не дающимъ въ научномъ отношеніи права ссылаться на мнѣніе о совершеніи этого событія во времена Ездры, какъ на твердо обоснованное или «несомнѣнное» (по автору) положеніе, на которомъ можно обосновывать рѣшеніе вопроса о времени происхожденія кн. Паралипоменъ. Недостаточную твердость принятаго положенія сознавалъ впрочемъ и самъ авторъ, почему онъ старался подкрѣпить его (стр. 44—50), но, конечно, не могъ изложить съ надлежащею обстоятельностью всѣхъ данныхъ, на которыхъ основывается представленіе о заключеніи закона при Ездрѣ. Второе доказательство, — въ томъ видѣ, въ какомъ оно изложено въ сочиненіи, не чуждо также недоумѣній. Приписывая написаніе кн. Парал-нъ не Ездрѣ, на котораго указываетъ іудейское преданіе, а другому лицу (стр. 57), отличному отъ писателя 1-й кн. Ездры, авторъ возбуждаетъ чрезъ это недоумѣніе относительно того, почему писатель кн. Парал-нъ, жившій во всякомъ случаѣ послѣ возвращенія изъ плѣна, остановился на указѣ Кира и не изложилъ слѣдовавшихъ за нимъ событій. При мысли объ единствѣ писателя этихъ книгъ и книги Ездры, вопросъ этотъ рѣшается самъ собою: писатель Парал-нъ остановился на указѣ Кира, потому что слѣдовавшія за нимъ событія онъ рѣшилъ изложить въ другой книгѣ, составляющей непосредственное продолженіе книги Парал-нъ; отсюда — и та своеобразная (стр. 53) форма рѣчи, которая употреблена въ начальныхъ словахъ 1-й книги Ездры. Кромѣ того, выраженное іудейскимъ преданіемъ представленіе объ единствѣ писателя этихъ книгъ имѣетъ для себя достаточное научное основаніе въ одинаковости, по указаніямъ гебраистовъ, способа выраженія и изложенія историческихъ событій, наблюдаемой въ этихъ книгахъ, почему это представленіе удерживается и отстаивается даже тѣми изъ современныхъ библеистовъ, которые не имѣютъ пристрастія къ іудейскимъ преданіямъ ¹⁾. — Во второмъ отдѣлѣ сочиненія: «О составѣ или источникахъ 1-й и 2-ой книгъ

¹⁾ См. вышепав. комментарий Strack'a в Zöckler's. *Lehrbuch der bibl. Archäologie*, стр. 4.

Паралипоменонъ» довольно обстоятельно изложены особенности содержанія этихъ книгъ чрезъ сравненіе находящихся въ нихъ родословій и историческихъ событій съ другими книгами Ветхаго Завѣта, при чемъ указывается то, какія замѣчаются отступленія у писателя кв. Паралипоменонъ въ передачѣ именъ и событій и какія изъ послѣднихъ почерпнуты изъ утраченныхъ потомъ историческихъ памятниковъ. Это сравненіе содержанія кв. Паралипоменонъ, составляющее предметъ слишкомъ сухой, авторъ оживляетъ чрезъ изложеніе и разборъ взглядовъ критическихъ изслѣдователей, пользуясь при этомъ сочиненіями библеистовъ положительнаго направленія (Кейля, Геферника и др.). Вообще сочиненіе написано по нѣмецкимъ пособіямъ—протестантскимъ и отчасти католическимъ. Этимъ и объясняется, можетъ быть, то, что авторъ не принималъ въ надлежащей степени во вниманіе особенностей славянскаго текста, какъ это замѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и втораго отдѣла сочиненія, наиримѣръ, на стр. 71, гдѣ говорится, что «Уць, Хуль, Гетерь и Месехъ представляются у насъ» (т. е., въ 1 Парал. I, 17, по еврейск. тексту) «сынами Сима», между тѣмъ въ славянской Библии, согласно съ перев. 70-ти, этимъ именамъ предшествуютъ слова: *сынове же Арамли*; тоже и въ рускомъ переводѣ Синодальнаго изданія; на стр. 73 сказано у автора: «Ѡамна и Амалекъ называются сынами Элифаза», между тѣмъ въ славянской Библии читается: *Ѡамна же подложница Элифазова роди ему Амалика* (1 Парал. I, 36); на стр. 84 говорится, что въ 1 Парал. III, 15, первый сынъ ц. Іосіа назывался «Іохананъ», между тѣмъ по славянскому тексту читается: *Іоахаазъ*. Такое опущеніе едва ли однако произошло отъ недостатка только вниманія къ употребляющемуся у насъ тексту Библии; нѣкоторыя страницы сочиненія (наприм., 93; 73) даютъ замѣтить, что славянской и греческій тексты были въ рукахъ автора и онъ справлялся съ ними во время своей работы; онъ избѣгалъ только, по видимому, дѣлать относительно ихъ свои замѣчанія тамъ, гдѣ они расходились съ еврейскимъ текстомъ, дѣлая это, вѣроятно, изъ опасенія навлечь на себя неудовольствіе со стороны ревнителей отечественныхъ текстовъ Библии. Сочиненіе г. Царевскаго полезно по обстоятельности во второмъ особенно отдѣлѣ, по указаніямъ пособій и добытымъ результатамъ, состоящимъ вообще въ томъ, что большая часть свѣдѣній, сообщаемыхъ

въ кн. Паралипоменонъ почерпнуты писателемъ ихъ не изъ книгъ Вѣтхаго Завета, а изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ (стр. 167). Указывая особенности въ содержаніи кн. Паралипоменонъ, авторъ не объясняетъ однако побужденій, по которымъ писатель сообщилъ тѣ, а не другія свѣдѣнія и такъ, а не иначе, вслѣдствіе чего внутренней смыслъ этихъ особенностей, а вмѣстѣ и историческое значеніе этихъ книгъ, остались не выясненными.

Книгѣ *Іудеи* посвятилъ свой трудъ Н. Дроздовъ подъ заглавіемъ: «Историческій характеръ книги *Іудеи*» (1876 г.). Выполненію главной задачи сочиненія, выраженной въ его заглавіи, авторъ предпослалъ довольно обстоятельное разсужденіе о древнихъ переводныхъ (первоначальный еврейскій, какъ полагаютъ, текстъ книги не сохранился) текстахъ этой пеканонической книги, которые представляютъ значительныя разности, имѣющія большое значеніе при рѣшеніи вопроса о времени, когда совершились излагаемая въ ней событія. Дѣло здѣсь въ томъ, что въ греческомъ текстѣ находятся такія рѣченія, которыя довольно ясно указываютъ на послѣ-плѣнное время этихъ событій (IV, 3 и V, 18 по славянскому и русскому Синодальному переводамъ, представляющимъ точную передачу греческаго текста), между тѣмъ какъ латинская Вульгата не содержитъ соотвѣствующихъ рѣченій, чѣмъ пользуются библеисты римско-католическаго исповѣданія при своихъ изысканіяхъ о времени подвига *Іудеи*. Разсмотрѣніе этихъ текстовъ (древне-латинскаго и сирскаго авторъ не имѣлъ у себя; стр. 2) привело автора къ признанію греческаго перевода кн. *Іудеи* за болѣе точную, за немногими исключеніями, передачу еврейскаго подлинника, чѣмъ прочіе переводы (стр. 26—27), что въ общемъ признается и современными протестантскими библеистами¹⁾; всѣ другіе переводы сдѣланы съ греческаго, который въ различныхъ спискахъ представляетъ однако нѣкоторыя особенности²⁾.

Выполненіе главной своей задачи авторъ начинаетъ изложеніемъ трехъ существующихъ въ литературѣ взглядовъ на историческое значеніе кн. *Іудеи*, начиная съ древнѣйшаго, по которому содержаніемъ ея служить дѣйствительное исто-

¹⁾ E. Schürer. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. B. III; 1898 г.; стр. 172—173.

²⁾ E. Kautsch. Die Apokriphen und Pseudepigraphen d. A. Testaments. 1900. B. 1, стр. 147.

рическое событіе, совершившееся, по мнѣнію однихъ, до плѣна вавилонскаго, по мнѣнію другихъ—послѣ плѣна. Первое изъ этихъ послѣднихъ мнѣній, имѣющее также нѣсколько разновидностей (стр. 33—35) у различныхъ библеистовъ, принадлежащихъ въ частности къ римско-католическому исповѣданію¹⁾, авторъ признаетъ совершенно несостоятельнымъ — по отсутствію внѣ библейскихъ свидѣтельствъ относительно даже главныхъ дѣйствующихъ лицъ (Навуходоносора, какъ царя ассирійскаго, Арфаксада, ц. мидійскаго и др.), — по несоотвѣтствію описываемаго въ кн. Іудеевъ государственнаго устройства и управленія іудейскаго народа съ состояніемъ его въ до-плѣнный періодъ, и наконецъ—въ виду прямыхъ указаній греческаго текста на недавнее возвращеніе іудейскаго народа изъ плѣна и освященіе незадолго передъ тѣмъ разрушеннаго храма (стр. 30—36). При этомъ авторъ подвергаетъ обстоятельному разбору и возраженія противъ подлинности 3-го ст. IV-й гл. и 18-го V-й гл. (стр. 38—49) и признаетъ ихъ совершенно недостаточными для того, чтобы колебать увѣренность въ послѣ-плѣнномъ характерѣ событій, изложенныхъ въ кн. Іудеевъ.— Не признаетъ авторъ правдоподобнымъ мнѣніе и тѣхъ древнихъ и новыхъ библеистовъ, которые, усвоивъ событіямъ кн. Іудеевъ историческое вообще значеніе, относятъ ихъ къ послѣ-плѣнному времени въ эпоху именно персидскихъ царей, которые, начиная съ Камбиза и оканчивая Артаксерксомъ III (Охомъ) отождествляются у различныхъ библеистовъ съ Навуходоносоромъ кн. Іудеевъ. Устраняется этотъ взглядъ въ виду несоотвѣтствія лицъ и событій, изображенныхъ въ этой книгѣ, съ извѣстными историческими личностями персидскихъ государей и съ отношеніемъ ихъ къ іудейскому народу (стр. 53—57). Еще менѣе сочувствія

¹⁾ Мнѣніе римско-католическихъ библеистовъ о до-плѣнномъ характерѣ событій, изложенныхъ въ кн. Іудеевъ, перешло и въ наши учебныя пособія, напр., въ составленное прот. М. Херасковымъ „Обозрѣніе историческихъ книгъ Ветхаго Завета“ (1879 г.), гдѣ исторія Іудеи отнесена ко времени плѣненія іудейскаго ц. Манассія; Арфаксадъ мидійскій отождествленъ съ Фраортомъ, сыномъ „Ціоцеца“ (вмѣсто Дейока), Навуходоносоръ—съ Асаргадономъ и т. п.; сообразно съ этимъ толкуется и смыслъ IV, 3 и V, 18, съ явнымъ насиліемъ славянскому и русскому тексту книги. И тогда какъ составитель этого руководства доврчиво пользовался комментариемъ католическаго библеиста (Аллиоли), на русскомъ языкѣ было уже сочиненіе, въ которомъ взглядъ, принятый о. Херасковымъ, подвергнуть былъ основательному опроверженію.

находить въ авторѣ взглядъ на кн. Іудею, какъ на произведеніе «чисто-поэтическое, иносказательное» (стр. 57—67). Всего болѣе сообразнымъ и основательнымъ признается въ сочиненіи мнѣніе тѣхъ, которые въ основѣ книги усматриваютъ сказаніе о дѣйствительномъ событіи, переданное только съ нѣкоторыми отступленіями отъ точной исторіи. Такую историческую основу авторъ находить въ томъ сочетаніи событій, какое имѣло мѣсто въ правленіе знаменитаго изъ царей Селевкидовъ—Антиоха III, Великаго, который, по мнѣнію автора, названъ въ кн. Іудею Навуходоносоромъ, какъ бывший, подобно послѣднему, великимъ завоевателемъ и сильнымъ врагомъ іудейскаго народа (стр. 94—95); подъ именемъ Арфаксада разумѣется Артабанъ, государь новомидійскаго царства, побѣжденный Антиохомъ III. Сообразно съ такимъ представленіемъ о главныхъ лицахъ, выведенныхъ въ кн. Іудею, авторъ, пользуясь имѣвшимися у него пособіями (особенно соч. *Гилгенфельда* и *Вольфа*), объясняетъ текстъ этой книги и въ ея содержаніи находить «значительное сходство въ общахъ чертахъ» (стр. 120) съ событіями этого сирійскаго государя; не полноту же сходства объясняетъ неполнотою сохранившихся свѣдѣній объ его царствованіи (стр. 121), а отчасти и намѣренными отступленіями писателя книги отъ исторической правды, изъ опасенія навлечь на свой народъ жестокое преслѣдованіе со стороны могущественныхъ враговъ (стр. 146). Хотя сходство только «въ общихъ чертахъ» не можетъ давать достаточной устойчивости опирающемуся на немъ мнѣнію, послѣднее могло бы сохранять за собой значеніе вѣроятнаго, если бы не было другого мнѣнія относительно исторической основы этой книги, которое вмѣстѣ съ общими чертами сходства имѣетъ на своей сторонѣ и нѣкоторыя частныя, на которыя нельзя смотрѣть, какъ на случайныя совпаденія. Таковѣ именно мнѣніе, принадлежащее первому библейскому историку христіанскаго времени—Сулпицію Северу (въ началѣ V в.), который Навуходоносоромъ кн. Іудею считалъ персидскаго государя Оха (Артаксеркса III) ¹⁾. Замѣчательныя частныя черты сходства между

¹⁾ *Sulpicii Severi Chronica* (въ Вѣнскомъ изданіи: *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum* vol. 1) p., 70. Высказывая свое мнѣніе, Сулпицій указывалъ на то, что Охъ, по свидѣтельству свѣтскихъ историковъ, былъ человекъ жестокой, воинственный, ведущій, между прочимъ, войну съ Египтомъ, причемъ надѣвался надъ египетскимъ божествомъ—Апи-

событіями кн. Іудіеѣ и исторіей этого государя состоятъ въ очевидномъ тождествѣ именъ двухъ важныхъ тамъ и здѣсь лицъ: какъ по кн. Іудіеѣ полководецъ, посланный Новуходносоромъ для наказанія различныхъ народовъ, между ними и Іудеевъ, носилъ имя Олоферна и при немъ находился внучъ Вагой (XII, 11 и дал.), такъ и по вѣб-библейскимъ свѣдѣніямъ Артаксерксъ Охъ имѣлъ въ числѣ своихъ полководцевъ Олоферна и внуха Вагой; есть свѣдѣнія и о томъ, что этотъ персидскій царь во время своего похода въ Египеть вывелъ изъ Палестины іудейскихъ плѣнниковъ и поселилъ ихъ въ Гиркани, изъ чего справедливо выводится, что этотъ походъ направленъ былъ и противъ іудейскаго народа ¹⁾. Эти черты сходства представляютъ, безъ сомнѣнія, весьма замѣчательное явленіе, естественно располагающее къ тому, чтобы, при уясненіи историческаго характера кн. Іудіеѣ, остановить вниманіе именно на Артаксерксѣ III Охѣ. Если между нимъ и Новуходносоромъ кн. Іудіеѣ есть разности (наприм., требованіе послѣдняго отъ покоренныхъ народовъ, чтобы они почитали его, какъ Бога [III, 8] не находить для себя подтвержденія въ историческихъ свѣдѣніяхъ объ этомъ персидскомъ царѣ), то эти разности покрываются отчасти соответствіемъ времени его царствованія изображенному въ этой книгѣ состоянію іудейскаго народа. Во всякомъ случаѣ это древнее мнѣніе, имѣющее сторонниковъ и между изслѣдователями новаго времени, является болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ принятое авторомъ.—Какъ прежде, такъ и въ настоящее время библейсты римско-католическаго исповѣданія, съ особенною настойчивостью доказывающіе всецѣло-историческій характеръ кн. Іудіеѣ въ виду каноническаго у нихъ ея достоинства, не признають, понятно, ни одного изъ этихъ мнѣній, какъ относящихся изложенныхъ въ книгѣ событія къ послѣ-плѣнному времени; они относятъ ихъ къ до-плѣнному времени, когда дѣйствительно были ассирійскіе цари, одинъ изъ которыхъ могъ носить имя Навуходносора. Особенно усиливаются они доказать сходство между ассирійскимъ царемъ Ассурбанипаломъ и Навуходносоромъ кн. Іудіеѣ, пользуясь при этомъ и клинописными памятниками ²⁾. Въ болѣе правдивыхъ и ис-

сомъ, и что при его дворѣ находился внучъ Вагой, родомъ египтянинъ, который и умертвилъ Оха за оскорбленіе народной чести.

¹⁾ *E. Schürer*. Тамъ же, 170.

²⁾ *E. Schürer*. Тамъ же, стр. 173—174.

креннихъ католическихъ библеистахъ эти усилія вызываютъ однако горячій протестъ и обличенія въ искусственномъ построеніи исторіи ассирійскихъ царей подъ руководствомъ кн. Іудиев¹⁾. Эти послѣдніе библеисты, для сохраненія каноническаго достоинства этой книги, не видятъ иного средства, кромѣ того, чтобы признать ее за пророческую, представляющую изображеніе церкви, выраженное въ формѣ исторіи. Таково современное состояніе изслѣдованій относительно кн. Іудиев, приводящее къ тому общему выводу, что отнесеніе изложенныхъ въ ней событій ко времени Антиоха III имѣетъ мало вѣроятности и что, сравнительно съ этимъ, болѣе вѣроятно древнее мнѣніе объ Артаксерксѣ Охѣ, какъ соответствующемъ Навуходоносору этой неканонической книги.

О послѣдней въ нашей Библии ветхозавѣтной книгѣ есть у насъ отдѣльное сочиненіе *М. Шаурова*: «О третьей книгѣ Ездры. Опытъ изслѣдованія о книгахъ апокрифическихъ» (1861 г.). Послѣ предисловія авторъ знакомитъ въ первой главѣ сочиненія съ древними текстами этой неканонической книги: латинскимъ, эіопскимъ и арабскимъ (двумя послѣдними онъ пользовался въ латинскомъ переводѣ); древнѣйшимъ изъ нихъ признаетъ—латинскій, который не былъ однако, по его мнѣнію, первоначальнымъ текстомъ этой книги, а представляетъ переводъ съ греческаго текста, давно утраченнаго (стр. 17—25); послѣдній признается у автора также переводомъ съ еврейскаго, что доказывается наблюдаемыми въ названныхъ переводахъ разностями при передачѣ однихъ и тѣхъ мыслей автора, объясняемыми изъ особенностей еврейской рѣчи или смѣшенія переводчиками однихъ еврейскихъ словъ съ другими (стр. 28—30). Мысль о первоначальномъ еврейскомъ текстѣ 3-й кн. Ездры примѣняется только къ среднимъ ея главамъ по нашей Библии (отъ III по XIV), которыя первоначально составляли особую книгу (стр. 16; 82—84), отдѣльную отъ двухъ начальныхъ и двухъ послѣднихъ, составлявшихъ также

¹⁾ *A. Scholz. Commentar zum Buche Judith. 1887. Uorrede.* Изъ этого комментарія видно, между прочимъ, какъ сложившіяся у изслѣдователя понятія сильно вліяютъ на самое изданіе библейскаго текста: въ приложенномъ къ комментарий критически провѣренномъ греческомъ текстѣ поставлены въ скобахъ, въ качествѣ позднѣйшихъ прибавленій, тѣ мѣста (IV, 3 и конецъ V, 18), которыя не читаются въ Вульгатѣ. Это показываетъ, какъ православнымъ библеистамъ нужно осторожно пользоваться даже православными изданіями библейскихъ текстовъ и какъ необходимы по этому для насъ собственныя изданія послѣднихъ.

особую книгу, сохранившуюся не въ полномъ составѣ (стр. 16; 92—94); въ славянской и русской Библии эти главы отнесены къ началу и къ концу книги согласно съ латинской Библией, съ текста которой сдѣланъ переводъ 3-й кн. Ездры. Во второй главѣ (стр. 34—94) подробно излагается содержаніе первой (гл. III—XIV) и второй (гл. I—II и XV—XVI) части этой кн. Ездры; при этомъ за основу принять латинскій текстъ, какъ древнѣйшій; въ первой части книги онъ послѣдовательно сравнивается съ эіопскимъ и арабскимъ переводами и пополняется по мѣстамъ послѣдними; вмѣстѣ съ этимъ указываются разности между ними, равно какъ отмѣчаются особенности славянскаго перевода. Изъ дополненій къ латинскому тексту, почерпнутыхъ авторомъ изъ другихъ древнихъ переводовъ, особенно замѣчательно по обширности то, которое относится къ VII гл. этой книги и занимаетъ мѣсто между 35 и 36 стихами. Этотъ пробѣлъ въ извѣстномъ тогда латинскомъ текстѣ, равняющійся цѣлой главѣ (83 стиха), авторъ передаетъ въ русскомъ переводѣ съ эіопскаго или—точнѣе съ латинскаго переложенія эіопскаго перевода. Въ немъ изображается посмертное состояніе благочестивыхъ и нечестивыхъ людей до времени послѣдняго суда (стр. 55—63). Въ 3-й главѣ, посвященной выясненію происхожденія, цѣли и значенія 3-й книги Ездры, доказывается то, что первая ея часть написана не въ христіанское (стр. 99—102), а въ до-христіанское время (104—130), хотя писателемъ ея не былъ исторически-извѣстный священникъ Ездра. Происхожденіе главъ отъ III-й по XIV въ ветхозавѣтное время доказывается, съ одной стороны, содержаніемъ излагаемыхъ въ нихъ вѣрованій и воззрѣній (относительно лица Мессіи, загробной жизни и особенно-высокаго значенія іудейскаго народа въ дѣлѣ божественнаго міроуправленія), которыя носятъ признаки ветхозавѣтныхъ вѣрованій и національныхъ іудейскихъ понятій, съ другой—содержаніемъ сообщаемаго писателемъ этой книги (гл. XI и XII) видѣнія трехглаваго орла и льва, которое объясняется авторомъ въ примѣненіи къ царствамъ Сиріи и Египта, образовавшимся изъ монархіи Александра Великаго, и къ іудейскимъ первосвященникамъ-вождямъ изъ рода Маккавеевъ; сообразно съ этимъ происхожденіе этой части книги отнесено авторомъ ко времени Маккавеевъ и именно Симона Маккавея (стр. 127—130)¹⁾; при этомъ

¹⁾ Сказанное у автора на стр. 146 о правленія «Симона Правед-

находящееся въ 3-й кн. Ездры сказаніе объ уничтоженіи священныхъ книгъ во время разрушенія Іерусалима Вавилонянами объясняется перенесеніемъ того, что было во время гоненія при Антиохѣ Епифанѣ, на предшествующее время (стр. 130; 155). Происхожденіе 2-й части книги отнесено къ христіанскому времени. Въ 4-й главѣ показано неодинаковое значеніе 3-й кн. Ездры въ древнее и позднѣйшее время (стр. 164; 188). Въ исторіи этой книги замѣчательно то, что, по словамъ автора, она «не включается въ списки св. книгъ ветхозавѣтныхъ ни въ писаніяхъ Отцевъ, ни въ правилахъ соборовъ лаодикійскаго и карфагенскаго, ни у Милитона Сардійскаго, ни въ каноническомъ посланіи св. Афанасія Александрійскаго, ни въ подобныхъ исчисленіяхъ св. книгъ у св. Григорія Богослова и св. Амфилохія Иконійскаго» (стр. 174).

Соч. г. Шаврова заслуженно пользуется у насъ почетною извѣстностью, какъ прекрасный трудъ по тщательному изученію избранной библейской книги и всестороннему, можно сказать, разсмотрѣнію ея на основаніи имѣвшихся въ то время пособій. Особенно оно важно по опредѣленію состава 3-й кн. Ездры, восстановленію полного ея текста, по разсмотрѣнію содержащихся въ ней возрѣній и объясненію нѣкоторыхъ трудныхъ для пониманія мѣстъ (стр. 147—157), равно какъ—и особенностей славян. перевода этой книги (стр. 9; 36; 114). Въ настоящее время средства для изученія 3-й книги Ездры значительно однако пополнились. Кромѣ названныхъ выше трехъ древнихъ переводовъ извѣстны нынѣ—еще сирскій и армянскій; латинскій текстъ пополненъ въ томъ мѣстѣ въ которомъ, сравнительно съ другими переводами, оказывался въ немъ большой пропускъ; недостававшая въ немъ, какъ и въ славяно-русскомъ переводѣ, часть текста найдена въ Аміенскомъ кодексѣ IX вѣка и издана (англійскимъ ученымъ Bensly) въ 1875 г., такъ что въ настоящее время имѣется полный латинскій текстъ 3-й кн. Ездры ¹⁾. Предположеніе, что III—XIV гл. первоначально написаны на еврейскомъ яз.,

нагоръ, какъ времени происхожденія 3-й кн. Ездры, представляетъ, по всей вѣроятности, обмолвку: Симонъ Праведный жилъ болѣе чѣмъ за 100 лѣтъ до Симона Маккавея и сознательно смѣшать ихъ не могъ, думается, авторъ.

¹⁾ См. *Schürer. Geschichte d. jüdischen Volkes. Dritter Band. 1898 г. стр. 246.*

въ недавнее время считавшееся не правдоподобнымъ, получило подтвержденіе въ изслѣдованіяхъ новѣйшаго времени ¹⁾. То, что эти главы написаны іудеемъ - еллинистомъ, проникнутымъ ветхозавѣтными вѣрованіями и іудейскими воззрѣніями, принимается равнымъ образомъ и современными библеистами. Защищаемое авторомъ мнѣніе о происхожденіи этихъ главъ во второмъ столѣтіи до Р. Хр. и вообще въ до-христіанское время, имѣетъ защитниковъ и между современными учеными ²⁾; большинство ихъ однако, объясняя видѣніе орла съ 3 головами въ примѣненіи къ римской имперіи со времени Цезаря, написаніе этой части 3-й кн. Ездры относитъ къ первому христ. вѣку, хотя, замѣтимъ, и это объясненіе въ нѣкоторыхъ частностяхъ возбуждаетъ серьезныя недоумѣнія ³⁾. Вообще нужно сказать, научное положеніе вопроса о происхожденіи первой части 3-й кн. Ездры таково, что твердаго, основаннаго на ясныхъ данныхъ, рѣшенія его пока не существуетъ. Христіанское происхожденіе второй части книги можетъ быть названо общепризнаннымъ.

Θ. Елеонскій.

¹⁾ *E. Kautsch*. Die Apokryphen und Pseudepigraphen d. Alt. Testam. 1900 г. В. II, стр. 383.

²⁾ Наприм., *Gilgenfeld* и *Gutschmid*.

³⁾ *Schürer*. Тамъ же, стр. 243.

Труды по изученію книгъ Ветхаго Завѣта. ¹⁾

Труды по Исагогикѣ.

ОБЩІЯ руководственныя свѣдѣнія о большей части учительныхъ книгъ В. Завѣта изложены въ «академическихъ чтеніяхъ» архим. *Михаила*, составляющихъ четвертую книгу «Библейской науки» (1900 г.; стр. 168). Предметомъ чтеній служили собственно каноническія изъ учительныхъ книгъ. Изложенію свѣдѣній о каждой изъ нихъ предпослано введеніе, заключающее краткую исторію еврейской поэзіи, указаніе общаго ея характера, содержанія, формы и главныхъ видовъ. Затѣмъ слѣдуетъ самое изложеніе свѣдѣній о поэтическихъ по формѣ, лирическихъ (= хвалебныхъ) или дидактическихъ (= учительныхъ) по содержанію, священныхъ книгахъ. Содержаніе этихъ свѣдѣній неодинаково, что находится въ зависимости отъ особенностей самыхъ книгъ и свойства вопросовъ, ими вызываемыхъ. Относительно кн. Іова изложены: предметъ, содержаніе (стр. 24—50), историко-поэтической характеръ книги, съ устраненіемъ при этомъ мнѣній, отрицающихъ историческую ея основу, но и съ нѣкоторымъ ограниченіемъ послѣдней (стр. 51—56),—единство писателя книги, съ разборомъ возраженій противъ этого (стр. 56—63); и наконецъ кратко указано время жизни Іова. Особенно хорошо изложено содержаніе книги чрезъ выясненіе главныхъ мыслей, выраженныхъ въ рѣчахъ Іова и его друзей,—чрезъ опредѣленіе ихъ сущности и оцѣнку ихъ значенія и дѣйствія на бесѣдующихъ (стр. 35—36; 38; 41—43;

¹⁾ См. „Хр. Чт.“ за Май 1901 г.

46—49). Вопросы о писателѣ книги, времени написанія и объ отношеніи ея къ другимъ ветхозав. книгамъ авторъ не касается. Въ чтеніяхъ о Псалтири (стр. 64—86) объяснены: названіе этой священной книги, общій характеръ и предметъ псалмовъ, надписанія ихъ, изъ коихъ обращено особенное вниманіе на одно (по евр. ламенаццеахъ), переведенное въ славян. Библии: *въ конецъ*, въ русской—*начальнику хора*; это надписаніе объяснено въ значеніи технического термина, обозначающаго особую игру на музыкальныхъ инструментахъ, «однообразную отъ начала до конца, безъ интермедій» (стр. 81—82). Относительно книги Притчей раскрыты: общій ея характеръ, раздѣленіе и содержаніе, единство писателя, образованіе настоящаго состава и дальнѣйшая судьба текста этой книги. Въ чтеніяхъ о кн. Екклесіаста (стр. 122—150) авторъ остановилъ вниманіе на ея названіи, раздѣленіи, содержаніи, общемъ міровоззрѣніи писателя и неодинаковомъ его пониманіи въ древнее и новое время; изъ различныхъ мнѣній объ этомъ принимается авторомъ то, по которому высшее (земное) благо Екклесіастъ полагалъ въ «радости, въ спокойномъ, умѣренномъ употребленіи земныхъ благъ, приобретаемыхъ трудами, и въ дѣланіи добра» (стр. 145); «но это есть относительное благо», замѣчаетъ авторъ съ новозавѣтной точки зрѣнія. Выясненію міровоззрѣнія Екклесіаста авторъ вполне цѣлесообразно удѣлилъ особое вниманіе и достигъ въ значительной степени такого пониманія указываемаго Екклесіастомъ блага, которое наиболѣе согласуется съ ветхозавѣтнымъ ученіемъ о божественномъ воздаяніи. Другой, не менѣе трудный въ научномъ отношеніи вопросъ о писателѣ книги Екклесіаста и времени ея происхожденія оставленъ безъ разсмотрѣнія. Излагая свѣдѣнія о Пѣсни Пѣсней авторъ, послѣ краткаго изложенія ея содержанія, останавливается исключительно на уясненіи общаго смысла этой книги, при чемъ замѣчаетъ три различныхъ ея пониманія и показываетъ наибольшую обоснованность аллегорическаго толкованія, какъ опирающагося на вполне согласныя свидѣтельства іудейской и христіанской церкви (стр. 155—161); самое содержаніе этого толкованія высказано однако въ самыхъ общихъ чертахъ и не раскрыто въ подробностяхъ.

Чтенія объ учительныхъ книгахъ составлены по сочиненію извѣстнаго нѣмецкаго библеиста, *Гедертника* ¹⁾; многія

¹⁾ *Hävernick*. Handbuch der historisch-kritischen Einleitung in das Alte Testament. Dritter Theil. 1849.

страницы составляютъ буквальный переводъ этого сочиненія, съ различными сокращеніями и дополненіями. Знакомство съ трудомъ названнаго протестантскаго библеиста, отличающимся научными достоинствами и положительнымъ вообще характеромъ въ дѣлѣ толкованія Библии, можетъ быть не бесполезнымъ для нашихъ соотечественниковъ. При этомъ можно пожалѣть только о томъ, что по мѣстамъ замѣчается неточность въ переводѣ ¹⁾, заставляющая при чтеніи обращаться къ нѣмецкому подлиннику; встрѣчаются и непріятныя опечатки ²⁾. На греческій и славянскій переводы учительныхъ книгъ обращено въ чтеніяхъ очень мало вообще вниманія.

То, что относительно этого разряда ветхозавѣтныхъ книгъ въ вышеназванныхъ чтеніяхъ раскрыто не достаточно или оставлено безъ разсмотрѣнія, восполнено въ сочиненіяхъ другихъ отечественныхъ авторовъ, каковы:

1., «Происхожденіе книги Іова. Библиологическое изслѣдованіе архим. *Филарета*, ректора и профессора кievской духовной академіи» (1872 г.). Это заглавіе сочиненія не вполне выражаетъ его содержаніе, которое въ дѣйствительности обнимаетъ всю совокупность педагогическихъ вопросовъ относительно кн. Іова. Послѣ обстоятельнаго предисловія, знакомящаго съ литературой, особенно новѣйшей, относящейся къ этой свящ. книгѣ, въ сочиненіи разсмотрѣны: содержаніе ея по переводу съ еврейскаго (безъ обращенія къ славянскому) въ подробномъ пересказѣ главныхъ мыслей, выраженныхъ въ книгѣ, — отношеніе ея къ другимъ ветхозавѣтнымъ книгамъ, — равнымъ обр. главная мысль книги и единство ея писателя. Съ особенною полнотою изложена въ сочиненіи вторая глава, представляющая сравненіе кн. Іова

¹⁾ Напрям., на стр. 129, при изложеніи содержанія кн. Екклесіаста, читается... „въ умѣ искать средствъ для земныхъ стяжаній“, между тѣмъ какъ сказанное у Геферника имѣетъ совершенно другой смыслъ: „въ мудрости находить замѣну земныхъ благъ“; на стр. 130 читается: „мудрый не долженъ проникать въ тайны высшихъ“, а слѣдовало бы перевести: „мудрый и въ тайнѣ не долженъ проклинать правителя“; далѣе на той же стран. читается: „упрочить свое благосостояніе“, а слѣдовало бы перевести: „заботиться о чистой и безграничной благотворительности“. Встрѣчаются и на другихъ стран. нѣкоторыя странныя выраженія; наприм., на 113, гдѣ въ словахъ: „произошло отъ Соломона“ пропущена, вѣроятно, частица: не.

²⁾ Напрям., на стр. 65 читается: масеппилъ вмѣсто: маскиль, на 120-й—гейтикъ вмѣсто: геетикъ, на 149-й—школѣ вмѣсто: шеолѣ, и т. п.

съ другими ветхоз. книгами. Это сравненіе ведется въ трехъ отношеніяхъ: по содержанію, изложенію и языку. Сравненіе кн. Іова въ первомъ отношеніи съ другими ветхоз. книгами, начиная съ кн. Бытія и оканчивая кн. прор. Малахія, со включеніемъ 1-й кн. Паралипоменонъ, привело автора къ признанію сходства между ними «въ мысляхъ, представленіяхъ, образахъ, выраженіяхъ и оборотахъ рѣчи» (стр. 97). Относительно происхожденія этого сходства авторъ, при сличеніи мѣстъ прочихъ ветхоз. книгъ съ параллельными мѣстами кн. Іова, пришелъ «къ убѣжденію, что первоначальность ихъ принадлежитъ не послѣдней, а тѣмъ книгамъ, и что авторъ (кн. Іова) воспроизводилъ ихъ въ своемъ твореніи по памяти, по вызову идей, входившихъ въ содержаніе его творенія» (стр. 117). Согласно съ этимъ выводомъ происхожденіе кн. Іова авторъ относитъ ко времени послѣ вавилонскаго плѣна, именно ко времени Нееміи и прор. Малахія, имѣя въ виду сходство нѣкоторыхъ мѣстъ кн. Іова съ псалмами послѣ-плѣннаго времени, — съ книгой прор. Захаріи относительно изображенія дѣйствій сатаны и съ книгой прор. Малахія (стр. 117—127). Разсматривая кн. Іова со стороны изложенія, авторъ характеризуетъ ее, какъ «философское разсужденіе» въ формѣ разговора (стр. 148—149), отличающееся «необыкновенною логическою стройностью» (стр. 150) и имѣющее вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое сходство съ «драмой, въ которой всѣ лица являются не только разсуждающими, но и дѣйствующими, чувствующими, стоящими въ жизненномъ отношеніи къ предмету своего разсужденія» (стр. 153). Этой внутренней стройности вполне соответствуетъ, по наблюденію автора, и внѣшняя форма построенія книги, отличающаяся замѣчательною художественностью съ слогѣ, подборѣ образовъ, трехчастномъ составѣ большихъ и малыхъ отдѣловъ книги и стихотворной рѣчи въ большей ея части (начиная съ 3-й гл. по 42, 6). Такое совершенство изложенія расположило автора также къ мысли о прохожденіи книги Іова «въ послѣднемъ періодѣ развитія еврейской письменности, до коего доходила она, не какъ плодъ вдохновенія пророческаго, а какъ произведеніе народнаго гениа» (стр. 168). Къ такому-же выводу привело наконецъ автора и основанное на указаніяхъ авторитетныхъ гебраистовъ свойство языка этой книги, какъ представляющаго въ своемъ составѣ такіа слова, которыя употреблялись

въ позднѣйшихъ произведеніяхъ еврейской литературы (стр. 170) и въ частности значительное число словъ, свойственныхъ только этой книгѣ и получившихъ свое происхожденіе изъ арамейскаго и арабскаго языковъ (стр. 175—182). «Такимъ образомъ, говоритъ авторъ, сравненіе кн. Іова съ прочими ветхозавѣтными книгами по содержанию, изложенію и языку приводитъ насъ къ заключенію, что она написана въ вѣкъ Ездры, Нееміи и прор. Малахія, т. е., около 400 г. до христіанской эры» (стр. 182).

Такой выводъ, при всей его обоснованности, не можетъ быть однако признанъ за дѣйствительно доказанный или хотя за наиболѣе правдоподобный. Даже въ важнѣйшемъ изъ доказательствъ, которое выдвигается на первый планъ (разумѣется сравненіе кн. Іова съ другими по содержанию) можно отчасти замѣтить слабыя стороны этихъ основаній, колеблющія ихъ устойчивость. Между приведенными авторомъ сходными въ кн. Іова и другихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ мѣстами—большая часть такихъ, о которыхъ на самомъ дѣлѣ нельзя сказать, заимствованы ли они писателемъ первой изъ послѣднихъ или—на оборотъ ¹⁾; трудно сказать даже и то, заимствованы ли многія изъ сравниваемыхъ выраженій изъ письменныхъ памятниковъ или почерпнуты изъ живой рѣчи. Есть, конечно, между сходными выраженіями такіа, которыя наводятъ на мысль объ извѣстности писателю кн. Іова другихъ ветхозавѣтныхъ книгъ; наприм., слова Елифаза Іову: *развѣ ты первымъ человекомъ родился и прежде холмовъ созданъ* (XV, 7) указываютъ, повидимому, на извѣстность говорящему сказаннаго въ Прит. (VIII, 25) отъ лица премудрости: *я родилась прежде, нежели воздужены были горы, прежде холмовъ*; по крайней мѣрѣ, при мысли о примѣненіи здѣсь къ Іову словъ Премудрости становится совершенно понятною сила насмѣшки со стороны друга надъ самоувѣренностью Іова, выразившейся въ произнесенныхъ передъ этимъ его рѣчахъ. «Развѣ ты сама премудрость, которая говоритъ о себѣ, что родилась прежде холмовъ», хотѣлъ сказать другъ Іова, обращаясь къ нему съ приведенными словами, какъ объясняетъ авторъ (стр. 66), причемъ «зависимость кн. Іова

¹⁾ Выраженіе неувѣренности самого автора относительно заимствования писателемъ кн. Іова реченій изъ другихъ книгъ служатъ встрѣчающееся у него замѣчаніе: «кто-то кому то подражаетъ» (стр. 60).

отъ Притчей, конечно, очевидна» (стр. 67). Но есть между приведенными параллельными мѣстами и такія, которыя не только возбуждаютъ сомнѣніе въ зависимости—относительно ихъ—кн. Іова отъ другихъ свящ. книгъ, но и указываютъ на самобытность ихъ у писателя этой книги и на существованіе ея прежде тѣхъ книгъ, въ которыхъ встрѣчаются сходныя выраженія. Таковы, наприм., слова (Іов. III, 3): *полюбни день, въ который я родился и ночь, которая сказала* ¹⁾: *зачался человекъ* ²⁾. По мнѣнію автора (стр. 82—83), эти слова Іова составляютъ подражаніе словамъ прор. Іереміи (XX, 14. 15): *проклятъ день, въ который я родился, день, въ который родила меня мать моя*. Съ такимъ взглядомъ на взаимное отношеніе этихъ мѣстъ трудно согласиться въ виду свойственныхъ каждому изъ нихъ особенностей. Слова Іова очень кратки, сильны и образны; слова пророка просты и ясны. Если бы первый говорилъ по подражанію второму, то при этомъ оставалось бы непонятнымъ то, откуда явилось у него несуществующее у втораго представленіе *ночи вмѣсто матери и—зачатія вмѣсто рожденія*. Предусматривая у своихъ читателей такое недоумѣніе, авторъ, правда замѣчаетъ: «говоря о ночи, авторъ (кн. Іова) выразился: и ночь, которая сказала: зачался человекъ. Этотъ не совсѣмъ естественный оборотъ ничѣмъ другимъ не можетъ быть изъясненъ, какъ желаніемъ удержать оборотъ второй части проклятія у Іереміи: проклятъ тотъ человекъ, который сказалъ отцу: у тебя родился сынъ» (стр. 83). Это объясненіе не дѣлаетъ однако яснымъ происхожденія своеобразной рѣчи Іова изъ словъ пророка, такъ какъ при этомъ остается непонятнымъ побужденіе, по которому писатель кн. Іова, опустившій, по взгляду автора, изъ тѣхъ же словъ пророка выраженіе: «который отцу принесть вѣсть» (стр. 82), захотѣлъ

¹⁾ Выраженіе: «которая сказала» представляетъ возможно близкую передачу еврейскаго текста, по которому говорящею здѣсь является ночь; слова: «которая» нѣтъ собственно въ евр. текстѣ; оно опущено по свойству стихотворной еврейской рѣчи и, какъ подразумеваемое, привносится при переводѣ на новыя языки; «евр. слово «который» опущено и въ первой половинѣ этихъ словъ. «Ночь говорящая» есть конечно олицетвореніе, встрѣчающееся нерѣдко и въ другихъ мѣстахъ кн. Іова, равно какъ и въ Псалтири.

²⁾ Или ближе, къ смыслу еврейскаго текста: *зачался «мужъ»*, дитя мужескаго пола; въ славян. В.: *мужескъ полъ*.

непрѣмѣнно удержатъ слѣдующее непосредственно за этимъ: «сказала», чему притомъ не вполне соответствуетъ выраженіе пророка ¹⁾. Взаимное отношеніе приведенныхъ словъ кн. Іова и пророка Іереміи дѣлается между тѣмъ болѣе понятнымъ, если за первыми признать оригинальность, самобытность, а за вторыми—подражаніе; зная слова Іова, пророкъ выразилъ ихъ смыслъ въ простой, обыкновенной формѣ рѣчи, замѣнивъ олицетвореніе «ночи зачатія» обычнымъ образомъ «раждающей матери». При такомъ болѣе правдоподобномъ объясненіи взаимнаго отношенія приведенныхъ мѣстъ, книга Іова должна была, конечно, существовать уже во время прор. Іереміи. Сознаніе этого возникало, повидимому, и у автора разсматриваемаго сочиненія, какъ это видно изъ его разсужденія, при сопоставленіи сходныхъ по содержанію словъ Іова XXI, 1—9 и Іерем. XII, 1—2. Въ томъ и другомъ мѣстѣ излагается обращенный къ верховному Міроправителю вопросъ о томъ, почему въ жизни людей нечестивыхъ не проявляется карающая божественная правда. Признавая и здѣсь зависимость писателя кн. Іова отъ кн. прор. Іереміи, авторъ считаетъ нужнымъ при этомъ предотвратить возраженіе противъ такого своего взгляда и съ этою цѣлью говорить: «но у Іереміи въ настоящемъ мѣстѣ обращаетъ на себя вниманіе начало главы: Праведенъ Ты, Іегова, чтобы я могъ судиться съ Тобою; только вотъ о чемъ спрошу Тебя: зачѣмъ путь нечестивыхъ... и проч. Іеремія, преслѣдуемый своими соотчичами, встрѣчается въ жизни съ тѣмъ же вопросомъ, какой занималъ Іова... Но Іеремія знаетъ уже напередъ, какъ бы по чьему-то опыту, что съ Богомъ судиться нельзя, потому что правда или правда всегда будетъ на Его сторонѣ. Потому не объясненія требуетъ отъ Іеговы, какъ Іовъ, а грознаго вниманія къ незаконнымъ, которые преслѣдуютъ его невиннаго» (стр. 83—84). Говоря: «Іеремія знаетъ уже напередъ, какъ бы чьему-то опыту, что съ Богомъ судиться нельзя», авторъ подразумѣваетъ, очевидно, извѣстность пророку книги Іова, представляющей отвѣтъ на занимающій пророка вопросъ, вслѣдствіе чего послѣдній измѣняетъ его постановку и проситъ не о разрѣшеніи своего недоумѣнія, а о наказаніи нечестивыхъ (XII, 3: *отдали ихъ, какъ овечь на закланіе*).

¹⁾ У пророка въ XX, 15 употреблено выраженіе: «что бы сказать», а не: «сказалъ» или «сказала».

Вытекающую при такомъ пониманіи словъ пророка мысль о существованіи кн. Іова въ его время, авторъ усиливается однако отклонить и основанія для этого указываетъ въ слѣдующемъ: «Іеремія, говоритъ онъ, могъ сказать это не въ виду какого-либо чужого опыта, а по убѣжденію смиреннаго и преданнаго Іеговѣ сердца своего. Если бы нужно было предостереженіе въ этомъ отношеніи, то могъ онъ получить его не изъ книги Іова, а изъ 142-го псалма Давидова, въ которомъ молится предъ Іеговою страдалецъ, находящійся въ подобномъ совершенно положеніи» (стр. 84). Такое объясненіе нельзя однако признать объясняющимъ въ достаточной степени, помимо книги Іова, нежеланіе пророка вступать въ преніе съ праведнымъ Богомъ относительно благоденствія нечестивыхъ. Это нежеланіе можетъ, безспорно, проистекать «изъ смиреннаго, преданнаго Іеговѣ сердца»; но подобное представленіе о состояніи пророка въ то время, когда онъ обращался къ Господу съ такими словами, совершенно не соотвѣтствуетъ, какъ указанію его въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ на свою непорочность предъ Богомъ (ст. 3: *А меня, Господи, Ты знаешь...*), такъ—и его требованію о наказаніи нечестивыхъ. Ссылка—затѣмъ—автора на Пс. 142-й не помогаетъ также дѣлу объясненія: въ начальныхъ словахъ 12-й гл. пророкъ, исповѣдуя божественную правду, отказывается судиться съ Богомъ изъ-за благоденствія нечестивыхъ; въ Пс. 142-мъ псалмопѣвецъ проситъ Господа о томъ, чтобы Онъ, Господь, не судилъ раба Своего, какъ совершенно изнемогающаго подъ тяжестью бѣдствій; псаломъ 142-й, какъ выражающій молитву псалмопѣвца о непримѣненіи къ нему суда божественной правды, не можетъ, конечно, служить объясненіемъ нежеланія пророка судиться съ Богомъ. А если сказанное у прор. Іереміи въ XII, 1—2 не находитъ достаточнаго объясненія ни въ душевномъ состояніи пророка, ни въ пс. 142-мъ, то изъ этого слѣдуетъ, что пророкъ, обращаясь къ Богу съ этими словами, имѣлъ предъ своими глазами поучительный опытъ неумѣстности вопрошенія Господа о причинѣ благоденствія нечестивыхъ, изложенный въ кн. Іова, которая слѣдовательно существовала уже во времена Іереміи.

Изъ этихъ замѣчаній отчасти видно, что и важнѣйшее изъ доказательствъ въ пользу мнѣнія о происхожденіи кн. Іова во времена Ездры и Нееміи не чуждо слабымъ сторонѣ.

Значеніе двухъ другихъ, намѣченныхъ выше, доказательствъ еще болѣе скромное; съ вѣднѣй стороны, это можно видѣть изъ того, что особенности изложенія и языка кн. Іова (по еврейскому тексту) не выдвигаются на видное мѣсто въ современныхъ изслѣдованіяхъ западныхъ библеистовъ ¹⁾. Въ виду этого принятое авторомъ рѣшеніе вопроса о времени происхожденія этой священной книги не можетъ, конечно, составлять положительнаго приобрѣтенія для отечественной науки, хотя независимо отъ этого выводъ автора, какъ научно-обоснованный, имѣетъ вообще не маловажное значеніе. И высокое въ духовно-учебной средѣ положеніе автора, и богатая свѣдѣніями аргументація, свидѣтельствующая объ усиленномъ изученіи предмета, даютъ достаточное основаніе думать, что проведенный въ соч. взглядъ на время происхожденія кн. Іова былъ не плодомъ только увлеченія иностранными сочиненіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и результатомъ собственныхъ изысканій, усиленно провереннымъ и продуманнымъ. Разностороннее изученіе библейской книги съ вѣднѣй и внутренней стороны привело автора къ устойчивому убѣжденію (стр. 247) въ томъ, что она явилась «въ концѣ Θεократіи» (стр. 330), что была «последнимъ словомъ (ветхозавѣтнаго) откровенія» (стр. 331), что изображенный въ пей великій страдалецъ жилъ не въ вѣкъ библейскихъ патріарховъ, а въ періодъ ассиро-вавилонскаго владычества (стр. 247; 261). Этотъ результатъ своихъ изысканій авторъ и изложилъ въ своемъ сочиненіи съ полною обстоятельностью и откровенностью. Выступая съ такимъ взглядомъ на время жизни Іова и происхожденіе книги его имени, явно расходящемся съ существующими у насъ понятіями объ этомъ, авторъ несомнѣнно предусматривалъ недоумѣнія, которыя возбудитъ его трудъ, и тѣмъ не менѣе онъ не измѣнилъ своего взгляда, не ослабилъ пунктовъ несходства съ обычными понятіями. Для устраненія недоумѣній, онъ ограничился только тѣмъ, что съ одушевленіемъ раскрылъ важное значеніе главной мысли, выраженной въ кн. Іова, какъ заключительнаго слова ветхозавѣтнаго откровенія (стр. 307—342). Если это разсужденіе, проливая нѣкоторый новый свѣтъ на достигнутый авторомъ выводъ, оставляетъ въ умѣ читателя мѣсто сомнѣ-

¹⁾ См., наприм., новѣйшія нѣмецкія введенія въ Ветхій Заветъ—Strack'a и E. König'a.

нію въ его вѣрности, то во всякомъ случаѣ выступающія въ сочиненіи убѣжденность и откровенность заслуживаютъ полной признательности со стороны всякаго, понимающаго тѣ условія, при которыхъ только можетъ развиваться дѣйствительная наука.

Кромѣ рѣшенія вопросовъ о времени жизни праведнаго Іова и происхожденія его книги, въ сочиненіи указаны данныя, свидѣтельствующія объ историческомъ характерѣ его личности (стр. 183—189), изложены свѣдѣнія о мѣстѣ его жительства (стр. 189—226)¹⁾, раскрыты главные пункты ученія или міровоззрѣнія Іова и его друзей (стр. 273—305), рассмотрѣны сужденія нѣкоторыхъ западныхъ библеистовъ относительно главной мысли кн. Іова (стр. 344—360) и возраженія противъ единства писателя книги (361—374). Всѣ эти свѣдѣнія и разсужденія составляютъ положительный вкладъ въ нашу библ. литературу. Замѣчательно также, укажемъ въ заключеніе, по ясности и обоснованности объясненіе известнаго классическаго мѣста въ XIX гл., ст. 25—29; существенный его смыслъ состоитъ, по автору, въ выраженіи твердой надежды Іова на то, что «Превысиренній Заступникъ явится наконецъ на землѣ, покажетъ его справедливость (по еврейскому тексту) и возстановитъ его здоровье (по греч. перев.)²⁾».

Книгѣ Іова, кромѣ архим. Филарета, посвящали еще свой трудъ *А. Бухаревъ* и *С. Писаревъ*. Сочиненіе перваго носитъ заглавіе: «Іовъ многострадальный. Обзорѣніе его времени и искушенія по его книгѣ» (1864 г., стр. 107). Задачу сочиненія авторъ ставитъ довольно широко и полагаетъ въ томъ, чтобы «послѣ предварительныхъ соображеній о происхожденіи книги Іова и внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни,

¹⁾ Говоря о мѣстѣ жительства Іова, авторъ входитъ въ разсмотрѣніе приписки къ его книгѣ, читаемой въ славянской Библіи послѣ XLIV, 17 (въ русскомъ Синодальномъ переводѣ эта приписка отсутствуетъ). По изслѣдованію автора, эта приписка, какъ сдѣланная изъ „Сирской книги“, не принадлежитъ къ переводу 70-ти; она внесена въ греческій текстъ кн. Іова не позже первой половины 2-го христ. вѣка; подл сирскою же книгою разумѣется еврейскій миѣрашъ (толкованіе), въ который вошло сказаніе, образовавшееся у александрійскихъ іудеевъ и смѣшавшее, по особымъ побужденіямъ, Іова съ идумейскимъ царемъ Іовавомъ, не смотря на неодинаковость еврейскаго начертанія ихъ именъ и изъ города Восоры сдѣлавшее имя матери Іова (стр. 251—261).

²⁾ Стр. 279—287.

во 1-хъ, войти во внутренній характеръ времени Иова и его жизненнаго поприща и отсюда объяснить, что вообще за тайна совершалась въ жизни и злостраданіяхъ Иова и раскрывалась въ бесѣдахъ съ друзьями, затѣмъ, во 2-хъ, прослѣдить все содержаніе книги и особенно все собесѣдованіе съ друзьями..., такъ чтобы, въ 3-хъ, божественно-питическое и учительное значеніе книги видно было наконецъ само собою» (стр. 3—4). По внутреннимъ признакамъ, находящимся въ кн. Иова, авторъ относитъ ея происхожденіе ко времени до Моисеева законодательства (стр. 4) и написаніе ея приписываетъ самому Иову (стр. 5—6), который по времени жизни признается современникомъ библейскихъ патриарховъ; при этомъ, указанная выше приписка въ концѣ книги называется «достойною довѣрія» (стр. 8—9). Характеръ времени, когда жилъ Иовъ, на основаніи его книги опредѣляется, какъ такой, когда «человѣкъ еще живо ощущалъ и сознавалъ Духъ Божій въ ноздряхъ своихъ» (стр. 11), когда въ людяхъ было еще много «останковъ первобытной жизни и силы» (—14—19), проявляющихся особенно въ высокихъ качествахъ души самого страдальца (19—30). Слѣдующее затѣмъ изложеніе содержанія книги представляетъ рядъ размышленій о внутреннемъ смыслѣ и значеніи того, что по волѣ Господа, желающаго явить свою славу въ праведникѣ (стр. 33), испыталъ отъ духа злобы на самомъ ему близкомъ, окружавшемъ его, и на самомъ себѣ, что онъ перенесъ отъ друзей своихъ и услышалъ отъ Самого Господа. Эти размышленія, проникнутыя духомъ христологіи, составляютъ лучшую часть книжки. Предыображеніе и чаяніе обѣтованнаго Избавителя усматриваетъ авторъ и въ событіяхъ жизни Иова, и въ его изреченіяхъ. «Воля Божія объ Иовѣ, говорится, на примѣръ, состояла въ томъ, чтобы возвести этого великаго праведника въ свѣтлый и живой образъ Христа, давая Иову изъ такой дали время войти по возможности въ духъ и силу Христова терпѣнія, страданія, смерти и воскресенія, въ Христово ощущеніе оставленія на крестѣ отъ самаго Отца и въ Христово торжество надъ человѣкоубійственнымъ врагомъ» (стр. 36; 40; 43; 65 и др.). Слова Иова въ XIX, 25 авторъ объясняетъ въ смыслѣ «чистаго, блаженнаго упованія на небесную благодать грядущаго Искупителя, имѣющаго оправдать и прославить его» (стр. 58—59). Особый внутренній смыслъ рѣчей Еліуя, сравнительно съ рѣчами трехъ друзей Иова, раскрыть однако

довольно слабо (стр. 28; 74—75). Излагая въ 3-й гл. руководственное значеніе книги Іова, авторъ указываетъ на церковное ея употребленіе, извлекаемые изъ нея нравственныя уроки, напр., урокъ «неразумнымъ и жестокимъ ревнителямъ за Бога и Его правду» (стр. 100) и даваемыя ею пособія къ пониманію ветхозавѣтной исторіи. — Хотя нѣкоторые взгляды автора являются недостаточно провѣренными, наприм., относительно времени написанія кн. Іова или сдѣланной къ ней приписки изъ «Сирской книги», а способъ выраженія страдаетъ недостаткомъ ясности и выработанности, при всемъ томъ это небольшое сочиненіе представляетъ хорошее восполненіе къ существующимъ у насъ исagogическимъ трудамъ о книгѣ Іова, выражая цѣлостно, съ любовью къ божественной истинѣ и посильнымъ проникновеніемъ въ смыслъ ея вѣщаній, прежнее, унаслѣдованное отъ предковъ воззрѣніе на время происхожденія этой священной книги.

Соч. г. *Писарева* о кн. Іова явилось въ видѣ журнальныхъ статей въ «Правосл. Обзорѣніи» (за 1864 г., т. XV, стр. 217—235; 363—375; за 1865 г., т. XVII, стр. 1—19). Въ нихъ изложены: содержаніе, главная мысль книги и время ея написанія. Содержаніе изложено по переводу съ еврейскаго, безъ обращенія къ славянскому; относительно точнаго смысла словъ XIX, 25—29 авторъ не входитъ въ обстоятельное разсужденіе, ограничиваясь указаніемъ общей мысли, «что Іовъ выражаетъ здѣсь увѣренность въ своемъ спасеніи, въ своемъ искупленіи, если и не знаетъ, какъ и когда оно послѣдуетъ; онъ знаетъ только одно..., что оживетъ, путемъ ли исцѣленія отъ болѣзни, или путемъ воскресенія», или, какъ болѣе опредѣленно говорится въ другомъ мѣстѣ, Іовъ выражаетъ надежду увидѣть Бога послѣ смерти» («Прав. Обзор». т. XVII, стр. 16), изъ чего видно, что авторъ наиболѣе склоняется въ пользу того пониманія словъ Іова, по которому въ нихъ выражена надежда вѣчной жизни съ Богомъ. При опредѣленіи главной мысли книги или цѣли, съ какою она написана, отклоняется какъ взглядъ тѣхъ, которые находятъ се въ «безусловной покорности конечнаго существа предъ Богомъ», такъ—и пониманіе тѣхъ, по мнѣнію которыхъ въ кн. Іова раскрывается та истина, что «страданія благочестиваго человѣка имѣютъ цѣлью искоренить остающійся въ немъ грѣхъ, возбудить сознаніе грѣховности и смиреніе покаянія». вмѣсто этого главная мысль указывается въ томъ,

«что есть страданія, которыя посылаются на человѣка ради славы Божіей»; сходно съ этимъ по существу опредѣляется главная мысль книги и въ соч. архим. Филарета. Рѣчи Іова и его друзей служатъ къ тому, чтобы «устранить ложное разрѣшеніе вопроса» о причинѣ его страданій». Изъ различныхъ мнѣній о времени происхожденія этой книги авторъ останавливаетъ вниманіе на трехъ, изъ которыхъ однимъ признается она самую древнюю изъ вѣтхоз. книгъ и приписывается самому Іову, другимъ—написаніе ея переносится на другой конецъ вѣтхоз. исторіи, на періодъ послѣплѣнный, по третьему—полагается это написаніе въ срединѣ между этими двумя крайними концами,—во время Соломона. Разборъ этихъ мнѣній, не отличающійся, въ виду назначенія статей, подробностями, хотя и не лишенный мѣткихъ замѣчаній¹⁾, сводится къ тому, что болѣе правдоподобнымъ признается послѣднее мнѣніе, причѣмъ написаніе книги не приписывается самому Соломону; въ основѣ ея полагается историческое преданіе, шедшее изъ глубокой древности, къ которой принадлежитъ личность Іова. Такой взглядъ на время написанія книги основывается на сходствѣ ея съ другими библейскими памятниками вѣтхозавѣтной мудрости, процвѣтавшей въ эпоху Соломона, отличающуюся богатствомъ знаній и выработанностью еврейскаго литературнаго языка, и въ частности на особенной близости съ псалмами Давидо-Соломонова времени и съ Притчами. Изъ своихъ пособій авторъ особенно указываетъ на ст. *Gods* въ *Revue Chretienne* 1860 г.²⁾

Такимъ образомъ относительно кн. Іова наша литература имѣетъ три, хотя неравноцѣнныхъ по богатству свѣдѣній и обработкѣ ихъ, сочиненія, въ которыхъ представлены три важнѣйшія изъ существующихъ въ обще-христіанской литературѣ рѣшенія вопроса о времени написанія этой книги. Какое изъ нихъ ближе къ истинѣ и имѣетъ на своей сторонѣ болѣе основаній, это можетъ быть достигнуто только посредствомъ научнаго разбора cadaго изъ нихъ. Въ на-

1) Наприм., противъ мнѣнія о происхожденіи кн. Іова въ послѣплѣнное время замѣчено: „Сильныя лиострофы и энергическіе протесты Іова показались бы богохульствомъ для современниковъ Еадры-Неемин“ („Прав. Обзор.“ т. XVII, стр. 12).

2) Эта статья извѣстнаго библевста вмѣстѣ съ другими общедоступными его статьями по Вѣтхому и Новому Завѣту издава въ мѣсяцномъ переводѣ, подъ заглавіемъ: *Bibelstudien von J. Godet. Th I—II. 1888.*

стоящее время отечественная литература не имѣтъ, сколько намъ извѣстно, такого разбора, хотя онъ весьма нуженъ для всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ возможности или времени для самостоятельнаго занятія этимъ предметомъ.

2., «О происхожденіи Псалтири. Изслѣдованіе священника Н. Вишнякова» (1875 г.). Согласно съ заглавіемъ сочиненія, представляющаго объемистую книгу (VI + 549 стр.), главнымъ предметомъ его служить рѣшеніе двухъ вопросовъ: кѣмъ и когда составлены священныя пѣсни Псалтири, какъ и когда получила послѣдняя свой настоящій составъ. Рѣшенію ихъ авторъ предпослалъ — въ предисловіи — обзоръ древнеотеческой и нашей отечественной литературы относительно этой священной книги, а затѣмъ — въ первой части сочиненія — очеркъ исторіи ветхозавѣтнаго псалмопѣнія (стр. 36—86). Въ обзорѣ литературы авторъ не ограничивается названіями писателей и ихъ сочиненій, но кратко указываетъ особенности и значеніе послѣднихъ въ дѣлѣ объясненія Псалтири. Изъ отечественныхъ трудовъ онъ признаетъ наиболѣе важными и полезными — «Толкованіе на книгу псалмовъ» *Ириней*, архіеп. Псковскаго, — «Толкованіе на первые 36 псалмовъ» Арсенія, митроп. Кіевскаго, объясненія нѣкоторыхъ псалмовъ, напечатанныя въ «Воскресн. чтеніи» 1872 г., признаваемыя «образцами общедоступнаго объясненія» (стр. 31) и наконецъ трудъ свящ. *М. Боголюбскаго*: «Замѣчанія на текстъ Псалтири по переводу 70-ти и славянскому», въ которомъ путемъ сличенія древнихъ текстовъ и отеческихъ толкованій опредѣляется правильный смыслъ неясныхъ мѣстъ славянской Псалтири и дается новый ясный и понятный переводъ ихъ» (стр. 31—32). Въ очеркѣ исторіи ветхозавѣтнаго псалмопѣнія намѣчены, между прочимъ, времена возвышенія священной поэзіи съ объясненіемъ внутреннихъ и вѣшнихъ причинъ этого и съ указаніемъ являвшихся новыхъ священныхъ пѣсней; такія указанія очень полезны для преподавателей Священной Исторіи, давая имъ право пользоваться псалмами для объясненія внутреннихъ, духовныхъ движеній въ средѣ израильскаго народа въ знаменательныя эпохи его исторіи. Очеркъ оканчивается временемъ Ездры—Нееміи. Мнѣнія о существованіи въ Псалтири такъ называемыхъ Маккавейскихъ псалмовъ, допускавшагося нѣкоторыми изъ отечественныхъ библиистовъ, авторъ не принимаетъ (стр. 83—86) и направляетъ противъ него рядъ замѣчаній въ главномъ отдѣлѣ

своего сочиненія, носящемъ заглавіе: «Писатели и время происхожденія пѣсней Псалтири (стр. 87—514). Здѣсь вопросъ о писателяхъ и времени написанія псалмовъ подвергнутъ весьма обстоятельному разбору и въ цѣломъ и въ частности, и съ положительной стороны—черезъ раскрытіе основаній для отнесенія происхожденія отдѣльныхъ псалмовъ или группъ ихъ къ тому, а не другому времени, и отчасти—съ отрицательной стороны—черезъ разборъ мнѣній, которыми происхожденіе псалмовъ приурочивается къ болѣе позднимъ вообще временамъ. Общій вопросъ о томъ, кѣмъ написана книга псалмовъ, находившій неодинаковый отвѣтъ у древнихъ Отцевъ и учителей христіанской Церкви, рѣшается на достаточныхъ основаніяхъ (стр. 91) въ томъ смыслѣ, что составляющія Псалтирь священныя пѣсни принадлежатъ не одному царю и пророку Давиду, а и другимъ, современнымъ ему и позднѣйшимъ его, писателямъ, и что названіе ея «Давидовою» или просто «Давидомъ» выражаетъ только особое, высокое значеніе Давида, какъ самаго славнаго изъ ветхозавѣтныхъ пѣснописцевъ или какъ «отца священнаго пѣснопѣнія евреевъ.» (стр. 89). При разсмотрѣніи вытекающаго отсюда дальнѣйшаго, весьма труднаго въ научномъ отношеніи, вопроса о томъ, какіе изъ псалмовъ написаны Давидомъ и какіе другими лицами, авторъ за основаніе принялъ, во 1-хъ, надписанія псалмовъ, находящіяся главнымъ образомъ въ еврейскомъ текстѣ (стр. 100) и отчасти въ греческомъ переводѣ 70-ти и другихъ древнихъ переводахъ (стр. 101; 266), и, во 2-хъ,—содержаніе псалмовъ; послѣднее вмѣстѣ съ особенностями еврейскаго языка и другими сохранившимися свидѣтельствами служитъ главнымъ основаніемъ для опредѣленія времени происхожденія псалмовъ, неимѣющихъ надписаній (стр. 101—102). Устранивъ возраженія противъ достовѣрности надписаній (стр. 123—132), авторъ признаетъ послѣднія весьма древними, получившими свое происхожденіе или отъ самихъ писателей псалмовъ (стр. 134) или отъ собирателей ихъ, имѣвшихъ для этого достовѣрные историческіе памятники (стр. 135). Въ доказательствѣ древности надписаній и независимости происхожденія ихъ отъ догадокъ и соображеній, основанныхъ на содержаніи псалмовъ, авторъ указываетъ на то, что нѣкоторые изъ псалмовъ, надписанныхъ именемъ Давида, имѣютъ такое общее содержаніе, которое само по себѣ не могло навести

на мысль о тѣхъ поводахъ къ написанію ихъ, какіе указаны въ ихъ надписаніяхъ (стр. 130—135), и что самыя надписанія многихъ псалмовъ Давида состоятъ изъ такихъ еврейскихъ рѣченій, которыя уже для 70-ти толковниковъ были непонятны, изъ чего естественно заключить къ большому количеству времени, отдѣляющаго составленіе этихъ подписаній отъ времени происхожденія этого перевода; еслибы надписанія составлены были, какъ думаютъ нѣкоторые, во времена Ездры, отдаленныя отъ перевода 70 ти небольшимъ-сравнительно-временемъ (около 150 гг.), то при этомъ было бы непонятно то, какимъ образомъ точный смыслъ ихъ не сохранился до времени переводчиковъ (стр. 148—156). И то и другое основанія имѣютъ, безспорно, положительное значеніе. Ближайшимъ же подтвержденіемъ достовѣрности надписаній псалмовъ по еврейскому тексту служитъ самое содержаніе большей части послѣднихъ, раскрытіе чего составляетъ важнѣйшій предметъ второй части сочиненія. Разсмотрѣніе содержанія псалмовъ въ этомъ отношеніи проведено черезъ всю Псалтирь или по группамъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ однородныхъ псалмовъ, или отдѣльно, относительно единичныхъ священныхъ пѣсней. При этомъ авторъ, сопоставляя содержаніе псалмовъ съ извѣстными исторически обстоятельствами лицъ, названныхъ въ надписаніяхъ, находитъ или ясныя, опредѣленныя черты соотвѣтствія между тѣми и другими, или — менѣе ясныя и уловимыя, или — такія, которыя на первый взглядъ представляются несоотвѣствующими указаннымъ лицамъ и обстоятельствамъ. Въ первомъ случаѣ авторъ справедливо видитъ въ содержаніи псалмовъ подтвержденіе достовѣрности надписаній и, основываясь на двухъ свидѣтельствахъ (надписаній и содержанія), съ положительностью приписываетъ написаніе псалмовъ тѣмъ лицамъ и въ тѣ времена, которыя указаны въ надписаніяхъ, наприм. псалмовъ 89; 8; 14; 23; 100; 6; 31; 37; 142 и др. Относительно псалмовъ втораго рода, которыхъ наибольшее число, авторъ, не находя въ ихъ содержаніи замѣтныхъ признаковъ времени ихъ происхожденія, указываетъ послѣднее предположительно, «не выходя «изъ историческихъ границъ, опредѣленныхъ свидѣтельствомъ надписаній» (стр. 165; 178—179; 204—205; 211; 217 и др.) Относительно псалмовъ третьаго рода авторъ старается вызываемыя ихъ содержаніемъ недоумѣнія устранить путемъ правильнаго толкованія

выраженій, возбуждающихъ недоумѣнія, и — разбора дѣлаемыхъ различными библейстами выводовъ (стр. 135—137; 171—173; 180—188; 230—235 и мн. др.). Нѣкоторые псалмы, написанные въ евр. текстѣ именемъ Давида и не заключающіе въ своемъ содержаніи никакихъ указаній на событія его времени (Пс. 18; 28; 102; 138 и 144) приписаны отцу псалмопѣнія на основаніи доказанной вѣрности другихъ надписаній по этому тексту (стр. 259—263). Кромѣ надписаній по евр. тексту авторъ придаетъ руководственное значеніе и нѣкоторымъ надписаніямъ, находящимся только въ спискахъ греческаго перевода 70-ти и другихъ древнихъ переводовъ, согласно съ которыми приписываетъ также Давиду написаніе пяти Псалмовъ (2; 1; 32; 70 и 103), подтверждая свидѣтельство надписаній новозавѣтными указаніями, а отчасти — содержаніемъ псалмовъ и историко-богословскими соображеніями (стр. 266—284). Согласно съ надписаніями еврейскаго текста, хотя несходными здѣсь съ греческимъ — 70-ти, авторъ приписываетъ царю Соломону два Псалма (71 и 126), доказывая особенностями содержанія ихъ наибольшую вѣроятность происхожденія ихъ отъ ц. Соломона (стр. 285—300), и сверхъ того, независимо отъ надписаній какого-либо текста, — одинъ безымянный псаломъ, изъ числа *тысяей степеней* (131-й), относимый многими библейстами древняго и новаго времени къ послѣднѣнному періоду. Основаніемъ для этого, и — достаточно устойчивымъ, служить содержаніе псалма вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ кн. Паралипоменонъ (стр. 301—309). На тѣхъ же основаніяхъ, т. е., по надписаніямъ еврейскаго текста и отчасти — греческаго перевода 70-ти, авторъ приписываетъ 12-ть (49-й и отъ 72-го по 82-й) псалмовъ Асафу, славному пѣвцу Давидова времени (5-ть псалмовъ) и его потомкамъ (7-мъ пс.), жившимъ при различныхъ іудейскихъ царяхъ и скрывшимъ свои личныя имена въ имена своего славнаго предка (стр. 309—368). Противъ мнѣнія о происхожденіи нѣкоторыхъ изъ этихъ псалмовъ въ болѣе позднее время направлены краткія и болѣе подробныя замѣчанія, основанныя на содержаніи псалмовъ; съ особенною обстоятельностью рассмотрѣно и, можно сказать, опровергнуто это мнѣніе относительно псалма 82-го (стр. 327—337), — 73-го и 78-го (стр. 347—368). Псалмы 87-й и 88-й признаются, съ вѣроятностью, принадлежащими, согласно съ надписаніями ихъ, Еману и Евану или Идиѳуну Езрахитамъ, славнымъ

левитскимъ пѣвцамъ Давидова времени, которыхъ авторъ отождествляетъ съ соименными имъ мудрецами времени Соломона (3 цар. IV, 31). Десять псалмовъ, написанныхъ въ еврейскомъ текстѣ (не сходно, какъ думаетъ авторъ съ переводомъ 70-ти) именемъ сыновъ Кореевыхъ, и одинъ — (42-й) безъ надписанія приписаны авторомъ членамъ этой фамиліи, скрывшимъ также свои личныя имена подъ общимъ фамильнымъ наименованіемъ (стр. 381—430). При этомъ обстоятельному разбору подвергается мнѣніе о Маккавейскомъ происхожденіи псалмовъ: 43-го (стр. 398—406) и 84-го (—426—430); а опредѣляя время написанія псалма 44-го, авторъ даетъ продуманное раскрытіе исторической его основы и мессіанскаго значенія (—407—415). — Относительно прочихъ 43-хъ псалмовъ, надписанія которыхъ по евр. тексту не содержатъ именъ писателей, авторъ не находитъ ни въ содержаніи ихъ, ни въ преданіи, представляемомъ надписаніями греческаго—70-ти и другихъ древнихъ переводовъ, достаточныхъ основаній для указанія именъ ихъ писателей и ограничиваетъ свою задачу приблизительнымъ опредѣленіемъ времени ихъ происхожденія (стр. 430—431), что и выполняетъ вообще съ успѣхомъ (см., наприм., о Пс. 65 и 66-мъ, стр. 431—437), рассматривая содержаніе этихъ псалмовъ, въ порядкѣ времени ихъ происхожденія, начиная съ болѣе древнихъ и оканчивая позднѣйшими — «пѣснями степеней», отнесенными ко времени возвращенія іудейскаго народа изъ вавилонскаго плѣна (стр. 506).

Въ этомъ отдѣлѣ сочиненія обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, то утвержденіе автора, что псалмы 92—99-й составлены подъ вліяніемъ пророчествъ Исаи (гл. XL—LXVI) и что если въ надписаніяхъ ихъ по греко-славянскому переводу читается имя Давида, то это не даетъ достаточнаго основанія приписывать написаніе ихъ отцу псалмопѣнія; самыя важныя, повидимому, основанія въ пользу происхожденія псалмовъ 94 и 95-го отъ Давида съ основательностью устранены авторомъ (стр. 443—447), причемъ выясненъ, согласно съ чтеніемъ перевода 70-ти, точный смыслъ сказаннаго въ 1 Парал. XVI, 7. Происхожденіе самыхъ позднихъ изъ находящихся въ Псалтири псалмовъ, какими признаются 145—150-й, авторъ относитъ къ временамъ Ездры—Нееміи (стр. 483—494), а находящіяся въ греко-славянскомъ текстѣ надписанія надъ ними, заключающія имена *Анелъ и Захаріи*, объясняются въ смыслѣ указаній на время, «въ какое эти

псалмы наиболѣе пользовались извѣстностью, или точнѣе — на время богослужебнаго употребленія ихъ» (стр. 489); при этомъ авторъ пользуется этими надписаніями, какъ своего рода свидѣтельствами о существованіи псалмовъ во время послѣднихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ (стр. 489—494).

Вопросъ о томъ, какъ образовался нынѣшній составъ Псалтири, служить предметомъ 3-го отдѣла сочиненія (стр. 515—549). Разсматривая особенности, наблюдаемыя въ порядкѣ слѣдованія псалмовъ и состоящія въ томъ, что одни псалмы являются расположенными по порядку писателей, а другіе — безъ соблюденія этого, авторъ останавливается на томъ предположеніи, что настоящему собранію псалмовъ предшествовало нѣсколько «меньшихъ собраній» (стр. 521). Важнѣйшимъ подтвержденіемъ для этого служитъ находящееся послѣ 71-го псалма замѣчаніе (: «кончились молитвы Давида, сына Иессеа»), которое могъ сдѣлать собиратель не всей Псалтири, а нѣкоторой ея части (стр. 523). Не находя данныхъ для опредѣленія состава и времени образованія этихъ меньшихъ сборниковъ, авторъ признаетъ наиболѣе вѣроятнымъ то, что они составлялись съ богослужебною цѣлью въ хорахъ левитскихъ пѣвцовъ, что по различію этихъ хоровъ первоначально они не были вполнѣ сходны между собою, что съ теченіемъ времени пополнялись, какъ псалмами, вновь составленными, такъ и такими, которые находились въ сборникѣ другого хора; при этомъ могло быть и то, думаетъ авторъ, что «историческія обстоятельства возбуждали иногда особенное вниманіе къ нѣкоторымъ изъ пѣсней древнѣйшаго происхожденія, которыя по содержанію соответствовали потребностямъ времени и тѣмъ вызывали усиленное употребленіе ихъ при богослуженіи» (стр. 531), вслѣдствіе чего эти пѣсни были приняты въ составъ новыхъ сборниковъ и уже вмѣстѣ съ псалмами позднѣйшаго времени вошли въ составъ послѣдняго общаго собранія Псалтири; этимъ объясняетъ авторъ положеніе нѣсколькихъ псалмовъ Давида въ послѣдней части Псалтири, вдали отъ главной ихъ группы въ первой ея части. Окончательное собраніе псалмовъ, составленное на основаніи прежнихъ отдѣльныхъ сборниковъ, приписывается священнику Ездру на основаніи древняго церковнаго преданія, самаго состава Псалтири, носящаго на себѣ слѣды дѣятельности «одного послѣднѣйшаго собирателя», равно какъ свидѣтельствъ другихъ ветхозавѣтныхъ книгъ (стр. 534—546).

То, какъ предметъ сочиненія, очерченный въ главныххъ своиххъ положеніяхъ, разсмотрѣнь и обслѣдованъ, ясно показываетъ, что авторъ къ выполненію своей трудной задачи приготовился путемъ обширнаго ознакомленія и съ твореніями Отцевъ-учителей церкви, и съ сочиненіями отечественныхъ библеистовъ и иностранныхъ, ссылки на которыя составляютъ главнымъ образомъ содержаніе многочисленныхъ подстрочныхъ, замѣчаній. Знакомство автора съ отечественной литературой простирается на сочиненія не только ближайшаго, но и болѣе отдаленнаго времени, какова, наприм. «Кіевская Псалтирь» 1715 г., въ которой онъ нашеть сходное съ своимъ пониманіемъ толкованіе (стр. 200). И это знакомство не есть простая только начитанность, а изученіе, соединенное съ оцѣнкою существующихъ въ литературѣ мнѣній, съ разборомъ основаній и значенія ихъ. Высоко цѣня отеческія творенія и руководясь вообще ими, авторъ по нѣкоторымъ второстепеннымъ вопросамъ, не имѣвшимъ важнаго значенія для древнихъ церковныхъ толкователей Писанія, высказываетъ независимыя отъ нихъ сужденія, приводя въ подтвержденіе послѣднихъ серьезныя основанія (см., наприм., стр. 94—97; 227—229; 294; 296; 385; 442 и др.). Ссылаясь часто на труды отечественныхъ библеистовъ, особенно на толкованіе архіепископа Иринейя (стр. 183; 189; 471 и др.), авторъ далеко не всегда соглашается однако съ нимъ при рѣшеніи особенно вопроса о томъ, есть ли въ Псалтири псалмы Маккавейскаго времени (стр. 215; 227; 347; 369, 433 и др.). Нерѣдко ссылается авторъ и на западно-христіанскихъ библеистовъ, какъ представляющихъ полезное пособіе при уясненіи того или другого предмета (стр. 46; 105; 144; 211; 265 и др.), но столь же нерѣдко и не соглашается съ ними и направляетъ противъ ихъ мнѣній свои замѣчанія или обстоятельныя критическія разборы (стр. 100; 139; 389—394; 455; 460; 469—475 и др.). Большое знакомство съ литературой предмета не только не подавило мысли автора, но обогатило ее, сдѣлало болѣе разборчивою, зрѣлою и устойчивою. Свою главную задачу—опредѣлить, по возможности, время происхожденія священныхъ пѣсней Псалтири—авторъ выполнилъ опытною рукою, умѣющею соединять вѣру съ знаніемъ, церковное преданіе — съ научнымъ толкованіемъ. Многія сдѣланныя авторомъ опредѣленія писателей и времени написанія псалмовъ обоснованы на такихъ дан-

ныхъ, которыя сообщаютъ имъ устойчивость и дѣлаютъ ихъ убѣдительными. Нѣкоторыя только изъ разсужденій автора могутъ возбуждать въ читателѣ тѣ или другія недоумѣнія или сомнѣнія въ ихъ правильности. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Разсуждая о писателяхъ псалмовъ: 87-го и 88-го—Еманѣ и Еванѣ Езрахитахъ ¹⁾, авторъ утверждаетъ, что они—«тѣ же Езрахиты, которыя упоминаются въ 3 кн. Царствъ (IV, 31) вмѣстѣ съ Халколомъ и Дардою, сынами Махола» и что писатель 1-й кн. Паралипоменонъ (II, 3--6) «считалъ ихъ... потомками Іуды и прямо внесъ ихъ въ родословіе колѣна Іудина подъ именемъ сыновей Зары» (стр. 369 — 370). При чтеніи этого совершенно естественно можетъ возникнуть такое недоумѣніе: на чемъ основывается то и другое утвержденіе автора? Что писатели псалмовъ тождественны съ названными въ 3-й Царствъ Еваномъ Езрахитомъ и Еманомъ, единственнымъ для этого основаніемъ служить одинаковость именъ ихъ и прозвища перваго изъ нихъ; а такое основаніе, очевидно, недостаточно для отождествленія тѣхъ и другихъ, что само собою понятно въ отношеніи одинаковости именъ, неменѣе обычной въ древнѣе время, чѣмъ и въ настоящее; одинаковость прозвища у соименныхъ—писателя псалма и мудреца—можетъ, конечно, располагать пытливую мысль къ догадкѣ объ единствѣ личности того и другого; но довѣріе къ этой догадкѣ ослабляется тѣмъ, что писатель книги Царствъ не приложилъ того-же прозвища къ имени другого, рядомъ съ нимъ названнаго мудреца (Емана), который слѣдовательно не носилъ этого прозвища, а потому не можетъ быть смѣшиваемъ съ соименнымъ ему писателемъ псалма—Езрахитомъ. Во всякомъ случаѣ мысль о тождествѣ тѣхъ и другихъ есть не болѣе, какъ догадка, а нечто-либо несомнѣнное, какъ полагаетъ авторъ (стр. 369). Еще меньше основаній для усвоенія писателю кн. Паралипоменонъ представленія объ Еманѣ и Еванѣ Езрахитахъ и одноименныхъ съ ними мудрецахъ, съ которыми сравнивается Соломонъ, какъ о внукахъ патриарха Іуды; основаніе здѣсь собственно одно—тожество именъ; прозвища «Езрахиты» писатель кн. Паралипоменонъ совсѣмъ не усвоитъ внукамъ Іуды; если они, какъ сыновья Зары (по-еврейски—

¹⁾ Въ греко-славянскомъ переводѣ они названы вмѣсто Езрахитовъ «ошибочно» (стр. 369) *Израильтянами*.

Зераха) могли быть названы Езрахитами, то это прозвище въ смыслѣ отчества должно было принадлежать имъ вмѣстѣ съ тремя другими сынами Зары и ихъ потомками, а между тѣмъ ни въ кн. Паралипоменонъ, ни въ другихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ оно не встрѣчается въ родословіяхъ Іудина колѣна. Притомъ же по 1-й Паралипоменонъ Еванъ и Еманъ были сыновьями Зары, а соименные имъ Езрахиты, писатели псалмовъ, если они тождественны, какъ думаетъ авторъ, съ названными въ 3 Царствъ мудрецами, были сыновьями Махола, что опять ясно указываетъ намъ и не менѣе ясно должно было указывать писателю кн. Паралипоменонъ на различіе тѣхъ и другихъ. При такомъ положеніи дѣла приписывать этому писателю представленіе объ Езрахитахъ, писателяхъ псалмовъ, какъ о внукахъ Іуды, значить, какъ говорится, безосновательно навязывать ему чуждыя представленія и притомъ явно несообразныя, по признанію автора (стр. 371). Отсюда понятно, какъ мало справедливъ онъ, когда обвиняетъ писателя 1-й Паралипоменонъ въ томъ, что онъ «рѣшительно не зналъ ни происхожденія, ни времени жизни приводимыхъ въ 3 Царствъ... знаменатыхъ мудрецовъ... когда, на основаніи названія ихъ Езрахитами, «относилъ ихъ къ слишкомъ древнимъ, патриархальнымъ временамъ, признавая ихъ сынами Зары» (стр. 373). Не отчетливость изложенія библейскихъ представленій произошла здѣсь у автора отъ того, вѣроятно, что имѣя дѣло съ разнообразными мнѣніями о времени происхожденія псалмовъ: 87 и 88-го, онъ не разобрался въ частностяхъ и не обслѣдовалъ основаній разсматриваемыхъ мнѣній. Недостатокъ тщательнаго обслѣдованія чужихъ мнѣній замѣчается также при чтеніи тѣхъ страницъ сочиненія (239—247), на которыхъ раскрывается соотвѣтствіе содержанія Пс. 39-го съ обстоятельствами жизни царя Давида. Здѣсь авторъ, принимая существующее въ нынѣшнемъ еврейск. текстѣ чтеніе 7-го ст. (*Ты открылъ мнѣ уши*) за первоначальное, выражаетъ, между прочимъ, свое согласіе со взглядомъ нѣкоторыхъ протестантскихъ библеистовъ на соотвѣтствующій этимъ словамъ псалма греческій переводъ (*Тѣло же свершило мнѣ еси*), какъ на такой, который «образовался, безъ сомнѣнія совершенно случайно¹⁾ изъ первоначальнаго чтенія 70-ти» («*Уши же приготовилъ мнѣ*»). Признавая

¹⁾ По принимаемому авторомъ объясненію, первое изъ приведенныхъ греческое чтеніе явилось вслѣдствіе того, что слово „уши“=ὅτια было по ошибкѣ прочтано какъ „тѣло“=σῶμα (стр. 244).

первое изъ этихъ чтеній за явившееся случайно, по ошибкѣ, авторъ находитъ однако въ немъ совершенно правильную, даже глубокую мысль, «наиболѣе соответствующую» (стр. 245) по его выраженію, словамъ псалмопѣвца; въ этомъ отношеніи онъ называетъ даже это греческое чтеніе «переложеніемъ типологической рѣчи псалма на языкъ новозавѣтнаго откровенія» (стр. 244); такую внутреннюю правильностью и совершенною сообразностью этого греческаго чтенія и объясняетъ авторъ то, что въ посл. къ Евреямъ (X, 5) приводится именно оно, а не чтеніе еврейскаго текста (стр. 246). Если читатель захочетъ свести къ единству принятое авторомъ объясненіе происхожденія даннаго греческаго чтенія и раскрываемый внутренней его смыслъ, то при этомъ онъ получаетъ нѣчто, не поддающееся объединенію, какъ состоящее изъ ненамѣренной ошибки съ внѣшной стороны и глубокой истинности съ внутренней. Очевидно, что авторъ согласился здѣсь съ чужимъ мнѣніемъ, не оцѣнивъ его значенія, его несомвѣстности съ свидѣтельствомъ апостола объ этомъ греческомъ чтеніи и съ указаніями древнѣйшихъ списковъ греческаго перевода 70-го (Ватиканскаго, Синайскаго, Александрійскаго и др.), въ которыхъ находится именно это чтеніе, а не другое, признаваемое у автора за болѣе древнее. Стремясь поставить содержаніе Пс. 39-го въ соотвѣтствіе съ историческими обстоятельствами царствованія Давида, авторъ придалъ, кромѣ того, и нѣкоторымъ другимъ словамъ этого псалма такое значеніе, которое, отступая отъ буквальнаго ихъ смысла, не согласуется съ словами апостола. Такъ слова: *жертвы и приношенія Ты не восхотѣлъ* поняты у автора въ значеніи иносказательнаго указанія на то, что «Господь не восхотѣлъ принять отъ» Давида «домъ жертвоприношеній.., въ которомъ бы возносились всесожженія» (стр. 241). Между тѣмъ, апостолъ (Евр. X, 8. 9), подъ жертвами разумѣетъ здѣсь обыкновенныя ветхозавѣтныя жертвы, которыя, какъ негодныя Богу, замѣнены совершеннѣею жертвою, принесенною Иисусомъ Христомъ.

Не касаясь нѣкоторыхъ другихъ разсужденій автора, представляющихся не вполне убѣдительными (наприм. на стр. 230—232), что сознаетъ впрочемъ онъ и самъ (стр. 205 и др.), считаемъ нужнымъ указать на замѣчаемыя по мѣстамъ вѣточности въ сдѣланныхъ имъ справкихъ съ списками греч. перевода 70-ти. Устраняя, наприм., возраженія противъ до-

стовѣрности надписаній псалмовъ по еврейскому тексту, авторъ касается при этомъ вѣстности того возраженія, что читаемое въ этихъ надписаніяхъ имя Давида не читается по греч. переводу въ надписаніяхъ 4-хъ псалмовъ изъ числа *тысней степеней* (121; 123; 130 и 132-го), равно какъ читаемое по евр. тексту въ надписаніи имя Соломона не читается у 70-ти въ надписаніи нс. 127 (по евр. т. — 126-го), откуда дѣлается возражающими противъ достовѣрности надписаній тотъ выводъ, что во времена составленія этого перевода еврейскій подлинникъ Псалтири не имѣлъ указаній именъ писателей псалмовъ и что послѣднія внесены въ позднѣйшее время (стр. 127). Разбирая это мнѣніе, авторъ не возражаетъ противъ его основанія, т. е., противъ того, что у 70-ти не читается въ указанныхъ надписаніяхъ именъ Давида и Соломона. А между тѣмъ оказывается, что нѣкоторые изъ древнѣйшихъ списковъ этого перевода содержатъ въ подписаніяхъ указанныхъ 4-хъ псалмовъ имя Давида, каковъ именно Синайскій списокъ, а въ надписаніи послѣдняго — имя Соломона, каковъ списокъ греко-латинской Веронской Псалтири, VI вѣка ¹⁾); какъ читались эти надписанія въ знаменитомъ Ватиканскомъ спискѣ, неизвѣстно, такъ какъ часть древней рукописи, содержащая текстъ указанныхъ псалмовъ, утрачена. Свидѣтельство этихъ списковъ, несмотря на единичность ихъ, имѣетъ такое значеніе, что измѣняетъ самую постановку возраженія, которое при этомъ должно получить такой видъ: почему въ большей части списковъ перевода 70-ти въ надписаніяхъ нѣкоторыхъ изъ *тысней степеней* опущено имя писателя, читаемое въ еврейск. текстѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ представляетъ, по нашему мнѣнію, менѣе трудностей, чѣмъ какія испытывалъ авторъ (стр. 127—128). Недостаточность справокъ автора съ чтеніями различныхъ списковъ греческаго перевода 70-ти замѣчается также и въ разсужденіи его о надписаніяхъ псалмовъ, принадлежащихъ сынамъ Кореевымъ, относительно которыхъ говорится слѣдующее: «70-ть, и вслѣдъ за ними и другіе переводчики, такъ же какъ и нашъ славянскій переводъ», считали сыновъ Кореевыхъ только пѣвцами, а не писателями псалмовъ, почему при имени ихъ въ надписаніяхъ нѣкоторыхъ псалмовъ и поставили имя Давида въ значеніи писателя» (стр. 384). При справкѣ съ

¹⁾ The Old Testament in greek according to the Septuagint. By H. B. Swete. Cambridge.

древнѣйшими списками перевода 70-ти оказывается, что имя Давида въ подписаніяхъ названныхъ псалмовъ, читается только въ александрійскомъ спискѣ, а отчасти (т. е. въ надписаніяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ) въ Веронской и Цюрихской псалтиряхъ; въ Ватиканскомъ же и Синайскомъ спискахъ оно ни разу не читается ¹⁾. Неточность явилась здѣсь у автора подъ влияніемъ, какъ видно изъ его словъ (на стр 384) Московскаго изданія греческой Библии 1821 г., которому онъ придалъ значеніе, не принадлежащее послѣднему: это изданіе представляетъ воспроизведеніе даже не Александрійскаго списка, а изданія *Ernesta Грабе*, вмѣстѣ съ тѣми редакторскими измѣненіями противъ Александрійскаго списка, какія сдѣланы были издателемъ на основаніи другихъ списковъ. Свидѣтельство двухъ древнѣйшихъ списковъ, не заключающихъ имени Давида въ надписаніяхъ псалмовъ сыновъ Кореевыхъ, не даетъ, понятно, права приписывать вообще тексту 70-ти то, что составляетъ особенность нѣкоторыхъ изъ его списковъ. Встрѣчаются наконецъ въ сочиненіи и обмолвки, въ родѣ того, что прор. Самуиль былъ «первосвященникомъ» (стр. 51), для чего въ библейскихъ книгахъ нѣтъ никакихъ основаній, — нѣтъ ясныхъ указаній даже и на то, что онъ самъ исполнялъ обязанности священника при жертвоприношеніяхъ внѣ Скинии, — или что Давидъ «шествовалъ въ священнической одеждѣ» при перенесеніи Ковчега Завѣта въ Иерусалимскую Скинію, и «самъ совершалъ жертвоприношенія» (стр. 254—255), что также несогласно съ библейскими указаніями ²⁾ и явилось въ книгѣ автора

¹⁾ См. вышепозващенное англійское изданіе греческаго перевода 70-ти по древнѣйшимъ его спискамъ.

²⁾ Во 2 Цар. VI, 14, 17 и 18, на что ссылается въ приведенномъ мѣстѣ авторъ, говорится, по еврейскому тексту, что *Давидъ одѣтъ былъ въ льняной ефодѣ*, по греко-славянскому — *во одежду изыщну*. Льняной ефодъ не былъ, какъ извѣстно, священнической одеждой, ефодъ же первосвященника дѣлался изъ разноцвѣтной ткани съ золотомъ (Исх. XXVIII, 5, 6 и др); поэтому льняной ефодъ невозбранно носилъ и Самуиль и другіе левиты (1 Пар. XV, 27). Что Давидъ не самъ совершалъ жертвоприношенія при перенесеніи Ковчега Завѣта въ Иерусалимскую Скинію, а священники, видно изъ 1 Парал. XV, 26; XVI, I, гдѣ при словахъ: *закололи въ жертву... вознесли всесожженія...* подразумѣваются совершавшіе жертвоприношенія священники и не можетъ подразумѣваться Давидъ въ виду множественнаго числа употребленныхъ здѣсь глаголовъ.

подъ вліяніемъ, вѣроятно, стремленія нагляднѣе показать происхожденіе псалма 109-го отъ царя Давида.

Отмѣченные, вообще немногочисленные, недочеты простираются во всякомъ случаѣ на нѣкоторую только часть сочиненія, которое въ общемъ своемъ составѣ представляетъ трудъ серьезный, содержательный и весьма полезный и для толкователя Псалтири и для библейскаго историка.

Ө. Елеонскій.

Отечественные труды по Введенію въ Учительныя Книги Вѣтхаго За- вѣта. ¹⁾

3) „Книга Притчей Соломоновыхъ (Мисиле) и ея новѣйшіе критики. Изслѣдованіе Акима Олесницькаго, ординарнаго проф. кiev. дух. Академіи“ (1884 г.) ¹⁾. Сочиненіе представляетъ научно-критическое изложеніе руководственныхъ свѣдѣній о названной свящ. книгѣ и состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой—изложены свѣдѣнія относительно содержанія книги, ея внѣшней формы, раздѣленія, происхожденія и значенія въ составѣ ветхозавѣтнаго канона.—Вслѣдствіе того, что кн. Притчей состоитъ большею частію изъ отдѣльныхъ изреченій, относящихся къ различнымъ предметамъ, содержаніе ея авторъ излагаетъ не по порядку главъ, а по предметамъ, изложеннымъ въ книгѣ, съ подраздѣленіемъ ихъ на «разсужденія о свойствахъ человѣка и его отношеніи къ Богу и практическія правила жизни и дѣятельности» (стр. 2). Изложеніе содержанія обнимаетъ всю книгу, какъ одно цѣлое, представляющее «систему священной философіи» и отличается полногю. Содержаніе изложено примѣнительно къ еврейскому тексту книги, безъ отношенія къ славянскому переводу; вслѣдствіе этого мысль, указываемая авторомъ въ различныхъ мѣстахъ кн. Притчей, оказывается соотвѣтствующею только русскому переводу съ еврейскаго, а не славянскому (наприм. въ XVI, 9; X, 29; XIV, 2; X, 24 на стр. 4 и дал.). Недоумѣнія, возникающія у

¹⁾ Начало см. въ Хр. Чт. 1901 г. и продолженіе въ январ. кн. 1902 г.

²⁾ Оттискъ изъ журнала: Труды Кіевской дух. Академіи 1884 г.

читателя при такомъ изложеніи, могли бы быть, хотя нѣскольکو, устранены объяснительными примѣчаніями, которыхъ, къ сожалѣнію, не сдѣлано, хотя другаго рода полезныя объясненія, наприм., относительно значенія ученія, изложеннаго въ кн. Притчей (стр. 2 и 17), — зла въ міръ (стр. 7), — благодѣтельности царской власти (стр. 9 — 10), — подарковъ судьямъ и правителямъ (— 15), авторъ ввелъ въ свое изложеніе содержанія книги.

Внѣшнею особенностью кн. Притчей служить то, что содержащаяся въ ней система нравственной философіи изложена въ видѣ отдѣльныхъ краткихъ изреченій, называемыхъ притчами. Подъ притчей авторъ разумѣетъ «вообще всякое авторитетное сужденіе... о предметѣ, будетъ ли это народная поговорка или изреченіе отдѣльнаго авторитетнаго лица, и притомъ независимо отъ поэтической формы (стр. 18), или отъ того, выражено ли такое сужденіе въ одномъ или двухъ и болѣе равномѣрныхъ полустихіяхъ. По особенностямъ художественнаго построенія притчей авторъ дѣлитъ ихъ на нѣскольکو видовъ, изъ которыхъ въ этой священной книгѣ употреблены главнымъ образомъ притчи *антитематическія*, въ которыхъ второе полустихіе выражаетъ обратную сторону истины, даваемой въ первомъ полустихіи, и — *параболическія*, состояція изъ образовъ видимаго міра и сравниваемыхъ съ ними нравственныхъ истинъ (стр. 20. 21); рѣже употребляются здѣсь *числовыя* притчи, состояція въ перечисленіи предметовъ, подлежащихъ наблюденію (наприм. XXX, 15—16) и *загадки* (наприм., XXX, 18. 21 и др.). Поэтическаго метра кн. Притчей авторъ не опредѣляетъ «вслѣдствіе неопредѣлившагося доселѣ, говорить онъ, взгляда на сущность библейскаго стихометра вообще, хотя равномѣрность построенія строкъ во многихъ стихахъ, особенно въ X—XXII, можетъ наводить на мысль о существованіи въ кн. Притчей какого нибудь сокрытаго ритмическаго закона» (стр. 26).

По надписаніямъ, ясно различаемымъ въ еврейск. текстѣ кн. Притчей, а отчасти и въ греческомъ переводѣ 70-ти ¹⁾, авторъ раздѣляетъ ее на 8 отдѣловъ. Первый, послѣ надпи-

¹⁾ Въ перев. 70-ти особыя надписанія къ отдѣламъ кн. Притчей ясно видны только въ I, 1—6 и XXV. 1; въ X, 1, какъ и въ славян. Б., совсѣмъ нѣтъ надписанія; въ XXII, 17 (слав. 18) и XXIV, 33 (слав. 23), вслѣдствіе особенностей перевода, надписанія не выступаютъ ясно.

санія (I, 1—6), заключающійся въ первыхъ 9 главахъ, посвященъ изображенію премудрости, ея благотворности и величія. «Не смотря на разнообразіе стиховъ и встрѣчающихся здѣсь отдѣльныхъ притчей, весь этотъ отдѣлъ въ своемъ изложеніи имѣетъ одинъ общій колоритъ» (стр. 34) и представляетъ признаки планомѣрнаго движенія развиваемыхъ въ немъ мыслей. Онъ написанъ Соломономъ для вразумленія своего сына—наслѣдника престола (стр. 35).—Второй отдѣлъ, отъ X-й по XXII, 16 (по славян. Б. ст. 17-й), состоитъ изъ краткихъ двучленныхъ изреченій, построенныхъ по приему противоположенія представленій. Въ отличіе отъ предшествующаго, притчи этого отдѣла не имѣютъ внутренней связи между собою; по своему содержанію онѣ касаются самыхъ разнородныхъ жизненныхъ положеній. Высказываемое нѣкоторыми мнѣніе о томъ, что притчи этого отдѣла, составляющія по еврейскому тексту 375 ст. ¹⁾, образуютъ пять равномерныхъ отдѣленій, которыя начинаются одинаково по содержанію притчею (о несоизмѣримомъ значеніи мудраго и глупаго сына для отца и матери въ X, 1; XIII, 1; XV, 20, XVII, 25 и XIX, 13), авторъ признаетъ правдоподобнымъ (стр. 39) и видитъ въ такомъ раздѣленіи притчей на правильныя группы «печать той же глубокой систематизирующей мысли, которая создала первый отдѣлъ» (стр. 44). Отдѣлъ этотъ во всемъ его составѣ написанъ Соломономъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ для его сына, который самъ былъ уже отцомъ, обязаннымъ заботиться о воспитаніи собственного сына (стр. 44). Третій отдѣлъ (отъ XXII, 17 по XXIV, 22) и четвертый (по XXIV, 34) состоятъ изъ притчей, отличающихся не выдержанною равномерностью построенія, какъ во второмъ отдѣлѣ, а большею сложностью своего состава и распространенностью; притча здѣсь состоитъ изъ двухъ и болѣе стиховъ; по содержанію притчи являются здѣсь наставленіями, предостереженіями, проповѣдью нравственности и часто начинаются словами: «да не» или «не». Притчи этихъ отдѣловъ, отмѣченныхъ въ еврейскомъ текстѣ двумя отдѣльными надписаніями (XXII, 17: *приклони ухо твое и слушай слова мудрыхъ...* ²⁾; XXIV, 23: *Сказано также мудрыми...* ³⁾), при-

¹⁾ По славян. Библии—378 ст.

²⁾ Въ греко-славян. перев. этому соответствуетъ: *Ко словесемъ мудрыхъ прилажи твое ухо и услыши моя словеса.*

³⁾ Тамъ же: *Сія же вамъ смысленныя глаголю разумити.*

надлежать нѣсколькимъ мудрецамъ, между которыми «несомнѣнно считался и Соломонъ» (стр. 45), котораго нѣкоторыя притчи «повторяются и здѣсь» (— 46). Съ мнѣніемъ тѣхъ библейстовъ, которые третій и четвертый отдѣлы согласно съ первымъ надписаніемъ (I, 1—6), приписываютъ самому Соломону, авторъ не находитъ возможнымъ согласиться въ виду особенно словъ; «вотъ еще изреченія мудрыхъ» ¹⁾. «При всемъ нашемъ желаніи слышать въ книгѣ Притчей не какого либо другого мудреца, а именно Соломона, мудрѣйшаго изъ нихъ, въ данномъ случаѣ мы не можемъ не видѣть, говорить авторъ, ссылки болѣе общей на изреченія многихъ мудрецовъ, можетъ быть, даже цѣлой теократической школы мудрецовъ, хотя между общими изреченіями мудрыхъ могли быть, и даже дѣйствительно были, и притчи, лично принадлежащія Соломону, такъ что общему надписанію притчей именемъ Соломона это новое прибавленіе притчей ни въ какомъ случаѣ не противорѣчитъ» (стр. 47). Изъ этихъ 4-хъ отдѣломъ кн. Притчей авторъ считаетъ главнымъ первый отдѣлъ, заключающій «систематическое ученіе о мудрости и правдѣ и имѣющій цѣлью—способствовать достиженію мудрости всѣмъ ищущимъ ея, а второй и слѣдующіе отдѣлы признаетъ широкимъ прибавленіемъ въ видѣ сборника примѣровъ (стр. 48); такимъ неодинаковымъ назначеніемъ отдѣловъ объясняется и замѣчаемая въ нихъ разность изложенія. Первые четыре отдѣла собраны были одновременно съ происхожденіемъ ихъ (стр. 49), Пятый отдѣлъ (отъ XXV до XXIX) заключаетъ въ себѣ притчи, съ внѣшней стороны отличающіяся обиліемъ образовъ, заимствованныхъ изъ внѣшней природы, а по своему содержанію состоящія изъ различныхъ наставленій, относящихся къ государственной и общественной жизни. Онѣ извлечены при ц. Езекии изъ существовавшаго въ то время большаго собранія Соломоновыхъ притчей для того, чтобы могли служить «руководствомъ при государственномъ управленіи» (стр. 54). На это особенно важное назначеніе ихъ и указываетъ читаемое въ переводѣ 70-ти (въ XXV, 1) слово: «нерядовыя (=ἀδιάκριτοι = въ слав. Б. *нерасположенны*). Что касается встрѣчающагося въ этомъ отдѣлѣ, какъ и въ другихъ, повторенія однихъ и тѣхъ же притчей въ полномъ или неполномъ видѣ, то въ этомъ авторъ видитъ стремленіе писателя книги обра-

¹⁾ Такъ переводитъ авторъ начало 23-го ст. XXIV.

тить особенное вниманіе читателя на содержаніе притчей этого рода (стр. 56—60). Важное значеніе кн. Притчей въ ряду другихъ ветхоз. книгъ авторъ указываетъ въ томъ, что она представляетъ «особенное, нравственное законодательство, параллельное законодательству Моисея», имѣющее цѣлью «развивать общечеловѣческія стороны духовной жизни, общее направленіе къ истинѣ и добру» (стр. 60—61).

Вторая глава соч. (стр. 63—125) заключаетъ изложеніе и разборъ такъ называемыхъ критическихъ взглядовъ на кн. Притчей. Цѣль главы—апологетическая: подтвердить правильность изложеннаго авторомъ понятія о происхожденіи этой священной книги чрезъ устраненіе другихъ, несогласныхъ съ нимъ, представлений. Авторомъ рассмотрѣны здѣсь мнѣнія, принадлежащія нѣмецкимъ библеистамъ: *Евальду*, *Гитцигу*, *Берто*, *Деличу* и *Мейеру*; изъ нихъ съ особенною обстоятельностью изложена и опѣнена гипотеза перваго (стр. 65—84), сообразно съ важнымъ ея значеніемъ для дальнѣйшихъ изслѣдователей. Не излагая этихъ критическихъ мнѣній и направленныхъ противъ нихъ разсужденій автора, по невозможности передать кратко и отчетливо богатое содержаніе этой части сочиненія, имѣющей притомъ интересъ только для не многихъ изъ читателей, укажемъ на общій выводъ, къ какому пришелъ авторъ при разсмотрѣніи взглядовъ названныхъ библеистовъ. Онъ состоитъ въ томъ, что ни у одного изъ нихъ не оказывается прочно обоснованнаго на особенностяхъ языка, какимъ первоначально была написана книга Притчей, и на ея содержаніи рѣшенія вопроса объ ея происхожденіи и что нельзя и въ будущемъ ожидать настоящаго его рѣшенія, если идти тѣмъ путемъ, какимъ шли эти библеисты (стр. 103). Самый разборъ критическихъ взглядовъ отличается основательностью и убѣдительностью, чему немало способствовали самые авторы ихъ, опровергавшіе мнѣнія своихъ предшественниковъ для того, чтобы на ихъ мѣсто поставить свое собственное. «Если Евальдъ нашелъ, говорить авторъ, древнѣйшій или Соломоновскій типъ Притчей въ X, 1—XXII, 16, то Гитцигъ нашелъ его въ параллельномъ отдѣлѣ XXV—XXVII, а Берто и Деличъ—въ томъ и другомъ—съ постепенно возрастающею увѣренностью. Если Евальдъ первую часть книги признавалъ самою позднею, то Гитцигъ на оборотъ самою раннею, Берто и Деличъ—среднею» (стр. 103). Не признаетъ авторъ вѣроятнымъ и мнѣнія тѣхъ, которые въ кн. Притчей

видятъ сборникъ народныхъ поговорокъ, собранныхъ и переработанныхъ позднѣйшими собирателями въ послѣ-плѣнное время; и этому взгляду авторъ противопоставляетъ основательныя соображенія, показывающія его безпочвенность (стр. 103—108). По мнѣнію автора, «основнымъ импульсомъ оспариванія кн. Притчей у Соломона и разложенія ея по пространству исторіи служить стремленіе *создать исторію притчи у евреевъ*» (курсивъ автора; стр. 109). Едва ли ошибемся, если къ этому прибавимъ съ своей стороны, что рядомъ съ указаннымъ стремленіемъ идетъ другое, вліяющее на ходъ библейско-критическихъ работъ новѣйшаго времени—стремленіе объяснить происхожденіе ветхозавѣтной религіи путемъ естественнаго постепеннаго развитія изъ нисшей ея формы, для чего окончательное ея образованіе въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ ветхозавѣтныхъ книгахъ, отодвигается новѣйшей критикой къ позднѣйшему времени израильской исторіи. Такъ какъ кн. Притчей во всемъ своемъ составѣ проникнута духомъ закона Моисеева и содержитъ непререкаемыя указанія на его существованіе во времена ея писателя (XXVIII, 9: *кто уклоняетъ ухо свое отъ слушанія закона* .; XXIX, 18: *безъ откровенія свыше народъ не обузданъ, а соблюдающій законъ блаженъ* ¹⁾), то въ виду этого, нужно думать, написаніе этой книги, не отрицавшееся вообще у Соломона и критиками первой половины прошлаго столѣтія, совершенно отрицается новѣйшей критикой, производящей ее изъ народныхъ поговорокъ путемъ переработки ихъ въ послѣ-плѣнное время, къ которому относить она образованіе Пятокнижія въ настоящемъ его составѣ ²⁾).

Разсматривая затѣмъ разнообразныя мнѣнія о томъ, кѣмъ написаны послѣднія двѣ главы кн. Притчей, авторъ выска-

1) Въ славян. Б., согласно съ греческой, первая половина ст. читается иначе: *не будетъ сказателъ азыку законопреступнику*; но эта разность не затеняетъ ясности находящагося въ данномъ мѣстѣ указанія на существованіе закона.

2) Впрочемъ въ настоящее время у болѣе серьезныхъ протестантскихъ библеистовъ критическаго направленія мысль о происхожденіи кн. Притчей изъ народныхъ поговорокъ не поддерживается и въ основѣ ея указываются изреченія, принадлежащія Соломону. См. наприм. Введеніе къ комментарию на кн. Притчей *H. L. Strack*'а въ *Kurzgef. Kommentar zu den Heil. Schriften A. u. N. Testam.*, издан. этимъ Берлинскимъ профессоромъ и *Zöckler*'омъ. *Zw. Auflage*. 1899 г.: *Die Psalmen und die Sprüche Salomos*.

зываетъ два положенія: во-1-хъ: нынѣшнее еврейское чтеніе надписаній этихъ главъ не можетъ служить прочнымъ основаніемъ для рѣшенія поставленнаго вопроса, такъ какъ это чтеніе представляетъ «большія ошибки противъ еврейской грамматики и словоупотребленія, не оставляющія сомнѣнія въ испорченности масоретскаго текста» (стр. 112), въ подтвержденіе чего авторъ указываетъ, между прочимъ, на совершенное несоотвѣтствіе русскаго перевода этихъ надписаній, сдѣланнаго съ нынѣшняго еврейскаго текста, съ греческимъ переводомъ 70-ти и слѣдующимъ ему славянскимъ текстомъ ¹⁾; во 2-хъ: сдѣланные доселѣ опыты объясненія этихъ надписаній неудовлетворительны, а потому необходимо продолжить эти опыты (стр. 121); одинъ изъ таковыхъ—дѣлаетъ и самъ авторъ, видоизмѣняя чтеніе еврейскаго текста «По долгомъ изученія разсматриваемыхъ мѣстъ», у него составилось слѣдующее пониманіе XXX, 1: «Слова Агура. Молюсь, о Господи, да смягчится приговоръ, изреченный этимъ мужемъ, потому что я страдаю, Боже, я страдаю, Боже, и долженъ буду погибнуть» ²⁾, и—XXXI, 1: «Слова Лемуила. Обращеніе къ этому царю, которымъ поучала его мать его» (стр. 122—123). Имя «Лемуиль» авторъ принимаетъ — предположительно—за арабскій переводъ имени «Езекія», а Агура—за одного изъ друзей этого царя, занимавшихся собираніемъ Притчей Соломона. Этотъ новый переводъ надписаній заслуживаетъ, понятно, полнаго вниманія, помимо своего происхожденія отъ отечественнаго библеиста, потому въ частности, что имъ устраняются изъ библейскаго текста сообщаемыя масоретскимъ его чтеніемъ собственныя имена, которыя возбуждаютъ столько недоумѣній, и библейскимъ рѣченіямъ возвращается хотя отчасти то нарицательное значеніе, въ какомъ поняты они въ переводѣ 70-ти; только два собственныхъ имени авторъ оставилъ безъ обращенія въ слова нарицатель-

¹⁾ XXX, 1, съ еврейскаго: *Слова Агура, сына Іакеева. Вдохновенныя изреченія, которыя сказалъ этотъ человекъ Иеѣилу, Иеѣилу и Укалу. Этому соответствуетъ въ славяп. Библии: (XXIV, 22): могахъ словеса сыне бойся и кричю и покаяся, и (XXX, 1): сія глаголетъ мужъ впрющимъ Богови, и почтаю. XXXI, 1: Слова Лемуила царя. Наставленіе, которое преподала ему мать его, а по Славян. В.: Моя словеса рекошася отъ Бога, царезо пророчество, еможе наказа мати его.*

²⁾ Нѣсколько сходно съ этимъ переведена вторая половинна этого стиха и въ назван. выше комментаріѣ Strack'a: «утомился я изъ-за Бога, утомился изъ-за Бога (um Gott) и пропалъ» (schwand dahin).

ныя, какими и они являются въ греко-славянскомъ переводѣ (имени: «Агуръ» въ послѣднемъ соотвѣтствуетъ: «бойся», имени «Лемуиль» = «рекошася отъ Бога»), такъ какъ для пониманія ихъ въ нарицательномъ смыслѣ онѣ не нашель основаній. Въ виду сходства употребленныхъ въ этихъ главахъ выраженій съ другими ветхозавѣтными книгами, писателя ихъ авторъ признаетъ принадлежащимъ къ народу Божію (стр. 120—121). Такимъ образомъ, по изслѣдованію автора, книга Притчей содержитъ разнообразныя произведенія приточной мудрости дара Соломона, съ прибавленіемъ къ нимъ притчей другихъ мудрецовъ, и то, что послѣднія слѣдуютъ за первыми, «напоминаетъ собою порядокъ расположенія псалмовъ» (стр. 31), собраніе которыхъ начинается псалмами Давида, а за ними (съ 41-го) слѣдуютъ принадлежащія другимъ пѣвцамъ, за тѣмъ снова—псалмы Давида, а за ними (съ 71-го)—псалмы другихъ пѣвцовъ.

Послѣдняя глава сочиненія знакомитъ съ разностями между текстами—еврейско-масоретскимъ и греческимъ—70-ти (стр. 125—144). Эти разности такъ значительны, какъ ни въ какой другой ветхозавѣтной книгѣ, и состоятъ частію въ перестановкѣ притчей, частію—въ опущеніи однихъ, повтореніи другихъ или внесеніи новыхъ притчей, не имѣющихъ въ одномъ изъ текстовъ, а частію, наконецъ, — въ неодинаковомъ чтеніи текста однихъ и тѣхъ же притчей. Каждое изъ этихъ положеній авторъ подтверждаетъ многочисленными примѣрами, состоящими изъ указаній соотвѣтствующихъ мѣстъ по евр. тексту и перев. 70-ти. Въмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ даетъ и объясненіе причинъ этихъ разностей между текстами. Такъ перенесеніе у 70-ти главы XXX въ XXIV-ю объясняется особенно-близкимъ отношеніемъ ея къ главной мысли, раскрываемой въ первыхъ XXIV-хъ главахъ (стр. 122—123; 127); расположеніе же этой главы въ двухъ мѣстахъ XXIV-й (послѣ ст. 22-го и 34-го) объясняется ошибкой древняго переписчика, имѣвшаго предъ собою текстъ, раздѣленный на двѣ колонны; порядокъ послѣднихъ переписчикъ смѣшалъ, списавши сначала вторую колонну, а потомъ первую (стр. 127). Подобнымъ же образомъ объясняются и перестановки другихъ притчей въ греческомъ переводѣ (стр. 128), а также и пропуски въ послѣднемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, наприм. въ XX, 10—19 (стр. 134). Двойной переводъ нѣкоторыхъ притчей объясняется, вопреки мнѣнію другихъ библеистовъ, отчасти разностями древнихъ рукописей въ чтеніи нѣкоторыхъ

мѣсть, каковыя разности переводчики считали полезнымъ удержать въ своемъ переводѣ (стр. 131), а отчасти — желаніемъ писателя и переводчиковъ обратить такими повтореніями особенное вниманіе читателей на эти притчи (стр. 56—60 и 131). Существованіе въ греческомъ переводѣ притчей, не находящихся въ евр. текстѣ, объясняется въ смыслѣ дополненія, сдѣланнаго переводчиками изъ сохранявшагося еще въ ихъ время изданія 3000 притчей Соломона (стр. 133). Наконецъ не одинаковый смыслъ, даваемый нѣкоторымъ притчамъ въ нынѣшнемъ еврейскомъ текстѣ и греч. переводѣ объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что переводчики читали евр. текстъ, неизмѣннѣй въ ихъ время подстрочныхъ знаковъ, столь важныхъ при опредѣленіи смысла еврейскихъ словъ и ихъ сочетанія въ рѣчи, иначе, чѣмъ какъ установлено масоретами или — съ точки зрѣнія послѣднихъ — смѣшивали однѣ буквы еврейскаго письма съ другими вслѣдствіе сходства ихъ въ древне-еврейскомъ или позднѣйшемъ начертаніи (стр. 134—137), отчего получались другія слова. съ другой стороны — тѣмъ, что тамъ, гдѣ 70-ть читали одни и тѣже слова, они заботились не только о передачѣ ихъ на греческій языкъ, но и «о совмѣстномъ объясненія притчей» (стр. 140), подъ вліяніемъ чего часто переводили еврейскія слова «не въ обыкновенномъ и непосредственномъ ихъ значеніи, а въ болѣе или менѣе отдаленномъ и широкомъ или даже совсѣмъ замѣняли другими словами иногда совершенно противоположнаго значенія» (стр. 138). На вопросъ о томъ, гдѣ въ большей точности сохранился первоначальный текстъ кн. Притчей, въ переводѣ ли 70-ти или въ нынѣшнемъ евр. текстѣ, авторъ не находитъ возможнымъ дать опредѣленный отвѣтъ. Въмѣсто этого онъ указываетъ на такія мѣста въ этой книгѣ, въ которыхъ первый имѣетъ преимущество предъ вторымъ, какъ представляющимъ признаки поврежденія, или — на такія, въ которыхъ погубшности принадлежать не переводчикамъ, а переписчикамъ (стр. 142). По словамъ автора, «первоначальный текстъ притчей есть текстъ гармонически согласно передаваемый въ спискахъ 70-ти и масоретскомъ. Тамъ же, гдѣ эти два текста несогласны между собою, мы считаемъ необходимымъ признавать двѣ параллельныя книги Притчей, палестинскую и египетскую, до тѣхъ поръ, пока наукою не будетъ твердо рѣшенъ вопросъ объ ихъ взаимномъ отношеніи» (стр. 142).

Славянскаго перевода кн. Притчей авторъ касается очень мало и совсѣмъ не входитъ въ разсмотрѣніе его особенностей, вслѣдствіе этого для читателя, имѣющаго подъ руками только этотъ переводъ, нѣкоторыя страницы сочиненія остаются непонятными. Когда авторъ говоритъ, наприм., о томъ, что первые 14-ть ст. XXX гл. еврейскаго текста поставлены въ спискахъ 70-ти послѣ XXIV, 22 и т. д. (стр. 126), то читатель въ славянской Б. не находитъ чего-либо соответствующаго этому; напротивъ, указанные стихи и дальнѣйшіе по 9-й ст. XXXI гл. оказываются въ славян. Б. на томъ же мѣстѣ, какое имъ дано въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ еврейскаго, и только начальныя слова: *моихъ словеса сыне бойся и прими я покайся* отдѣлены въ славян. Б. отъ непосредственно слѣдующихъ за ними и поставлены въ концѣ 22-го ст. XXIV-й гл., на что указано у автора (стр. 113). Какъ произошло такое отступленіе нашей славян. Библии, слѣдующей во всемъ, какъ принято думать, греческому переводу 70-ти, отъ послѣдняго и что значить это размѣщеніе двухъ предложеній одного стиха въ двухъ удаленныхъ одна отъ другой главахъ, остается для читателя не понятнымъ. Въ недоумѣніе приходятъ онъ равнымъ образомъ и при чтеніи словъ автора о пропускѣ нѣкоторыхъ притчей въ текстѣ 70-ти (стр. 134), ибо, сравнивая по славянской Б. указанные у автора мѣста съ русскимъ переводомъ, не находитъ въ первой никакихъ пропусковъ. Объясненіе этихъ и подобныхъ имъ особенностей славянскаго текста кн. Притчей было бы тѣмъ болѣе дорого для русскаго читателя, что его онъ получилъ бы отъ отечественнаго почтеннаго библеиста, основательно и многосторонне изучившаго текстъ этой священной книги по древнимъ его памятникамъ на различныхъ древнихъ языкахъ (наприм., на сирскомъ, эѳіопскомъ, арабскомъ) и — объясненіе его. Вообще нужно сказать, сочиненіе это написано не для большого круга читателей, а для лицъ съ серьезнымъ богословскимъ и филологическимъ образованіемъ, для которыхъ оно дѣйствительно представляетъ весьма полезное пособіе и по библиографическимъ свѣдѣніямъ, и по указаніямъ относительно разностей еврейскаго текста и греческаго перевода 70-ти, и по взглядамъ автора на различныя стороны кн. Притчей, и наконецъ по предлагаемымъ новымъ переводамъ нѣкоторыхъ ея мѣстъ.

4) «*Книга Екклезіастъ. Опытъ критико-экзегетическаго*

изслѣдованія. Студента IV курса Кіевской духовной Академіи Маркеллина Олесничаго» (1874 г., стр. 304).
«Происхожденіе книги Екклесіастъ. Е. Филарета» (1885 г., стр. 180).

Первое изъ этихъ сочиненій содержитъ въ себѣ какъ совокупность руководственныхъ свѣдѣній о названной въ заглавіи священной книгѣ, такъ и объясненіе ея. Въ частности, во введеніи раскрываются: 1) смыслъ еврейскаго наименованія книги «Когелетъ» (стр. 16; 20); 2) матеріальный и формальный ея характеръ (стр. 22—70), т. е., общій ея предметъ, какъ относящійся къ области ветхозавѣтной мудрости или — по нынѣшнему — къ нравственной философіи, и изложеніе его въ видѣ нравоучительныхъ изреченій или притчей; 3) содержаніе и планъ книги (стр. 70—128); 4) авторъ и время происхожденія книги (стр. 128—185) и 5) цѣль написанія и каноническое достоинство ея (стр. 185—223). Особенность раскрытія указанныхъ предметовъ состоитъ прежде всего въ томъ, при изложеніи каждаго изъ нихъ авторъ предпосылаетъ своему разсужденію обзоръ существующихъ мнѣній въ видѣ краткаго ихъ перечня (стр. 28—29; 42—50 и мн. др.) или въ болѣе подробномъ изложеніи (стр. 72—78), сопровождая этотъ обзоръ своими замѣчаніями. Такой приемъ изложенія имѣетъ на своей сторонѣ то немаловажное достоинство, что даетъ читателю возможность сразу ознакомиться съ научнымъ положеніемъ вопроса, съ существующими его рѣшеніями и тѣми сторонами предмета, на которыя было обращено вниманіе различными изслѣдователями. Такой обзоръ, которымъ начинается обыкновенно каждый ученый свои занятія новымъ предметомъ, служить для читателя хорошимъ приготовленіемъ къ тому, чтобы надлежащимъ образомъ понять и оцѣнить то рѣшеніе вопроса, которое предлагаетъ авторъ новаго сочиненія. Но приемъ этотъ имѣетъ и свои неудобства въ томъ отношеніи, что имѣетъ болѣе или менѣе осложняется и затягивается положительное рѣшеніе вопроса. Предпосылаемые послѣднему взгляды различныхъ ученыхъ требуютъ отъ читателя очень большаго вниманія и умѣнья разбираться въ подробностяхъ, чтобы достигалась та цѣль, съ какою дѣлаются подобные обзоры мнѣній. Что авторъ сдѣлалъ для этого съ своей стороны все, отъ него зависящее, этого нельзя сказать: самое обиліе приводимыхъ взглядовъ и именъ писателей, краткое болѣею частью и отрывочное

изложеніе ихъ, безъ указанія основаній, столь же краткое, голословное опроверженіе ихъ, приведеніе однихъ и тѣхъ же мнѣній въ разныхъ отдѣлахъ сочиненія и т. п. представляютъ такія стороны труда автора, которыя не благоприятно могутъ дѣйствовать на вниманіе читателя.

Другая особенность сочиненія состоитъ въ томъ, что вопросы о времени происхожденія кн. Екклесіаста и ея писателѣ рѣшаются авторомъ независимо отъ представлений, завѣщанныхъ преданіемъ. Разсматривая доказательства, приводимыя въ пользу мнѣнія о ц. Соломонѣ, какъ писателѣ этой книги, авторъ находитъ ихъ недостаточно ясными и рѣшительными; по его словамъ, «не надписаніе книги, ни содержаніе ея», при ближайшемъ разсмотрѣніи не только «не говорятъ о происхожденіи ея отъ Соломона» (стр. 137), но и располагаютъ видѣть въ писателѣ другое лицо, отличное отъ Соломона, жившее послѣ него и принадлежащее къ числу «богобоязненныхъ израильтянъ изъ школы хохмы» (стр. 140—141). Такой взглядъ на время написанія книги не представляетъ, конечно, въ научномъ отношеніи чего-либо ненормальнаго или несообразнаго. Какъ скоро признана потребность научнаго изученія различныхъ сторонъ священной Библии, т. е., — изученія основаній, на которыхъ утверждается ея пониманіе, неизбѣжно должна быть предоставлена изучающему свобода вывода изъ данныхъ, которыя онъ нашелъ и обследовалъ; если нѣтъ этой свободы, не возможно и научное изслѣдованіе, или — что тоже — невозможна выработка твердо обоснованныхъ понятій или убѣжденій, которыя составляютъ предметъ научныхъ изысканій и служатъ удовлетвореніемъ человѣческаго стремленія къ истинѣ. Свобода научнаго изысканія совершенно далека однако отъ произвола; ея выборъ между различными рѣшеніями вопроса опредѣляется свойствомъ имѣющихся для этого основаній, которыя служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и повѣркою правильности сдѣланнаго рѣшенія. Основанія, которыя приведены авторомъ въ подтвержденіе принятаго имъ взгляда, довольно многочисленны (стр. 140—162) и на первый разъ могутъ располагать въ его пользу. На изложеніи и разборѣ этихъ доказательствъ нѣтъ въ настоящее время надобности останавливаться, такъ какъ недостаточная обоснованность опирающагося на нихъ взгляда достаточно выяснена въ нашей литературѣ (см. далѣе о сочиненіи преосв. Филарета, посвященномъ той же кн. Екклесіаста).

Изъ другихъ исогогическихъ свѣдѣній, изложенныхъ въ сочиненіи, обращаетъ на себя вниманіе обширная глава, въ которой излагаются содержаніе и планъ этой книги, представляющіе, какъ извѣстно, особенныя трудности для пониманія. Изъ разнообразныхъ взглядовъ на составъ книги авторомъ принятъ тотъ, которымъ признается существованіе въ ней одного опредѣленнаго плана, проходящаго черезъ всю книгу со включеніемъ и послѣсловія ¹⁾, но раскрытаго по методу діалектическому, т. е., чрезъ восхожденіе къ истинѣ путемъ сомнѣнія, ошибки и заблужденія (стр. 78—79). Книга Екклезіаста представляетъ, по мнѣнію автора, раскрытіе трехъ главныхъ истинъ: 1) Суетно все совершающееся на землѣ, суетны всѣ дѣйствія и стремленія человѣка—достигнуть земнаго благополучія, если разсматривать то и другое помимо вѣры въ Бога, верховнаго міроправителя, которая присуща Екклесіасту (стр. 79—88); 2) Счастье человѣка состоитъ въ «спокойномъ и радостномъ наслажденіи благами», которыми благословляетъ Богъ труды его, соединенномъ «съ довольствіемъ и благочестіемъ» (88—94); и 3) Человѣкъ по своей духовной природѣ безсмертенъ и въ загробной жизни его ожидаетъ божественный судъ (стр. 95—98). Что эти три истины изложены въ кн. Екклесіаста, это, конечно, вѣрно; но что онѣ изложены однимъ и тѣмъ же писателемъ, этого не видно изъ труда автора, такъ какъ не указано общей мысли, изъ которой бы онѣ выходили и которою бы объединялись. Взаимное отношеніе ихъ въ сочиненіи представляется такимъ образомъ: «Главная мысль и цѣль книги Екклесіаста—на основаніи наблюденія суетности человѣческихъ дѣлъ и стремленій научить истинной радости въ жизни и правильному, соединенному съ довольствіемъ и благочестіемъ, пользованію благами сего міра, какъ единственному благу человѣка на землѣ. Но такъ какъ земное благо не можетъ доставить человѣку полнаго удовлетворенія и подлежить закону прехожденія и тлѣнности, и такъ какъ загадка жизни этимъ не разрѣшается, то дальнѣйшая и высшая цѣль автора—открыть новую, лучшую жизнь за гробомъ и указать на всеобщій судъ послѣ смерти, на которомъ несообразности и про-

¹⁾ Послѣсловіе кн. Екклесіаста авторъ приписываетъ самому писателю книги.

творѣчія сей жизни разрѣшатся въ стройный гармоническій порядокъ» (стр. 98). Такое разсужденіе, при видимой своей связности, не даетъ однако замѣтить внутренняго единства въ планѣ книги ветхозавѣтнаго мудреца и цѣлесообразности этого плана. Если главная его цѣль при написаніи книги состояла въ томъ, чтобы научить «истинной радости въ жизни», то почему основаніемъ для этого наученія онъ избралъ не что другое, а изображеніе суетности всего, совершающагося въ мірѣ и въ жизни человѣческой? Не должно ли было такое изображеніе приводить къ совершенно другому жизненному правилу ¹⁾, чѣмъ какое основывается на этомъ премудрый Екклесіастъ? Съ другой стороны, если высшая цѣль книги, по автору, та, чтобы раскрыть ученіе о божественномъ воздаяніи за гробомъ, то почему писатель этой книги рядомъ съ этимъ такъ настойчиво выставилъ свое наставленіе о радостномъ принятіи пищи и питья, какъ даруемыхъ Богомъ за труды человѣка? Отвѣта на эти и подобные вопросы не даетъ авторъ въ своемъ сочиненіи, вслѣдствіе чего содержаніе и планъ книги остаются не вполне ясными.

Изъ существующихъ въ литературѣ разнообразныхъ дѣлений книги Екклесіаста на части авторъ избралъ то, по которому она состоитъ изъ 4-хъ отдѣловъ (отдѣлы 1-й составляютъ главы I и II; 2-й — отъ III по V-ю; 3-й — отъ VI по VIII, 15; 4-й — отъ VIII, 16 по XII, 7) ²⁾. Основа-

¹⁾ Такое правило дѣйствительно и выводили указываемые авторомъ (стр. 190; 211) нѣкоторые изъ древнихъ Отцовъ Церкви, видѣвшіе въ изображеніи суетности всего земнаго основаніе для отреченія отъ послѣдняго и возвышенія надъ всѣмъ чувственнымъ.

²⁾ Признавая здѣсь (стр. 110) 7-й ст. XII г. послѣднимъ въ 4-мъ отдѣлѣ, а слѣдующій 8-й относя слѣдовательно къ эпилогу (стр. 392) авторъ въ другомъ мѣстѣ своего труда (стр. 111) оканчиваетъ 4-й отдѣлъ 8-мъ ст. Встрѣчаются и другія разногласія автора съ самимъ собою. Напр., при разборѣ взгляда *Шенкеля*, различающаго въ кн. Екклесіаста голосъ истинной мудрости отъ голоса ложной, говорится, что нѣтъ ни малѣйшаго намека на различіе этихъ голосовъ (стр. 78), а въ другомъ мѣстѣ (стр. 219) — значительно иное: «вѣрно то, что въ книгѣ Екклесіастъ различаются какъ бы два голоса». Или: состояніе народа по изображенію этой книги то представляется крайне бѣдственнымъ исполненнымъ скорби, плача и стenanія (стр. 142—146), то является народъ погруженнымъ «въ лѣность, роскошничество, невоздержаніе, маммонизмъ» (стр. 180).

ніе для этого указывается въ томъ, что каждый изъ этихъ отдѣловъ оканчивается увѣщаніемъ къ радостному наслажденію жизнью (стр. 109). Признать такое раздѣленіе, хотя оно встрѣчается въ серьезныхъ весьма трудахъ западныхъ библеистовъ, едва ли возможно въ виду какъ того, что увѣщаніе къ радости въ жизни не есть и по автору единственная и важнѣйшая мысль Екклесіаста, такъ и—того, что 4-й отдѣлъ оканчивается не этимъ увѣщаніемъ, а изображеніемъ приближающейся смерти (XII, 3—7). Недостаточность принятаго для раздѣленія книги основанія признаеть впрочемъ отчасти и самъ авторъ (стр. 110).

Вторую половину сочиненія составляетъ толкованіе кн. Екклесіаста. Въ основу толкованія положенъ еврейскій текстъ: его рѣченія, приводимыя нерѣдко безъ перевода на русскій языкъ, прежде всего объясняются, указывается ихъ смыслъ и употребленіе въ ветхозавѣтныхъ книгахъ въ связи съ мнѣніями объ этомъ западно-европейскихъ библеистовъ; мнѣнія ихъ авторъ то опровергаетъ, то принимаетъ, приводя ихъ слова въ подтвержденіе своего толкованія (напр., стр. 235; 287 и мн. др.); объясненія этихъ библеистовъ приводитъ иногда авторъ въ замѣл своего объясненія (стр. 283—284; 319 и др.). Объясняя книгу по еврейскому тексту, авторъ принимаетъ однако во вниманіе греческій переводъ 70-ти и славянскій; сравнивая послѣдніе съ первымъ, отмѣчаетъ разности между ними, при разсмотрѣніи которыхъ склоняется большею частью въ пользу еврейскаго текста (стр. 233, 242, 280 и др.), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ пользу греко-славянскаго перевода (стр. 268). Изъ русскихъ переводовъ съ еврейскаго авторъ имѣлъ — помѣщенный въ «Христіанскомъ Чтеніи» (стр. 254, 262 и др.), а также переводъ архим. Макарія; послѣднему нерѣдко отдается предпочтеніе за его точность и выразительность (стр. 262; 283; 331 и др.); на русскій переводъ синодальнаго изданія дѣлается ссылка только въ концѣ сочиненія (стр. 365). Изъ трудныхъ для перевода и толкованія мѣстъ кн. Екклесіаста останавливаются на себѣ вниманіе: III, 11: «и вѣчность¹⁾ Онъ вложилъ въ сердце ихъ, но такъ, что не можетъ постигнуть человекъ дѣлъ, которыя Богъ дѣлаетъ», причемъ слово «вѣчность» объяснено, какъ

1) По славян. В.: *всѣмъкъ*; по рус. Синод. переводу: *міръ*.

«предчувствіе вѣчнаго Бога, Его вѣчнаго Существа, силы и владычества» (стр. 276); VII, 14 (конецъ): «чтобы человѣкъ не постигалъ послѣ себя ничего» ¹⁾, т. е., чтобы онъ чувствовалъ свою безусловную зависимость отъ Бога и не считывалъ на будущее» (стр. 333); VIII, 10: «и предаваемы были въ городѣ забвѣнію поступавшіе право» ²⁾ (стр. 352). Такіе переводы, несходные съ существующими у насъ, побуждаютъ читателя вникнуть въ текстъ подобныхъ мѣстъ и путемъ тщательнаго разсмотрѣнія его выработать возможно болѣе совершенный русскій переводъ.

По способу изложенія и это сочиненіе назначено для большаго доселѣ у насъ круга читателей, знакомыхъ съ классическими языками.

Второе изъ вышеназванныхъ сочиненій о кн. Екклесіаста, принадлежащее преосв. Филарету, бывшему ректору кievской духовной академіи, посвящено главнымъ образомъ вопросу о времени происхожденія этой священной книги и въ этомъ отношеніи, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, представляетъ прекрасное восполненіе къ разсмотрѣнному выше труду. Ближайшимъ образомъ оно вызвано было сочиненіемъ извѣстнаго въ библейской литературѣ нѣмецкаго профессора Гретца ³⁾ о кн. Екклесіаста, въ которомъ написаніе ея отнесено ко времени іудейскаго царя Ирода, такъ называемаго Великаго, и въ подтвержденіе этого страннаго мнѣнія приведены такіа «наглядныя лингвистическія данныя» (стр. 11), которыя придаютъ ему научную обоснованность. На отечественнаго автора эти доказательства произвели сильное впечатлѣніе, дѣйствіе котораго слышится въ его словахъ: «пока эти данныя не опровергнуты или не разъяснены научнымъ образомъ, тѣнь Ирода, вызванная Гретцемъ, стоитъ неострашимо около Когелета, какъ ни страннымъ кажется на простой взглядъ ихъ сопоставленіе» (стр. 12). Не удовлетворяясь вполнѣ критическими разборами этого сочиненія, явившимися въ иностранной литературѣ, въ томъ числѣ и весьма содержательнымъ сочиненіемъ Блоха ⁴⁾, опровергавшаго научнымъ

1) По славян. Б.: *да не обрѣщетъ человекъ за нимъ ничтоже*; по р. Синод. пер.: *чтобы человекъ ничего не могъ сказать противъ Него*.

2) По слав. Б.: *похваляени быши во градѣ, ако силе сотвориша*; по Синод. р. пер.: *и они забываемы были въ городѣ, гдѣ они такъ поступали*.

3) *Kohelet oder der Salomonische Prediger. von Graetz. 1871.*

4) *Bloch. Ursprung und Entstehungszeit d. Buches Kohelet. 1872.*

путемъ выводы Гретца, авторъ рѣшилъ самъ «пересмотрѣть данныя, какія представляетъ сама книга для рѣшенія вопроса о своемъ происхожденіи, и съ критическою строгостью опредѣлить вѣсь и значеніе ихъ, чтобы придти къ вѣрному выводу изъ нихъ» (стр. 1). И такъ какъ таковыми данными служить содержаніе и языкъ кн. Екклезіаста, то поэтому авторъ поставилъ своею задачею пересмотрѣть то и другое «совершенно отдѣльно и независимо» (стр. 22) и полученные при этомъ результаты привести къ одному общему выводу относительно времени написанія книги.

Въ сочиненіи выполнена, къ сожалѣнію, только первая часть задачи; по выполненію второй (относительно языка еврейскаго текста) въ рукописяхъ покойнаго не найдено чего либо готоваго къ печати. Несмотря на неоконченность, этотъ новый трудъ преосвященнаго Филарета составляетъ дорогой подарокъ отечественной библейской литературѣ.

Свой пересмотръ данныхъ авторъ началъ съ надписанія (I, 1) и эпилога или послѣсловія (XII, 9 — 14) вмѣстѣ съ троекратнымъ замѣчаніемъ въ текстѣ книги: *сказалъ Екклесіастъ* (I, 2; VII, 27 и XII, 8). Во всемъ этомъ онъ находитъ, вопреки автору предшествующаго сочиненія, достаточно опредѣленное, хотя и не буквальное, внѣшнее свидѣтельство, принадлежащее глубокой древности, именно — о царѣ Соломонѣ, какъ писателѣ этой книги, такъ какъ ему только могутъ принадлежать тѣ черты, которыми характеризуется въ надписаніи и послѣсловіи писатель этой книги, какъ сынъ Давида, царствовавшій въ Иерусалимѣ, какъ мудрецъ, все изслѣдовавшій, и составившій много притчей. Правда, надписаніе, троекратное замѣчаніе и послѣсловіе принадлежатъ, по мнѣнію автора, имѣющему наибольшую вѣроятность, не самому Екклесіасту, который вездѣ въ своей книгѣ говоритъ о себѣ въ 1-мъ лицѣ (I, 12. 13. 14 и дал.), а не въ 3-мъ, какъ въ указанныхъ частяхъ книги, авторъ которыхъ слѣдовательно ясно отличаетъ себя отъ Екклесіаста, но это обстоятельство не подрываетъ важнаго значенія у свидѣтельства, представляемаго указанными частями книги, такъ какъ послѣднія имѣютъ на своей сторонѣ глубокую древность: по крайней мѣрѣ неизвѣстно доселѣ такихъ списковъ этой книги, какъ оригинальнаго текста, такъ и переводовъ, въ которыхъ не было бы надписанія ¹⁾ и послѣсловія съ тремя помянутыми

¹⁾ Неупомянутіе у автора въ данномъ мѣстѣ соч. (стр. 28) о надпи-

замѣчаніями, или въ которыхъ эти части книги представляли бы «какіе-либо варианты, могущіе навести сомнѣніе на подлинность свидѣтельства о происхожденіи нашей книги, существующаго издревле въ священномъ кодексѣ неразрывно съ самою книгою» (стр. 28). Источникомъ свѣдѣній для составителя надписанія и прочихъ дополненій служила сама же книга и — сохранявшееся въ его время преданіе объ ея писателѣ (стр. 32). Названіе «козелетъ» или «екклезіастъ» дано ему потому, что такъ назвалъ себя Соломонъ (стр. 34).

Повѣряя это свидѣтельство издателя книги съ содержаніемъ послѣдней или съ тѣми особенностями жизни еврейскаго народа, которыя обрисованы въ ней, авторъ, вопреки мнѣнію другихъ библеистовъ, не находитъ ничего несовмѣстимаго съ тѣмъ, что происходило въ царствованіе Соломона, какъ это особенно показываютъ многія мѣста другаго писанія Соломона — книги Притчей, весьма сходныя, по изображеннымъ въ нихъ различнымъ настроеніямъ и недугамъ общественной и частной жизни, съ тѣми, какія указываются въ книгѣ Екклезіаста (стр. 45—50). Для объясненія же того, какимъ образомъ у Соломона, который обыкновенно представляется счастливейшимъ изъ земныхъ царей, могло сложиться такое нерадостное возрѣніе на труды человѣческіе, проглядывающее въ книгѣ Екклезіаста, авторъ входитъ въ обстоятельное обзорѣніе исторіи этого царствованія (стр. 53—77). Обзорѣніе это, основывающееся на свидѣтельствахъ ветхозавѣтныхъ книгъ и изслѣдованіяхъ историковъ, показываетъ, что состояніе государства во вторую половину царствованія Соломона существенно отличалось отъ того, какимъ оно было въ первую его половину, что первое въ противоположность послѣднему, когда народъ чувствовалъ себя счастливымъ подъ управленіемъ славнаго царя, было состояніемъ большаго броженія умовъ, крайняго народнаго недовольства своимъ настоящимъ положеніемъ и напряженныхъ усилій къ выходу изъ него. Вышнимъ проявленіемъ такого народнаго настроенія служило возмущеніе, поднятое Іеровоамомъ и нашедшее, какъ заставляютъ думать послѣдующія событія, сильное сочувствіе и поддержку въ Ефремовомъ и другихъ сѣверныхъ колѣнахъ. Возстаніе было подавлено, но оно должно было оставить глубокой слѣдъ въ душѣ мудраго царя. Оно должно было «открыть

савні представляется намъ не намѣреннымъ опущеніемъ, которое поэтому и восполняется нами.

ему глаза на все происходящее въ его царствѣ, на тѣ плоды, которые вышли изъ сѣмянъ, имъ самимъ посѣянныхъ. Соломонъ ясно видѣлъ всю бесполезность и мудрости, которую нѣкогда прославился больше всѣхъ царей на землѣ, и тѣхъ разнообразныхъ затѣй и учрежденій, на которыя такъ изобрѣтательна была полная силы и энергіи его молодость... Если «присоединимъ къ этому грозное опредѣленіе Божіе объ отнятіи у него царства за отступленіе отъ Іеговы, намъ понятно будетъ состояніе его духа, нѣкогда сильнаго и славнаго, теперь потрясеннаго и униженнаго. Естественная пора саморазмышленія, въ которомъ человѣку, особенно въ виду недалекой смерти, ясно представляется вся прошедшая жизнь, все въ теченіе ея видѣнное и испытанное, съ послѣднимъ результатомъ всего сдѣланнаго отъ начала до конца. Плодомъ этого саморазмышленія Соломона и представляется разсматриваемая нами, говоритъ авторъ, книга Екклесіастъ» (стр. 77).

Обозрѣвая съ этой точки зрѣнія, на которую долженъ былъ стать Соломонъ въ послѣдніе годы царствованія, содержаніе книги Екклесіаста, авторъ даетъ дѣйствительно замѣчательное по соответствію съ ея текстомъ въ частностяхъ и въ цѣломъ, объясненіе этой книги. Изъ дѣлаемыхъ авторомъ объясненій отдѣльныхъ мѣстъ выступаетъ особенно по своей сообразности съ текстомъ книги толкованіе IV, 13—16 въ примѣненіи къ Соломону и Іеровоаму послѣ возмущенія послѣдняго и удаленія въ Египетъ (стр. 82—91). Первый здѣсь называетъ себя *старымъ, но неразумнымъ царемъ*, такъ какъ «своимъ неблагоразуміемъ и отступленіемъ отъ завѣта Іеговы навлекъ на себя гнѣвъ Его и возбудилъ мятежь въ народѣ». Второй названъ *бѣднымъ, но умнымъ юношею*, какъ сынъ вдовы, обладавшій большими способностями, которыми обратилъ на себя вниманіе самого Соломона. Несмотря на его бѣдность и удаленіе въ «страну бѣглецовъ» (вмѣсто: *изъ темницы*, по обычному переводу), Соломонъ, какъ знавшій предсказаніе прор. Ахіи видить въ немъ будущаго царя надъ многочисленнымъ народомъ, причемъ предусматриваетъ и имѣющія произойти отъ него для народа бѣдствія (: *позднѣйшіе не порадуются имъ*). Сравнительно съ извѣстными въ литературѣ толкованіями этого мѣста книги Екклесіаста это — лучшее его объясненіе ¹⁾.

¹⁾ У современныхъ библеистовъ критическаго направленія, относящихъ происхожденіе кн. Екклесіаста ко времени Персидскаго владыче-

Изъ обстоятельствъ послѣднихъ годовъ царствованія Соломона весьма правдоподобно объясняетъ авторъ и главный предметъ книги. Его видитъ онъ въ рѣшеніи важнѣйшаго изъ вопросовъ, занимающихъ человѣка, — о благѣ или счастьи (стр. 112). Къ рѣшенію его подвигнуть былъ въ концѣ дней своихъ Соломонъ какъ настроеніемъ народныхъ умовъ, такъ и внутреннимъ своимъ состояніемъ. Охватившее въ это время народную массу недовольство своимъ положеніемъ заставило мудраго царя вникнуть въ причины этого недовольства и для этого рассмотреть и свои собственныя дѣйствія, и дѣйствія другихъ. Сообразно съ этимъ въ своей книгѣ онъ и указываетъ своимъ подданнымъ то, во-1-хъ, въ чемъ состоитъ дѣйствительное благо человѣка, и, во-2-хъ, какъ этого блага достигнуть при существующемъ порядкѣ вещей (стр. 116).

Подтверженіемъ правильности принятаго авторомъ взгляда на лице писателя и время написанія книги Екклесіаста служить сдѣланное имъ послѣдовательное изложеніе ея содержанія. Это изложеніе, представляющее опытъ краткаго объясненія текста книги изъ обстоятельствъ времени послѣднихъ годовъ царствованія Соломона, такъ естественно, просто и ясно, что мысль о происхожденіи ея въ другое какое-либо время утрачиваетъ вѣроятность. Какъ указываемыя въ книгѣ общественныя нестроенія (неправосудіе, притѣсненія, шпіонство и т. п.) находятъ свое объясненіе въ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопутствовавшихъ возмущенію Иеровоама, такъ и неоднократно высказанный писателемъ книги совѣтъ—довольствоваться скромнымъ благомъ, которое доставляетъ человѣку пользованіе плодами своихъ трудовъ, какъ даромъ Божіимъ, наиболѣе былъ умѣстенъ и полезенъ въ то время, когда народъ, недовольный своимъ положеніемъ, задавался широкими планами относительно своего благоустройства и улучшенія своего благосостоянія. Когда народъ находился подъ нелегкою всегда властью иноземнаго царя ¹⁾ и

ства, наиболѣе вѣроятнымъ признается другое объясненіе, по которому подъ бѣднымъ, но умнымъ юношею разумѣтся Киръ, а подъ старымъ, но неразумнымъ царемъ—Астиагъ, ц. мидійскій; но вѣроятность этого объясненія крайне сомнительна, такъ какъ изображеніе юноши, сдѣланное Екклесіастомъ, совершенно не приложимо къ Кирю, какъ сыну владѣтельнаго князя или царя, ставшему царемъ по праву наслѣдованія и чрезъ борьбу съ Астиагомъ только расширившему свое царство.

¹⁾ Разумѣтся вышеприведенное мнѣніе, принимаемое многими ино-

не могъ свободно пользоваться тѣмъ, что выросло на полѣ и въ виноградникѣ, серьезно указывать на то благо, *чтобы псть и пить и услаждать душу свою отъ труда своего* (II, 24), несомнѣнно было бы дѣломъ не мудрости, а крайняго неразумія.

Въ изложеніи автора «содержаніе книги идетъ» дѣйствительно «такъ прямо къ лицу Соломона въ извѣстномъ историческомъ его положеніи, такъ живо воспроизводитъ въ нашемъ представленіи это положеніе, сложившееся для него въ послѣдніе годы его направленія, что безъ имени Соломона оно не мыслимо, какъ въ логическомъ предложеніи сказуемое безъ своего подлежащаго, и не можетъ быть понято во всѣхъ подробностяхъ его. Имя Соломона даетъ ключъ къ разумнѣю содержанія нашей книги» (стр. 172).

Излагая содержаніе книги, авторъ передаетъ его большею частью подлинными словами послѣдней въ русскомъ переводѣ съ еврейскаго, пользуясь впрочемъ при этомъ и греческимъ текстомъ 70-ти. Въ значительномъ числѣ мѣстъ этотъ переводъ, отступающій нѣсколько отъ Синодальнаго изданія (основанія для чего указаны авторомъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ), имѣетъ на своей сторонѣ достоинство наибольшей ясности и сообразности съ ходомъ рѣчи. Наприм., II, 8 (конецъ) переведенъ у автора: *завелъ у себя .. «жену и женъ»*¹⁾ или «большой гаремъ женщинъ» (стр. 123—124); III, II... «положилъ покровъ»²⁾ на *сердце ихъ* (стр. 129); VIII, 10: «а поступавшіе честно»³⁾ приходили и отходили отъ святаго мѣста и были забываемы въ городѣ» (стр. 158) и друг. мѣста.

Кромѣ нѣкоторыхъ страницъ и подстрочныхъ замѣчаній, обилующихъ еврейскими и другими иностранными словами, изложеніе сочиненія отличается общедоступностью.

Федоръ Елеонскій.

странными библестами, о происхожденіи книги Екклесіаста въ послѣднѣе время, когда іудейскій народъ находился подъ властью персидскихъ царей.

¹⁾ Этимъ словамъ въ Слав. В. соответствуетъ: *виночерпныи и виночерпныи*, въ рус. переводѣ: *разныя музыкальныя орудія*. Въ рассматриваемомъ соч. встрѣчается впрочемъ и этотъ послѣдній переводъ (стр. 78).

²⁾ Въ Слав. В. этому соответствуетъ: *оукъ*, въ русск.—*миръ*.

³⁾ Въ первой = *сине сотвориши*, во второй: *такъ поступали*.

Отечественные труды по Введенію въ Учительныя книги Ветхаго За- вѣта *).

Б. «Книга Пѣснь Пѣсней (Ширъ га-ширимъ) и ея новѣйшіе критики. Изслѣдованіе Акіма Олесницкаго, доктора Богословія, жстраординарнаго профессора Кіевской духовной Академіи» (1882 г., стр. 388).

Сочиненіе представляетъ научно-критическое введеніе въ кн. Пѣснь Пѣсней ⁴), изложенное не по обычнымъ заглавіямъ (содержаніе, мѣсто и время написанія книги и проч.), а по авторамъ, трудившимся надъ объясненіемъ этой священной книги, или «въ порядкѣ тѣхъ направленій во взглядахъ на нее, которыя образовались въ новѣйшее время» (стр. 5). Главнымъ образомъ оно представляетъ историко-критическій обзоръ толкованій этой книги, явившихся въ новое время (по 1881-й г., см. стр. 335) въ западно-христіанской (въ нѣмецкой — по преимуществу) литературѣ, трудящейся съ удивительною неутомимостью надъ ея объясненіемъ; по словамъ автора (стр. 1), въ послѣдніе сто лѣтъ выходитъ здѣсь среднимъ числомъ по одному на годъ сочиненію, посвященному этой книгѣ. Этому обзору новой литературы авторъ счелъ нужнымъ предпослать «вступительную часть», въ которой онъ подвергъ разсмотрѣнію важнѣйшіе общіе вопросы относительно этой книги, рѣшеніе которыхъ имѣетъ большое значеніе при оцѣнкѣ раз-

*) См. апрѣльскую кн. „Хр. Чит.“.

¹) Для краткости заглавіе этой свещ. книги будетъ далѣе обозначено буквами: П. П.

личныхъ взглядовъ на ея содержаніе, высказанныхъ въ новое время, каковы именно вопросы: о времени признанія каноническаго достоинства П. П., о текстахъ, въ которыхъ наиболѣе точно сохранилось ея первоначальное чтеніе, и объ ея древнемъ толкованіи (стр. 6).

Поводомъ къ разсужденію о времени внесенія П. П. въ канонъ ветхозавѣтныхъ книгъ послужило мнѣніе извѣстнаго еврейско-нѣмецкаго библиста *Гретца*, который внесеніе этой книги въ канонъ отнесъ вмѣсто времени Ездры—Нееміи къ 90 г. по Р. Хр. и въ подтвержденіе этого сослался на свидѣтельство Талмуда и частіе—Мишны. Весьма обстоятельно разсматривая это мнѣніе и приводя подлинныя слова іудейскаго памятника въ русскомъ переводѣ (стр. 11—12), авторъ признаетъ его неимѣющимъ дѣйствительныхъ основаній (стр. 30), а свидѣтельство Мишны—относящимся не къ канонизаціи П. П., а къ исторіи споровъ садукеевъ съ фарисеями по поводу выраженія, употреблявшагося послѣдними о священннхъ книгахъ, что онѣ «оскверняютъ руки» (стр. 12—26). Достоверность іудейскаго преданія о гораздо болѣе раннемъ нахожденіи П. П. въ канонѣ, чѣмъ 90-й г. по Р. Хр., остается такимъ образомъ не поколебленнымъ.

Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ изъ новыхъ критиковъ (*Раабе* и *Ноака*), которые относясь съ полнымъ недоувѣріемъ къ еврейскому тексту П. П. задаются стремленіемъ—возстановить первоначальный ея текстъ путемъ филологическихъ изысканій (стр. 31—34), авторъ съ увѣренностью признаетъ существующія чтенія этой книги вообще соответствующими первоначальному ея тексту; только въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ могли, по его мнѣнію, произойти въ послѣднемъ измѣненія вслѣдствіе ошибокъ переписчиковъ или намѣренныхъ перемѣнъ, сдѣланныхъ съ цѣлью объясненія или устраненія того, что казалось неудобнымъ «для ригористическаго вкуса времени» (стр. 35—41; 365). Въ наибольшей чистотѣ первоначальный текстъ П. П. сохранился, полагаетъ авторъ, не въ нынѣшнемъ еврейскомъ текстѣ (стр. 41—44), а въ греческомъ переводѣ 70-ти, передающемъ съ буквальною точностью выраженія, неизмѣнныя масоретами (стр. 44—49), а также въ сирскомъ переводѣ, согласно съ первымъ въ существенно-важныхъ мѣстахъ (стр. 53); на сторонѣ греческаго перевода стоятъ также арабскій и эѳіонскій переводы. Греческій текстъ 70-ти «долженъ быть признанъ», говоритъ авторъ, наиболѣе близко стоя-

щимъ къ первоначальному тексту этой книги»; «болѣе ясный масоретскій текстъ долженъ быть объясненъ и исправленъ примѣнительно къ менѣе ясному переводу 70-ти» (стр. 55—56).

«Наиболѣе господствующимъ взглядомъ во всей древности былъ взглядъ на П. П., какъ на аллегорію, имѣющую высшее, духовное значеніе» (стр. 58). У евреевъ такое пониманіе выразилось въ мидрашахъ и особенно въ таргумѣ; по нимъ возлюбленнымъ въ П. П. названъ Іегова, а возлюбленною — Израильскій народъ (стр. 66); въ таргумѣ объясненіемъ содержанія книги служить изложеніе «почти всей древней¹⁾ еврейской исторіи», заканчивающееся Эдомскимъ (римскимъ) плѣномъ и окончательнымъ освобожденіемъ Израиля чрезъ Мессію, сына Лавидова, и Мессію, сына Ефремова (стр. 68—69). Этому иносказательному объясненію остались вѣрными и позднѣйшіе іудейскіе толкователи книги въ теченіи первыхъ Х вѣковъ (по Р. Хр.), смотрѣвшіе при этомъ однако на нее, какъ на замокъ, отъ котораго ключъ потерянь (стр. 3; 75; 85); позднѣйшія іудейскія толкованія, объяснявшія П. П. въ буквальномъ смыслѣ, представляются рѣдкими, случайными явленіями (стр. 84).

Возрѣніе іудейской синагоги на П. П., какъ иносказательное изображеніе божественной любви къ народу завѣта, принято и учителями Христіанской Церкви, у которыхъ оно получило дальнѣйшее раскрытіе и примѣненіе. Въ обзорѣ древнихъ христіанскихъ толкованій на эту книгу авторъ остановилъ наибольшее вниманіе на трудахъ *Оригена*, перваго христіанскаго ея толкователя (стр. 87—100). Согласно съ іудейскимъ толкованіемъ, съ которымъ несомнѣнно былъ близко знакомъ Оригенъ, онъ объяснялъ П. П. исключительно въ иносказательномъ смыслѣ, какъ пѣснь, въ которой прославляется союзъ Христа съ Церковью; а разсматривая ее съ внѣшней стороны, онъ видѣлъ въ ней драму, въ которой дѣйствующими являются Христось, какъ Женихъ, Христіанская Церковь, какъ невѣста, души вѣрующіихъ, какъ хоръ друзей жениха (стр. 91—95). Это толкованіе Оригена изло-

¹⁾ Событія этой исторіи приурочиваются къ тексту П. П. посредствомъ особаго истолковательнаго приѣма,—такъ называемой асмахты,—состоящаго въ томъ, что изъ текста книги берется отдѣльное выраженіе, которое вводится въ толкованіе, хотя бы послѣднее не было объясненіемъ того мѣста книги, въ которомъ употреблено это выраженіе. Примѣры употребленія этого приѣма приведены на стр. 70.

женное въ 12 кн. и двухъ особыхъ бесѣдахъ, получило преобладающее значеніе у послѣдующихъ христіанскихъ толкователей древняго времени; его вліянію обязано, по всей вѣроятности, происхожденіемъ и сохранившееся въ знаменитомъ Синайскомъ спискѣ Библии (IV—V в.) раздѣленіе П. П. на 4 отдѣла съ особымъ обозначеніемъ лицъ, которымъ принадлежатъ содержащаяся въ ней рѣчи (стр. 99 — 97)¹⁾. Изъ другихъ толкованій древне-отеческаго времени, несходныхъ съ объясненіемъ Оригена, въ сочиненіи автора отмѣчены: взглядъ блаж. Августина, по которому П. П. представляетъ «изображеніе исторіи древнихъ евреевъ» (стр. 104) и существовавшія въ IV и V вв. толкованія ея въ смыслѣ буквально, какъ пѣсни, служившей выраженіемъ естественной любви Соломона (стр. 107—108).

Въ заключеніе обзора толкованій древняго времени авторъ дѣлаетъ нѣсколько общихъ полезныхъ замѣчаній, разъясняющихъ основаніе для принятаго большинствомъ учителей христіанской Церкви объясненія П. П. въ иносказательномъ смыслѣ (стр. 111—117). Самымъ важнымъ основаніемъ для этого служить «древнее преданіе», выразившееся уже въ принятіи этой книги въ священный канонъ ветхозавѣтныхъ книгъ, которое возможно было въ томъ единственно случаѣ, если «канонизаторы смотрѣли на П. П., какъ на аллегорію»; только при этомъ они «могли узнать божественный духъ», присутствіе котораго въ содержаніи книги было необходимо для внесенія книги въ канонъ. Какой же въ частности смыслъ имѣетъ аллегорія или притча, заключающаяся въ П. П., іудейское преданіе этого опредѣленно не показываетъ и въ этомъ, нужно думать, отношеніи авторъ называетъ его «недостаточнымъ» (стр. 113). Установить объясненіе этой столь загадочной по своему содержанію канонической книги есть дѣло Церкви, которая «имѣетъ право на основаніи общаго преданія, что П. П. есть религіозная аллегорія, прилагать къ ней свои спеціальныя объясненія, имѣя въ виду главнымъ образомъ христіанское назиданіе народа» (стр. 113—114), и вмѣстѣ съ этимъ—дѣло христіанской «науки, помимо которой невозможно, въ виду недостаточности историческаго преданія, рѣшеніе во-

¹⁾ Въ этомъ раздѣленіи текста П. П. заслуживаетъ, между прочимъ, вниманіе то, что VIII, 5 (вторая пол.), 6 и 7 приписаны жевиху, а не невѣстѣ, которой приписываются слова этихъ ст. въ славян. Библии.

проса» о «первичномъ историческомъ значеніи этой книги» (стр. 115).

Слѣдующій главный отдѣлъ сочиненія изложенъ съ особенною обстоятельностью и отчетливостью. Онъ представляет изложеніе и оцѣнку научныхъ попытокъ новаго времени понять смыслъ П. П. помимо аллегорическаго ея объясненія или въ союзѣ съ нимъ. Благодаря своему обширному знакомству съ экзегетической литературой, авторъ проводитъ здѣсь предъ читателемъ длинный рядъ біблейстовъ, въ томъ числѣ и двухъ отечественныхъ, которые занимались изученіемъ П. П., употребляя при этомъ разнообразныя способы къ разгадкѣ первоначальнаго ея смысла. Излагая съ большею или меньшею подробностью содержаніе этихъ трудовъ, авторъ всегда при этомъ указываетъ научное ихъ значеніе, степень ихъ основательности и сообразности съ текстомъ книги. Многочисленныя сочиненія о П. П. авторъ излагаетъ не въ порядкѣ времени выхода ихъ въ свѣтъ, а по группамъ, слагающимся на основаніи одинаковости научныхъ пріемовъ и взглядовъ, которыхъ держались изслѣдователи этой священной книги. Такое распредѣленіе разсматриваемыхъ сочиненій имѣетъ то преимущество предъ хронологическимъ порядкомъ, что открываетъ читателю возможность съ наибольшою полнотою и многосторонностью ознакомиться съ извѣстнымъ направленіемъ въ изслѣдованіи П. П., употребляемыми при этомъ пріемами и достигаемыми при ихъ помощи результатами, а автору даетъ возможность быть краткимъ безъ ущерба для ясности и освобождаетъ его отъ повтореній. Всѣ труды новаго времени о П. П. авторъ распредѣлилъ на 5 группъ; представляемые же ими взгляды на содержаніе книги называетъ гипотезами, какъ имѣющіе значеніе только предположеній, а не дознанныхъ истинъ или положеній.

Разсмотрѣніе новыхъ трудовъ, посвященныхъ П. П., начинается съ гипонизы «фрагментовъ» или «отрывковъ», названной такъ потому, что держащіеся ея біблейсты признавали П. П. составленною изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ, написанныхъ въ разное время, пѣсней, которыя впоследствии соединены были въ одну общую пѣснь съ нѣкоторыми при этомъ дополненіями. Эта гипотеза, явившаяся въ концѣ XVIII в., утратила свое значеніе во второй половинѣ XIX в.; съ нею знакомить русскихъ читателей авторъ только «для предупрежденія возможности возстановленія ея русскими из-

слѣдователями» (стр. 133). Изъ числа библиекстовъ принявшихъ и отстаивавшихъ эту гипотезу, авторъ излагаетъ взгляды *Гердера*, *Ейхорна*, *Гуфмагеля*, *Павлюса*, *Ребенштейна*, *Зандерса*, *Лоснера*, а съ особенною обстоятельностью — *Денке* и *Магнуса*, «филологическія изслѣдованія которыхъ о П. П. составляютъ центральный пунктъ во всей исторіи этой гипотезы» (стр. 143). За исключеніемъ Гердера, всѣ названные библиексты написаніе книги приписывали не Соломону, а другому лицу, жившему или въ царствованіе Соломона (по мнѣнію, наприм., Денке, стр. 146) или различнымъ авторамъ, жившимъ въ разныя времена существованія іудейскаго царства и—послѣ его разрушенія (по мнѣнію напр., Магнуса; стр. 158). Направляя свои критическія замѣчанія противъ взглядовъ отдѣльныхъ представителей фрагментарной гипотезы, авторъ кромѣ того дѣлаетъ общую ея оцѣнку, указывая, съ одной стороны на недостаточность основаній для дробленія П. П. (стр. 125—129), съ другой — на находящіяся въ ней несомнѣнные признаки ея единства, «констатированные большинствомъ фрагментистовъ» (стр. 182). Особенно же яснымъ и сильнымъ доказательствомъ несостоятельности этой гипотезы служитъ большое разнообразіе дѣлаемыхъ ея сторонниками дѣленій П. П. на составныя части. Приведши нѣсколько несходныхъ между собою формулъ этого дѣленія, авторъ справедливо говоритъ: «нельзя указать двухъ фрагментистовъ, которые проводили бы черезъ всю книгу одно и тоже дѣленіе; способъ дробленія, принятый однимъ, у другого замѣняется новымъ (стр. 128). Въ изслѣдованіяхъ фрагментистовъ о П. П. замѣчается равнымъ образомъ неодинаковость сужденій и относительно достоинства открываемыхъ ими составныхъ ея частей: «одни изъ нихъ, говоритъ авторъ, считаютъ лучшими частями книги именно тѣ, которыя у другихъ признаются самыми худшими» (стр. 173). Такое разнообразіе сужденій служитъ дѣйствительно показателемъ того, что П. П. не представляетъ и для знатоковъ еврейскаго языка замѣтныхъ признаковъ своего происхожденія изъ различныхъ составныхъ частей, принадлежащихъ различнымъ писателямъ и временамъ. Самый рѣшительный ударъ нанесъ этой гипотезѣ Эвальдъ, выдвинувшій новую гипотезу—драмы (стр. 208).

Гипотеза драмы объясняетъ содержаніе П. П., какъ произведенія драматическаго, состоящаго изъ нѣсколькихъ дѣй-

ствій. Она имѣетъ два вида, изъ которыхъ одинъ называется авторъ гипотезой «пастуха», другой — «драмы типистовъ». По первой изъ нихъ П. П. представляетъ рядъ поэтическихъ изображеній естественной любви двухъ мужскихъ лицъ-соперниковъ—пастуха и Соломона—къ прекрасной Суламитѣ. Самую замѣчательную разработку получила эта гипотеза у Эвальда, изслѣдованіе котораго о П. П. имѣло большое значеніе во всей протестантской литературѣ, сохраняющееся отчасти и въ настоящее время, почему авторъ остановился на немъ съ наибольшимъ вниманіемъ, изложивъ подробно объясненіе, даваемое этимъ ученымъ П. П. (стр. 203—207) и раскрывъ слабыя его стороны съ принятой Эвальдомъ точки зрѣнія (стр. 209—213). Съ меньшею обстоятельностью изложены взгляды на эту книгу Штейдлина, Умбрейта (стр. 197 — 201), Бетхера, Ренана, Кемпфа, Гитцига, Брюстона, Бунзена, Мейера (стр. 214 — 229) и нашего отечественнаго библеиста протоіерея Г. П. Павскаго, согласіе котораго съ этой гипотезой выразилось только въ краткомъ подстрочномъ примѣчаніи къ русскому переводу этой книги (стр. 231). По мнѣнію представителей этой гипотезы, П. П. написана въ израильскомъ десятиколѣнномъ царствѣ, послѣ Соломона (стр. 233 — 237). Оцѣнивая основанія гипотезы, при чемъ принимаются во вниманіе особенности греческаго перевода 70-ти (стр. 238 — 247), авторъ не признаетъ ни одного изъ нихъ прочно опирающимся на текстъ книги. Неправильность толкованія различныхъ мѣстъ книги у сторонниковъ этой гипотезы показана авторомъ такъ отчетливо и убѣдительно, что созданная ими драма оказывается дѣйствительно висящею въ воздухѣ. «Непосредственное чувство неудовлетворенія, испытываемое при обзорѣ изслѣдованій, посвященныхъ гипотекѣ пастуха, даетъ знать, что загадка П. П. въ нихъ не разрѣшается» (стр. 247). И то, что эта гипотеза, обратила на себя всеобщее вниманіе, авторъ объясняетъ только крайнею трудностью разрѣшенія загадки, представляемую этой священной книгой.

Второй видъ гипотезы драмы отличается отъ перваго тѣмъ, что, кромѣ буквального смысла, усматривается въ П. П. смыслъ высшій, иносказательный, и что, при установленіи буквального смысла книги, возлюбленный невѣсты, изображаемой въ П. П., не отличается, какъ у сторонниковъ перваго вида гипотезы, отъ Соломона, а отождествляется съ нимъ. Наибольше

тонкое и одухотворенное развитіе получила эта новая гипотеза въ трудѣ извѣстнаго нѣмецкаго комментатора ветхозав. книгъ *Франца Делича*. Существенныя черты даваемого имъ понятія о содержаніи П. II. состоятъ въ томъ, что въ ней изображается языкомъ поэзіи чистая и глубокая взаимная любовь царя Соломона и его невѣсты, прекрасной еврейки Суламиты, заканчивающаяся ихъ бракомъ; эта любовь, соединяющая жениха и невѣсту въ одну чету, служитъ раскрытіемъ идеи брака, которая, сообразно съ существовавшимъ у ветхозавѣтныхъ писателей примѣненіемъ ея къ изображенію завѣтныхъ отношеній Бога Израилева къ своему народу, имѣетъ въ П. II. высшій, типическій смыслъ, состоящій въ изображеніи «брачнаго отношенія Бога и человѣка» въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ (стр. 260). И противъ этого буквально-типическаго объясненія авторъ выставляетъ рядъ такихъ соображеній, которыя ясно показываютъ его несообразности и несоотвѣтствіе съ текстомъ книги: Соломонъ, являющійся при этомъ объясненіи образомъ Иеговы, по своимъ нравственнымъ качествамъ, выступающимъ въ обращеніяхъ къ Суламитѣ, понимаемымъ въ буквальномъ смыслѣ, стоитъ, по вѣрному замѣчанію автора, несравненно ниже Суламиты, олицетворенія израильскаго народа, что составляетъ явную несообразность (стр. 262—263); яснаго указанія на заключеніе брака, на идеѣ котораго держится типическое толкованіе, нѣтъ равнымъ образомъ въ книгѣ (стр. 263). Кромѣ взгляда Делича авторъ излагаетъ въ этомъ отдѣлѣ сходныя вообще съ нимъ объясненія *Гюфмана*, *Вейта*, *Вейсбаха* и нашего отечественнаго оріенталиста *К. А. Коссовича*. Особенность объясненія послѣдняго состоитъ въ томъ, что по нему въ П. II. воспѣвается супружеская неизмѣнная любовь Суламиты и пастуха, подвергшаяся въ лицѣ первой большому испытанію со стороны Соломона, но оставшаяся вѣрно своему долгу; при этомъ пастухъ является образомъ Христа, а Суламита — Церкви (стр. 274—276).

Свое разсмотрѣніе объясненій П. II. съ точки зрѣнія на нее, какъ на драму, авторъ заканчиваетъ тѣмъ выводомъ, что ни одно изъ нихъ не объясняетъ ея содержанія даже «приблизительно» (стр. 277). Этотъ выводъ авторъ подтверждаетъ затѣмъ рядомъ соображеній, основанныхъ на особенностяхъ еврейскаго народнаго характера, на исторіи образованія драмы въ древнемъ мірѣ и не-

свойственныхъ драмѣ особенностяхъ изложенія книги (стр. 278—289).

Неудовлетворили автора равнымъ образомъ и новѣйшія объясненія П. П. въ смыслѣ эпического разсказа или баллады, т. е., разсказа, облеченнаго въ поэтическую форму, о томъ, что было; этимъ бывшимъ, составляющимъ содержаніе книги, по мнѣнію однихъ (*Гретца*) служить чистая и невозмутимая любовь Суламиты къ своему жениху, изображенная съ пѣлюю «провести въ сознаніе народа идею глубокой, чистой и цѣломудренной любви въ противоположность той извращенной любви, какую авторъ находилъ въ обычаяхъ и нравахъ своихъ современниковъ» (стр. 295—296); по мнѣнію другихъ (*Ноака*)—любовь Самаріи, израильской столицы, къ эѳіопскому царю Тарраѣ, какъ освободителю отъ ассирійскаго господства (стр. 313—317). По первому изъ этихъ взглядовъ П. П. получила свое происхожденіе въ III вѣкѣ предъ Р. Хр., по второму—до вавилонскаго плѣна (стр. 318). Противъ перваго взгляда авторъ направляетъ рядъ своихъ замѣчаній, показывающихъ его несообразность (стр. 306—313); опровергать второй считаетъ излишнимъ по той причинѣ, что представляемая авторомъ его П. П. есть не наша каноническая книга, а собственное его сочиненіе (стр. 318).

Не болѣе удовлетворили наконецъ автора и принадлежащія новому времени толкованія П. П. въ смыслѣ аллегорическомъ. Изъ опытовъ этого рода разсмотрѣны въ сочиненіи объясненія западныхъ библеистовъ: *Гуна*, *Кайзера*, *Гана*, *Генстенберга*, *Шефера* и *Гесснера* (стр. 324—327). Каждое изъ нихъ представляетъ такія слабыя стороны, которыя подрываютъ довѣріе къ нимъ. Важнѣйшій недостатокъ ихъ состоитъ въ томъ, что они «жертвуютъ видимымъ для невидимаго» (стр. 322), т. е.,—буквальнымъ смысломъ книги для иносказательнаго, который поэтому является оторваннымъ отъ текста книги; давая то или другое толкованіе, новые аллегористы не указываютъ никакихъ научныхъ основаній для этого, не раскрываютъ тѣхъ посредствующихъ мыслей, которыя приводятъ къ такому, а не иному пониманію, безъ чего самое вѣрное объясненіе можетъ представляться произвольнымъ (стр. 323). Приведенные въ сочиненіи примѣры новыхъ аллегорическихъ объясненій вполне подтверждаютъ справедливость сужденій о нихъ автора (стр. 330; 332—334).

Общій выводъ изъ всего разсмотрѣннаго въ данномъ об-

ширномъ отдѣлѣ сочиненія заключается въ томъ, что никому изъ новыхъ изслѣдователей П. П., ни буквалистамъ, ни аллегористамъ, не удалось «найти ключа къ разрѣшенію загадки», представляемой этою книгою. Такой выводъ, не смотря на отрицательный его характеръ, имѣетъ немаловажное значеніе для нашей отечественной библейской науки по замѣчательной полнотѣ обзора новыхъ объясненій П. П. и по строго выдержанной критической ихъ оцѣнкѣ. Этотъ отдѣлъ сочиненія можетъ служить хорошимъ пособіемъ при оцѣнкѣ и вновь являющихся объясненій этой священной книги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и указателемъ того направленія, въ какомъ можетъ быть достигнуто разрѣшеніе «загадки, предложенной духу человѣческому» (стр. 338) въ П. П. Если столь могочисленные и разнообразные опыты буквального ея объясненія, которыми главнымъ образомъ занималась библейская наука въ послѣднія два столѣтія, оказались безуспѣшными, то это служить предостереженіемъ для насъ въ томъ отношеніи, чтобы не повторять сдѣланныхъ ошибокъ и искать другихъ способовъ къ объясненію смысла книги.

Одинъ изъ такихъ способовъ представляетъ самъ авторъ, оговариваясь при этомъ, что новое объясненіе П. П. принадлежитъ собственно не ему (стр. 339). Дѣло въ томъ, что «не находя возможности придти къ какому-либо рѣшенію» относительно смысла П. П. на основаніяхъ западной науки, онъ рѣшился обратиться къ восточной наукѣ въ лицѣ ученаго еврея (Самуила Тайяра), слышавшаго въ Иерусалимѣ, гдѣ былъ авторъ разсматриваемаго сочиненія, за феноменальнаго восточнаго мудреца (стр. 340). Главныя черты полученнаго такимъ путемъ новаго объясненія состоятъ въ слѣдующемъ. Невѣста П. П. есть олицетвореніе прекрасной израильской земли вмѣстѣ съ населяющимъ ее народомъ. Основаніемъ для этого служить, съ одной стороны, данное въ книгѣ описаніе невѣсты, состоящее исключительно изъ сравненія различныхъ частей ея тѣла съ произведеніями палестинской почвы, съ другой—обычное у ветхозавѣтныхъ писателей олицетвореніе земли обѣтованной въ образѣ дѣвы израилевой (стр. 342—356). Женихъ представляетъ олицетвореніе животворной силы физической (солнце), политической (Соломонъ) и высшей надъ тою и другою премірной божественной силы, благодѣющей странѣ. Основаніемъ и для этого объясненія служатъ: описаніе жениха, составленное изъ образовъ «всего того, что

есть только на землѣ наиболѣе яркаго и свѣтлаго» (стр. 358), чѣмъ указывается на свѣтоносную природу изображаемаго, — далѣе — описаніе кого-то восходящаго изъ пустыни среди столбовъ дыма и благовоній, вполне приложимое къ восходу палестинскаго солнца «всегда въ столбахъ дыма среди снѣга пара, вѣчно стоящаго надъ моавитскими горами» (стр. 359), — затѣмъ—шестикратное упоминаніе въ книгѣ имени Соломона и—наконецъ, изображеніе (въ послѣдней главѣ) любви безконечной и непреходящей, «представляющей собою пламень самого Божества» ¹⁾, словомъ—той любви Бога къ человѣку, «которая служитъ основаніемъ всего ученія о Мессіи» (стр. 362). Разъясняя и подтверждая такое пониманіе образовъ жениха и невѣсты П. П., авторъ примѣняетъ его къ тексту книги въ послѣдовательномъ его чтеніи, особенно оставиваясь на мѣстахъ, трудныхъ для объясненія, при чемъ нѣкоторымъ изъ нихъ дается особый переводъ ²⁾. Сущность объясненія, которое получаетъ при этомъ П. П., состоитъ въ томъ, что она представляетъ «циклъ поэтическихъ описаній всѣхъ временъ года на землѣ обѣтованной въ смыслѣ древняго обѣтованія (Лев. XXVI, 5 и дал.), по которому перемѣна временъ года для евреевъ будетъ переходомъ только отъ однихъ плодовъ и удовольствій къ другимъ» (стр. 380).

Не выдавая этого объясненія, почерпнутаго изъ бесѣды съ ученымъ евреемъ, за несомнѣнное, авторъ усволяетъ ему однако немаловажное значеніе не только въ виду его «оригиналь-

1) Послѣднія слова VIII, 4, переведенныя въ Синодальн. русск. переводѣ: *пламень весьма сильный*, значать буквально съ еврейскаго: «пламень Іаг», т. е.—Іеговы по обычному у насъ произношенію этого божественнаго имени; въ славян. В., согласно съ перев. 70-ти, этииъ словамъ соотвѣтствуютъ: *пламень ея*.

2) Наприм., въ I, 3 вмѣсто: *разлитое муро* (см. русскій Синод. пер) авторъ переводитъ: «звѣздное муро» на основаніи санскритскаго словаря (стр. 358, 366); въ I, 2 вмѣсто: *окалито меня* переведено: «косо на меня смотритъ» на основаніи употребленія читаемаго здѣсь еврейскаго глагола (шааф) съ такимъ значеніемъ въ кн. Іова (стр. 366); въ I, 7 вмѣсто: *скиталицею* переведено: «закутанною покровомъ» или «туманною» (стр. 367); въ II, 7, и др. вмѣсто: *не будите и не тревожьте* переведено: «не портите» (стр. 368); въ V, 10 вмѣсто: *лучше десяти тысячъ* переводится: «носящій знамя выше миріады», со ссылкой на евр. рѣченіе, переводимое обыкновенно у гебраистовъ въ значеніи: «отличающійся, возвышающійся»; въ VIII, 5 вмѣсто: *...отъ пустыни опираясь* переведено: «блестящая такимъ бѣлымъ цвѣтомъ... уподобляющаяся» или «близко стоящая, приноворяющаяся», со ссылкой на переводъ 70-ти (стр. 377).

ности и свѣжести» (стр. 341), но и въ смыслѣ указанія «новаго надежнаго направленія, въ какомъ нужно вести изслѣдованіе» объ этой священной книгѣ. Такое сужденіе автора о предложенномъ имъ объясненіи представляется намъ справедливымъ. Изъ всего того, что въ новое время выработано библейской наукой для объясненія П. П., взглядъ на ея внутренней смыслъ, выраженный въ разсматриваемомъ сочиненіи, является наиболѣе соответствующимъ тексту книги и ея каноническому достоинству, а вмѣстѣ съ этимъ и наиболѣе близкимъ къ толкованію, завѣщанному преданіемъ.

Исходнымъ пунктомъ при объясненіи П. П. служить то, кого или что разумѣть подъ изображенными въ ней женихомъ и невѣстою и отличать ли перваго отъ Соломона, какъ двухъ лицъ, отдѣльно дѣйствующихъ, или соединять образъ того и другого въ одно лицо. Предлагаемое настоящимъ объясненіемъ раскрытіе образа невѣсты въ смыслѣ обѣтованной земли въ цвѣтущее время исторіи избраннаго народа представляетъ пунктъ, наиболѣе обоснованный и сообразный съ ветхозавѣтнымъ словоупотребленіемъ и принятымъ у ветхозавѣтнаго пѣвца своеобразнымъ способомъ изображенія невѣсты. Многократное употребленіе словъ: «дѣва» или «дочь» для обозначенія народа и населяемой имъ страны ¹⁾ и изображеніе невѣсты въ П. П. почти исключительно чрезъ сравненіе отдѣльныхъ чертъ ея образа съ тѣмъ, что имѣетъ или производитъ лучшаго палестинская земля и живущій на ней народъ, дѣлаютъ вообще вѣроятною предложенную авторомъ разгадку этого образа. А то обстоятельство, что дарованіе этой земли израильскому народу входитъ въ божественныя обѣтованія, какъ неотъемлемая часть, и на это указываетъ пророками, какъ на дѣло великой божественной любви, дѣлаетъ понятными побужденія, по которымъ израильскій пѣвецъ избралъ предметомъ своей вдохновенной пѣсни прославленіе обѣтованной земли и описалъ ее въ образѣ прекрасной дѣвы. Сдѣланное авторомъ раскрытіе образа жениха является менѣе, конечно, обоснованнымъ и болѣе сложнымъ, но и оно не на-

¹⁾ Указанія образныя названія, по своему употребленію въ пророческихъ книгахъ, не даютъ однако права выдвигать при ихъ объясненіи на первое мѣсто представленіе страны вмѣсто живущаго въ ней народа; когда наприм., прор. Амось говоритъ: *ушла, не останется болѣе дѣва Израилева* (V, 2) то подъ дѣвой разумѣется израильскій народъ.

вязывается тексту книги, а отчасти внушается послѣднимъ: для этого изображенія, если не исключительно ¹⁾, взяты дѣйствительно свѣтлыя, блестящіе предметы, наводящіе на мысль о свѣтоносной природѣ жениха; еще болѣе непринужденно возникаетъ представленіе о вольномъ лучѣ солнца при чтеніи описанія жениха, какъ быстро и безпрепятственно идущаго по горамъ и холмамъ, заглядывающаго въ окно и въ ущелье скалы, рядомъ съ чѣмъ ясно говорится о минованіи зимы и наступленія весны (II, 8—14); объясненію величественнаго явленія, описаннаго въ III, 6 въ смыслѣ солнечнаго восхода нельзя равнымъ образомъ отказать въ соотвѣтствіи съ текстомъ этого мѣста.—Солнце, олицетворенное въ образѣ жениха, изображено, по объясненію автора, не со стороны только физической силы, но и со стороны общественной, какъ царь Соломонъ, и — высшей надъ тою и другою — божественной, какъ Мессія. Если сложность такого объясненія способна возбудить въ нашемъ разсудкѣ, стремящемся къ раздѣльности представленій, недоумѣнія, то при этомъ нужно принимать во вниманіе тѣ неизбѣжныя и весьма неблагоприятныя для пониманія II. II., какъ канонической книги, слѣдствія, какія влечетъ за собою отдѣленіе возлюбленнаго отъ Соломона. Въ наиболѣе возвышенныхъ объясненіяхъ библеистовъ, принимающихъ такое раздѣленіе, вносятся въ содержаніе II. II. такія черты, которыя явно не соотвѣтствуютъ достоинству священной книги и ея тексту, каковы именно проявленія естественной любви мужчины къ женщинѣ и обратно, выражаемая двумя соперниками (по гипотезѣ драмы). Что предметомъ, воспѣваемымъ въ II. II., служить не эта земная любовь, это съ особенною ясностью видно изъ послѣднихъ словъ книги, въ которыхъ, по мнѣнію держащихся указанной гипотезы, описывается тотъ моментъ, когда Суламита является вмѣстѣ съ своимъ возлюбленнымъ и при этомъ выражаетъ свою сильную, неизмѣнную любовь. Въ этотъ счастливѣйшій моментъ возлюбленный и возлюбленная ведутъ себя по тексту II. II., такъ, какъ совершенно несвойственно обыкновенной человѣческой любви: первый проситъ вторую только о томъ, чтобы она дала послушать ея пѣнія, а послѣдняя, въ отвѣтъ на это, проситъ возлюбленнаго о томъ, чтобы онъ бѣжалъ подобно

¹⁾ Разумѣется указаніе въ V, 11 на темныя волосы возлюбленнаго.

сернѣ или оленю, по горамъ бальзамическимъ, чѣмъ и заканчивается книга. Совершенное несоотвѣтствіе такихъ просьбъ и желаній съ обычными проявленіями естественной любви, стремящейся навсегда удержать при себѣ того или ту, къ кому она обращена, заставляетъ съ полною увѣренностью полагать, что чувство, одушевляющее жениха и невѣсту П. П., имѣетъ другую, высшую природу. Въ виду одного этого всѣ объясненія этой книги, не принимающія во вниманіе выше-чувственной природы изображаемой въ ней любви, не могутъ быть признаны правильными, соотвѣтствующими содержанию книги.

Примѣромъ того, какъ разложеніе образа жениха П. П. или различеніе возлюбленнаго Суламиты отъ Соломона неизбѣжно вносить въ содержаніе книги чуждые элементы, можетъ еще служить новое объясненіе ея, принадлежащее извѣстному библеисту *Годэ*, уважаемому въ христіанскомъ мірѣ особенно за прекрасныя толкованія Евангелій ¹⁾. *Годэ* усволяетъ П. П. двоякій смыслъ: буквальный и иносказательный. Первый опредѣляется согласно вообще съ объясненіемъ Эвальда, причѣмъ различаются три главныхъ дѣйствующихъ лица: пастухъ, Соломонъ и Суламита. При раскрытіи внутренняго смысла книги пастухъ принимается за одицетвореніе «идеала и первообраза израильскаго народа», т. е., «живого божественнаго Существа или Иеговы», Который «пасетъ свое стадо въ эфирныхъ областяхъ ²⁾, высоко надъ грубою дѣйствительностью земного бытія», «Который отъ времени до времени нисходитъ съ небесныхъ высотъ и отъ людей ничего не требуетъ, кромѣ пѣсни, какъ выраженія ихъ любящаго сердца». Въ Суламитѣ усматриваетъ французскій библеистъ олицетвореніе стремленія израильскаго народа къ своему идеалу, сердечнаго влеченія его къ Иеговѣ (стр. 237; 245) или олицетвореніе «истиннаго Израиля» (стр. 246), въ Соломонѣ—образъ «земнаго израильскаго царства въ противоположность владычеству Иеговы, невидимаго верховнаго Главы избраннаго народа» (стр. 237—238) Изображая мысли, чувствованія и дѣйствія этихъ символическихъ

¹⁾ Мы пользовались этимъ объясненіемъ *Годэ* въ нѣмецкомъ переводѣ: *Bibelstudien von Godet*. 1888 г. Erster Theil. 197—261; 270—280.

²⁾ Такъ понимаетъ *Годэ* названныя въ III *мѣста ароматовъ* (VI, 2), *горы ароматовъ* (VIII, 14); въ нихъ онъ видитъ изображеніе не только небесныхъ чертоговъ, но и Иерусалимскаго храма, на кадьльномъ altarѣ котораго возжигаемы были каждодневно благовонія (стр. 235).

лицъ, писатель III хотѣлъ чрезъ это указать, по мнѣнію автора этого объясненія, «на ту глубокую перемѣну, какая произведена была установленіемъ царской власти въ отношеніяхъ народа къ Іеговѣ и предостеречь отъ серьезной опасности, какой грозила эта перемѣна будущности народа (стр. 238). Въ частности: гнѣвъ братьевъ Суламиты, заставившихъ ее стеречь чужіе виноградники, а не свой собственный (I, 5), объясняется въ томъ смыслѣ, что послѣ установленія царской власти и послѣдовавшихъ затѣмъ завоеваній сосѣднихъ странъ, израильскій народъ вынужденъ былъ поддерживать своими войсками власть надъ покоренными народами, свою же собственную землю, данную Богомъ въ наслѣдіе, не сохранилъ неприкосновенною, а отдалъ во власть царя (стр. 239). Восторженные похвалы, какія расточаетъ Соломонъ невѣстѣ, служатъ изображеніемъ того обаянія, какое производила на израильскій народъ царская власть своимъ блескомъ, войсками, побѣдами, своимъ и народнымъ богатствомъ. Суламита, остающаяся равнодушною къ обольстительнымъ рѣчамъ Соломона, является, по взгляду Годэ, «живымъ символомъ того глубокаго стремленія къ Іеговѣ, той неутолимой жажды общенія съ Нимъ, того влеченія къ Богу, которое также было пейскоренимо въ этомъ народѣ. какъ его происхожденіе и мессіанское назначеніе» (стр. 242). Борьба, которую испытываетъ Суламита при выборѣ между пастухомъ и Соломономъ, служить изображеніемъ внутренней борьбы израильскаго народа, на который дѣйствуетъ, съ одной стороны, «ослѣпительный блескъ царской власти, льстящей чувствамъ, съ другой—святая любовь Бога, Который въ возвышенной строгости не употребляетъ никакихъ чувственныхъ средствъ для того, чтобы привязать къ себѣ народъ» (стр. 243). Борьба Суламиты оканчивается тѣмъ, что она остается вѣрно своему возлюбленному пастуху. Возвратившись изъ дворца Соломона домой, она находитъ его спящимъ подъ яблонью, гдѣ родила его мать ¹⁾. Этимъ указывается, по мнѣнію Годэ, на первое божественное обѣтованіе о сѣмени жены, произнесенное «подъ деревомъ грѣхопаденія, среди мукъ заслуженнаго наказанія; это было началомъ Боговочеловѣченія» (стр. 245). Подъ младшей сестрой, не достигшей совершен-

¹⁾ Вторую половину 5-го ст. VIII г. Годэ читаетъ согласно съ масоретскимъ текстомъ: *разбудила...* и приписываетъ эти слова невѣстѣ.

полѣтія, разумѣется языческое человѣчество, которому также предстоитъ сдѣлать выборъ «между призрочной славой и счастьемъ, которое даетъ божественная любовь, между мессіей въ золотомъ вѣнцѣ и Мессіей, волосы Котораго влажны отъ ночной росы» ¹⁾. Виноградникомъ Соломона въ Вааль-Гамонѣ (VIII, 11) названы подвластныя израильскимъ царямъ земли сосѣднихъ народовъ, которыми управляли царскіе намѣстники, названные *сторожами* и обязанные уплачивать ежегодную дань. Отличаемый отъ этихъ владѣній собственный виноградникъ Суламиты есть та земля, на которой живетъ еврейскій народъ; подать съ нея Суламита таже отдастъ царю, но часть ея выговариваетъ при этомъ въ пользу *стерегущихъ плоды*, т. е., священниковъ и левитовъ. Просьба Суламиты, обращенная къ возлюбленному, спѣшить на бальзамическія горы означаетъ то, что пока еврейскій народъ находится подъ властью земныхъ царей, для него невозможно полное единеніе съ Богомъ. «Осуществленіе мессіанскаго царства и полнаго единенія Іеговы съ своимъ пародомъ на землѣ, говоритъ авторъ этого объясненія, предполагаетъ совершенное освобожденіе страны отъ владычества земнаго царя. Мессіанское явленіе Іеговы, испытаніе язычниковъ, имѣющее послѣдовать за испытаніемъ іудеевъ, настоящее подчиненіе Израиля Соломону вмѣстѣ съ вѣрностью Богу и удаленіе Мессіи съ земли, на которой Онъ явился, вотъ тѣ истины, которыя заключены въ четырехъ загадкахъ III (стр. 252).

Это объясненіе, какъ видно изъ необходимо-краткаго изложенія главныхъ его пунктовъ, представляетъ, по нашему мнѣнію, много располагающаго въ его пользу своимъ правдоподобіемъ. Раскрытіе того, что сокрыто мудрымъ Соломономъ подъ образами возлюбленнаго и возлюбленной, оказывается, очевидно, довольно близкимъ къ тому пониманію, какое было въ іудейской синагогѣ и у древнихъ христіанскихъ толкователей, вслѣдствіе чего эта часть объясненія имѣетъ на своей сторонѣ и авторитетъ преданія. Подтверженіемъ правильности этого объясненія отчасти служить и пророческая пѣснь Исаи (V), въ которой Господу дается таже имя *возлюбленнаго*, для чего употреблено въ еврейскомъ текстѣ таже слово (*dod*), какъ и въ III, а израильскій народъ изображенъ подъ

¹⁾ Здѣсь разумѣется сказанное отъ имени возлюбленнаго въ V, 2: *голова моя вся покрыта росой.*

видомъ виноградника. — Но вмѣстѣ съ тѣмъ есть въ этомъ объясненіи такая сторона, которая заставляетъ усомниться въ его правильности и дѣлаетъ его неудобопріемлемымъ. Она заключается въ томъ особенномъ освѣщеніи, какое дано здѣсь Соломону, какъ олицетворенію царской власти у израильскаго народа. Вслѣдствіе обособленія отъ возлюбленнаго Суламиты Соломонъ является дѣйствующимъ, по этому объясненію, вопреки намѣреніямъ божественнаго начала, а потому несомѣстимымъ съ нимъ. Онъ стремится овладѣть тѣмъ, что ему не принадлежитъ и не можетъ принадлежать. Хотя Суламита, т. е., еврейскій народъ, освобождается отъ притязаній Соломона и соединяется съ своимъ возлюбленнымъ, тѣмъ не менѣе она чувствуетъ, что не можетъ всецѣло принадлежать послѣднему, пока несетъ обязательства въ отношеніи къ земному царю, поэтому она и проситъ возлюбленнаго, т. е., Господа на время удалиться на небеса. Богъ Израилевъ и царь являются по этому объясненію противниками въ дѣлѣ владычества надъ еврейскимъ народомъ. Такое представленіе объ отношеніяхъ верховнаго Царя и земнаго не можетъ быть, конечно, признано за сообразное съ ветхозавѣтнымъ воззрѣніемъ, а потому не можетъ служить правильнымъ объясненіемъ III, какъ канонической книги. Несообразность такого представленія видна съ особенною ясностью изъ того, что со времени Давида имя «царь», въ частности «Давидъ» или «отрасль» входятъ въ качествѣ составной части въ содержаніе божественныхъ обѣтованій о будущемъ Избавителѣ, общимъ названіемъ котораго становится даже названіе «Машіахъ» (Мессія), прилагавшееся по преимуществу къ еврейскимъ царямъ. Такой составъ божественныхъ обѣтованій показываетъ съ несомнѣнностью, что царская власть у израильскаго народа по своему назначенію, независимо отъ личныхъ свойствъ ея носителей, не представляла чего-либо неизбѣжно противодѣйствующаго владычеству верховнаго Царя надъ Израилемъ и несомѣстимаго съ нимъ. Въ виду этого крайне трудно согласиться съ тѣмъ, что сынъ Давида и мудрѣйшій изъ царей представилъ въ III подъ именемъ Соломона установленную у израильскаго народа царскую власть въ столь невѣрномъ свѣтѣ, что олицетворяемая въ Суламитѣ лучшая часть израильскаго народа испытываетъ отъ представителя этой власти внушенія, не ведущія къ истинному благоденствію, а въ заключеніе всего, по удивительной несообразности, удаляетъ отъ себя не носителя земной

власти, а Того, Кто олицетворенъ въ возлюбленномъ Суламиты.

Такихъ и подобныхъ имъ несообразностей чуждо напротивъ то пониманіе внутренняго смысла ПІІ, какое представлено отечественнымъ авторомъ и въ этомъ его большое преимущество предъ другими. Оно близко вообще къ тексту книги на всемъ ея протяженіи, а не опирается на одно или два мѣста, трудныя для пониманія; оно является вообще согласнымъ съ употребленіемъ у ветхозавѣтныхъ писателей образа дѣвы или возлюбленной для обозначенія народа и населенной имъ страны и — образа жениха или возлюбленнаго для обозначенія солнца (Пс. XVIII, 6), израильскаго царя и Бога откровенія; при этомъ оно не вноситъ въ содержаніе книги представленій, въ томъ или другомъ отношеніи несогласныхъ съ каноническимъ ея достоинствомъ. ПІІ при этомъ объясненіи получаетъ значеніе хвалебной пѣсни израильскаго народа солнцу видимому и Невидимому за ниспосылаемые щедрые дары. Правда, усвоеніе и этого объясненія не чуждо нѣкоторыхъ трудностей, на что указываетъ и самъ авторъ (стр. 365): иносказательный смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ книги, наприм., сказаннаго о виноградникахъ, стережъ которые поставили Суламиты сыновья ея матери, и о собственномъ ея виноградникѣ (I, 5; VIII, 12) остается неяснымъ (стр. 367; 379—380); объясненіе сказаннаго о младшей сестрѣ (VIII, 8) можетъ представляться недостаточнымъ ¹⁾; наконецъ, и вышеуказанные новые переводы отдѣльныхъ мѣстъ ПІІ не всѣ таковы, чтобы не возбуждать сомнѣній относительно своей обоснованности ²⁾. Но недоумѣнія этого рода, касающіяся вообще

¹⁾ По словамъ автора, *сестра наша* «естъ таже невѣста—сестра, о которой говорилось во всѣхъ предшествующихъ пѣсняхъ» (стр. 379), при чемъ остается однако безъ объясненія причина, по которой она названа въ книгѣ *малою* или *младшею*.

²⁾ Нѣкоторые изъ вышеприведенныхъ переводовъ дѣйствительно имѣютъ для себя основаніе или въ значеніи еврейскихъ словъ, употребляемыхъ въ ПІІ, или въ древнихъ переводахъ. Таковъ предлагаемый авторомъ новый переводъ въ I, 5: «косо смотреть на меня»; употребленный здѣсь еврейскій глаголь (шазаф), переводимый обыкновенно въ значеніи: «опалить», имѣлъ несомнѣнно у древнихъ евреевъ другое значеніе: «смотреть, видѣть», въ какомъ онъ два раза употребленъ въ кн. Іова (XX, 9 и XXVIII, 7); дальнѣйшее, даваемое этому глаголу авторомъ значеніе: «косо смотрѣть» имѣетъ для себя подтвержденіе въ перев. 70-ти, гдѣ онъ переданъ чрезъ *παρέβλεψεν* = *прислрл* (по Острож-

частностей, показываютъ только то, что новое, предложенное авторомъ объясненіе требуетъ дальнѣйшей научной разработки въ данномъ направленіи. Во всякомъ случаѣ авторъ въ разсматриваемомъ сочиненіи съ полною убѣдительностью доказалъ то, что явившимися въ западно-европейской литературѣ новыми объясненіями III намъ довольствоваться нельзя, а необходимо искать новыхъ путей къ разрѣшенію загадки, какую представляетъ эта книга. Занимающій большую часть сочиненія критическій разборъ древнихъ и новыхъ толкованій III весьма важенъ и полезенъ для отечественной литературы, какъ прекрасное приготовленіе къ изученію этой книги, а представленный новый взглядъ на ея общее содержаніе даетъ руководящее начало къ правильному ея пониманію. Можно пожалѣть развѣ о томъ, что авторъ не приложилъ указателя многочисленныхъ личныхъ именъ, названныхъ въ сочиненіи.

Федоръ Елеонскій.

ской и Первопечатной Библии) или точнѣе „мимо смотрѣло“, разумѣется солнце (переводъ Елизаветинской Библии: *они служатъ передачей* не греческаго текста 70-ти, а еврейскаго въ обычномъ у лексикографовъ значеніи еврейскаго слова) и затѣмъ — въ эеопскомъ переводѣ, гдѣ данное мѣсто передано: „солнце не смотритъ на меня“ (см. Theologisches Literaturblatt. 1900 г., № 49, стр. 572, въ рец. Orelli на соч. Euringer: Die Auffassung des Hohenliedes bei den Abessyniern). Такойъ, далѣе, переводъ въ I, 7: „закутанною“, какъ вполне соответствующій и значенію употребленнаго здѣсь еврейскаго слова („отъят“) и переводу 70-ти: *περιβαλλομένη*, что передано въ славян. В.: *облагающаяся*. Такойъ также и переводъ въ VIII, 5: „блестящая такими бѣлыми цвѣтомъ“, какъ соответствующій переводу 70-ти, въ которомъ здѣсь читается: *λελακηθισμένη*, по славян. В.: *убылена*, изъ чего слѣдуетъ, что греческіе переводчики читали здѣсь иное слово вмѣсто *πυγμα*, читаемой согласно съ III, 5 къ масоретскому текстѣ. Но другіе изъ новыхъ переводовъ намъ, по крайней мѣрѣ, представляются не обоснованными; смыслка, наприм., для перевода: „звѣздное муро“ на санскритскій словарь не можетъ быть убѣдительною уже потому, что оставляетъ безъ объясненія употребленіе въ III санскритскаго слова вмѣсто одного изъ существовавшихъ въ евр. языкѣ для обозначенія „звѣзды“; при переводѣ: „не портите“ въ II, 7 и др., употребленному здѣсь евр. глаголу или глаголамъ (ур, арар, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ они употреблены здѣсь, по евр. словарямъ значать: „возбуждать, пробуждать отъ сна“) дается необычное значеніе, несоответствующее тому, въ какомъ оно понимаемо было древними переводчиками (у 70-ти чрезъ *ἐγείρωτε καὶ ἐξυπάρχετε*, по славян. В. *возставьте и возбудите*) и понимается современными библиеводами; тоже можетъ быть сказано и о переводахъ „носящій знамя“ и „уподобляющаяся“. Все это однако не болѣе, какъ частности, не имѣющія первостепеннаго значенія при проведеніи даннаго объясненія.